

ТАГИЛЬСКИЙ
КРАЕВЕД

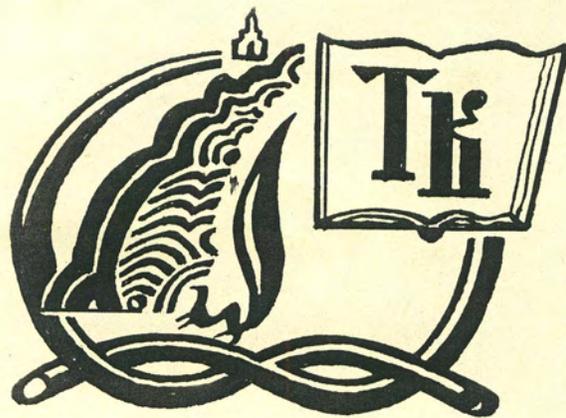

11

Н. Тагил

1991

ТАГИЛЬСКИЙ КРАЕВЕД

11

Жизненный Стагиль
1991

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЖИЛОВ

Ивану Абрамовичу Орлову - 90 лет.
Поздравляем с юбилеем!

4

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения И.А.Орлова. Более 40 лет жизни отдал Иван Абрамович краеведению. Он участвовал в археологических, историко-этнографических, ботанических экспедициях, оказывал помощь музею в комплектовании фондов. Составлял карты дореволюционного Тагила, собирал уникальные материалы по истории тагильских ремесел. Консультировал работавших в экспедициях в Тагиле ученых Москвы, Ленинграда, Перми, Свердловска.

Не напрасно Ивана Абрамовича называют "живой тагильской энциклопедией" - в архиве музея-заповедника хранятся десятки рукописей, являющихся ценным источником для изучения истории нашего города.

Иван Абрамович - один из инициаторов создания и активный член клуба краеведов. Не раз его воспоминания печатались на страницах нашего журнала. Написанные простым и ясным языком, полные живых деталей, они всегда привлекают к себе читателя.

Редколлегия "ТК".

И.А.Орлов

О ГОСТИНИЦАХ И ПОСТОЯЛЫХ ДВОРАХ В Н. ТАГИЛЕ

Гостиниц, в теперешнем понимании, мне кажется, не было. Были дома для приезжих в разные предприятия и ведомства, такие как "квартиры приисков" по Александровской ул. /просп. Ленина/, "Дом приезжих" по Тагильской ул. /Господский дом/, Дом железнодорожников и т.д. Это гостиницы служебного типа. Для приезжающих не по

Н. ТАГИЛЬ.

НОМЕРА УРАЛЬ

для г.г. приезжающих в Н.-Тагиль, по Салдинской улице, в собственном доме, № 23-й, Николая Митрофановича Трофимова, близ вокзала.

Цены от 60 коп. до 1 рубля за сутки.

Извозчикам прошу не верить.

С почтением *Ж. М. Трофимовъ.*

службе были "Номера", "Меблированные комнаты", "Квартиры для при-

езжающих" разные по размерам, обстановке и, конечно, цене за постой. Все они были приспособлены для этого в частных, преимущественно двухэтажных, домах, расположенных в центре города или недалеко от вокзала. Останавливались в них и семейные, и одинокие приезжие. Удобством они, конечно, не отличались. Услуги: самовар, чай, керосиновое освещение. Были и с готовым питанием. В маленьких комнатах, отделенных одна от другой легкими перегородками, были кровать, стол, один - два стула.

Содержались эти дома обыкновенно людьми небогатыми, которые зачастую лишали себя удобств и покоя ради пополнения дохода. Заставляла нужда и нехватки. Была, наверное, и конкуренция своего рода.

НОМЕРА для проезжающихъ

— „**РУСЬ**“ —

съ электрическимъ освѣщеніемъ.

Зота Ивановича КУМИНА.

Н.-ТАРИЛЪ, уголь Александровской и 1-й
Введенской ул., д. Капустина.

ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ.

Адреса этих частных гостиниц знали извозчики, приезжавшие на вокзал к приходу поезда. Охотней ездили к тем номерам, хозяева которых в благодарность давали "на чай". Извозчик по виду седока определял, куда везти "барина", "Ваше степенство" /купца/ и рядовых одиночных или семейных. Помню несколько фамилий хозяев таких "номеров" - Стригин, Железков, Трофимов.

В 1910-11 годах купцом Хлопотовым была открыта первая в Та-

гиле "Александровская" гостиница над его же кинематографом "Иллю-

Н. ТАГИЛЬ.

Александровская Гостиница

(лучшая въ Н.-Тагиль).

16 комфортабельно обставленных №№ Первоклассная кухня
подъ наблюдениемъ Московскаго повара, ресторанъ, биллиар-
ды, ванная комната, электрическое освѣщеніе, внимательная
прислуга.

Гостиница въ центрѣ торговыхъ фирмъ, общедоступные обѣды.

— ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ. —

Извозчикамъ прошу не вѣрять.

Съ почтеніемъ А. Д. АГЪЕВЪ.

зия" с электроосвещением и обслуживающим персоналом /швейцар, гор-
ничная, рассыльный и пр./. При гостинице был зал для любителей
картежной игры, конечно, людей состоятельных, желающих легко при-
бавить выигрыш к своему карману или особенно не жалеющих проиг-
рать дешево доставшиеся деньги.

Такого же типа, примерно в то же время, а может чуть позже,
была открыта такая же гостиница, так же по Александровской ул.
напротив демидовской больницы во втором этаже нового дома Шибне-
ва Григория Кирилловича.

Телефонъ.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ГОСТИНИЦА

И. И. Несіоловскаго

— въ Н.-Тагиль. —

16 комфортабельно обставленных №№.

Ресторанъ, биллиарды, ванны, электрическое освѣщеніе, паровое отопленіе,
посыльные,

Гостиница въ центрѣ торговыхъ фирмъ. — Номера отъ 50 к. до 3 р. 50 к.

Постоялые дворы.

Н. Тагил был не только центром металлургической и рудной промышленности, но и торговым центром. Сюда со своими сельскими товарами приезжали крестьяне соседних сел, деревень и даже дальних городов.

Шли обозы с зерном, мукой, мясом и разными сельскими товарами. Всем надо было место для возов и коней. Для этого были постоялые дворы. В просторной комнате широкие общие нары и полки над ними с постелями для сна. Посреди комнаты — столы и лавки для еды. Также широкий двор для возов с товаром и открылками для коней.

Если для приезжих по железной дороге номера располагались ближе к вокзалу, то постоялые дворы устраивались ближе к рынку, к водопою.

Такие постоялые дворы в моей памяти были по Арзамасской /Красноармейской/ ул., около пруда, это были постоялые дворы Калягина, Гаева, Курочкина. Был еще постоялый двор по ул. Шамина /К.Маркса/ у Дьячковой, но он, мне кажется, был не очень популярен.

Эти постоялые дворы обычно бывали заполненными с наступлением санного пути, после окончания полевых работ в деревне и в зимнюю рождественскую ярмарку.

Было еще одно пристанище для нищей братии — "ночлежка" — ночлежный дом от первоначального волостного правления на Ветохиной улице. /В татарской слободе недалеко от Маральского моста /. Плата за ночь — I копейка. Место на нарах в общей комнате. Кипяченая вода, умывальник. Сторож, он же "заведующий", он же истопник. Сюда часто заглядывала полиция.

Все это было давно, до начала империалистической войны 1914 года. Многое уже забылось, особенно "Номера".

/Рекламные объявления тагильских гостиниц и "номеров" подобрал И. Коверда/.

В. А. Симонов

ЗЕМЛЯНИКА

Еще в раннем моем детстве мы всей семьей ходили на гору Магнит /так звали Высокую/, брали с собой самовар, который разогревался сосновыми шишками. Для меня, привыкшего к тому, что самоварную трубу заправляли углями, это было удивительным. Из трубы шел смолистый дым, вода в самоваре закипала, и мы приступали к чаепитию с принесенными из дома постряпушками. Все было необыкновенно вкусно и ароматно, особенно чай со свежей земляникой.

Вид на Н. Тагил и гору Высокую с Лисьей горы. Слева видна Троицкая церковь. Справа на заднем плане старообрядческая часовня. Фото конца 19 века.

Перед чаем мать брала стеклянную банку и, ползая на коленях, собирала красные ягоды. Учила: "Вы идите не сверху вниз по горе, а снизу вверх. Тогда ягодки сами себя показывают. А то они такие хитрые, прячутся под листочками."

Удивительный земляничным аромат всегда приносил что-то радостное, лесное.

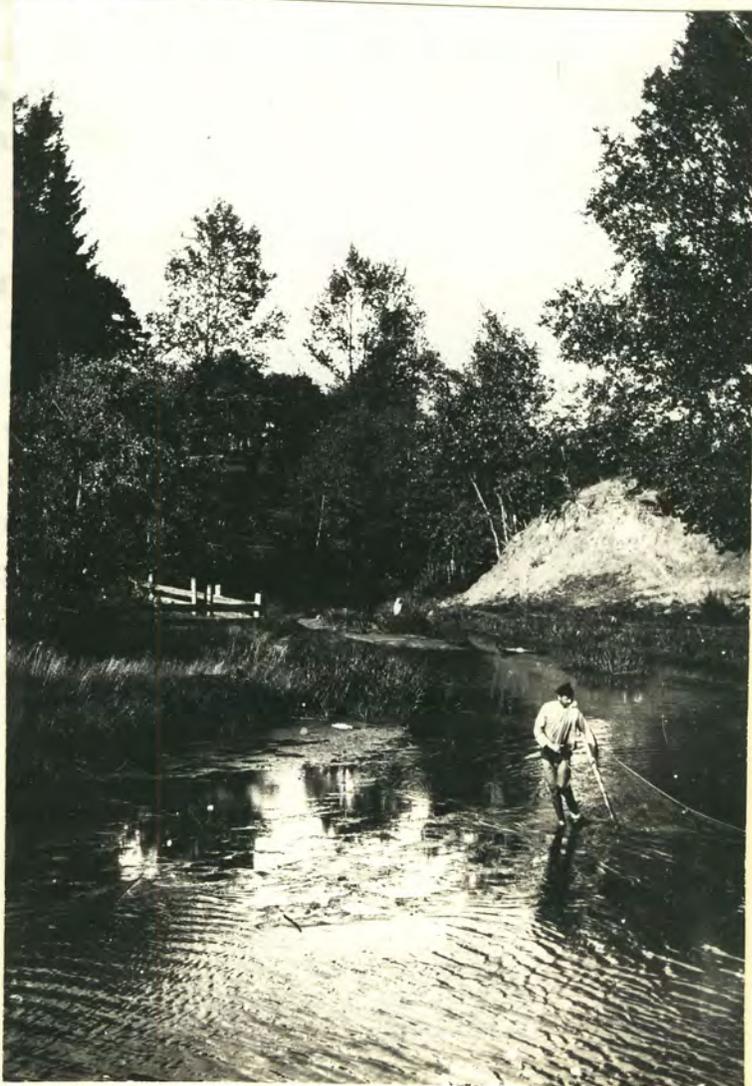
И потом, когда уже было прожито много лет, и подступила старость, я с неизменным чувством радости брал корзиночку и шел сначала на разведку к Голому камню. Ягодки еще однобоки: одна по-

ловинка красная, другая белая. Смотришь на нее и не знаешь, брать или не брать. Ну и пусть еще покрасуется здесь день или два, пусть ее возьмет кто-то другой, тебе ведь тоже что-то достанется.

Земляника около шихана любит жаться к камням, к бокам скал: они нагреваются солнцем. Во мхах ее нет. Но заглянешь в коврик травы, а там целая россыпь рубинов. Здесь первая земляника не та: она мелковата, но зато душиста, чего нельзя сказать о более поздней, растущей по склонам Голого камня, в густоте елей и сосен.

Я не любитель ездить за этой ягодой в дальние дали. Ее везде достаточно: по берегам реки Черной, вдоль Кушвинского тракта, за центральным кладбищем. И я не завидую сборщикам, едущим, как говорится, к черту на кулички, например, к станции Азиатской, где можно за день насобирать целое ведро. Ничего, что иной раз и спину заломит, и колени с трудом сгибаются, а когда встаешь, не распрямляются: ягода самая трудная для сбора, каждой яголке поклонись низким поклоном. Но все же корзиночка полна, и ты идешь к автобусу.

В верховьях
реки Тагил.
Фото конца 19 века.

ЧЕРНИКА

Эта черномазая ягода более всего любит сосновый бор и часто соседствует с земляникой. Собирать ее много легче, чем землянику, и не потому, что растет на высоких кустах, а потому, что растет густо. Как присел, так ползи на коленях, которые потом не отмоешь: будут в чернильных пятнах от сока. Кстати, говорят, из нее раньше приготавливали чернила.

Идешь собирать чернику в самый развод комариного племени. В жаркий июльский полдень пот застилает глаза, но перед ними все кусты и кустики унизаны сине-лиловыми ягодами, и нет сил оторваться от них. Потом, откусив от краюшки хлеба, берешь пригоршню ягод — и в рот. А дома насыплешь чернику в молоко и насладишься вволю. Только вот зубы перед сном не очистишь никак.

КЛЮКВА И БРУСНИКА

Когда приходишь на кочковатое болото и первый раз в жизни увидишь клюкву, тебе покажется, что кто-то опрокинул целую корзину ягод, настолько ее много. И не видно ни кустика, ни веточек, непонятно — на чем сидят ягоды. Но веточки есть, они тоньше булавки, и их не видно во мху.

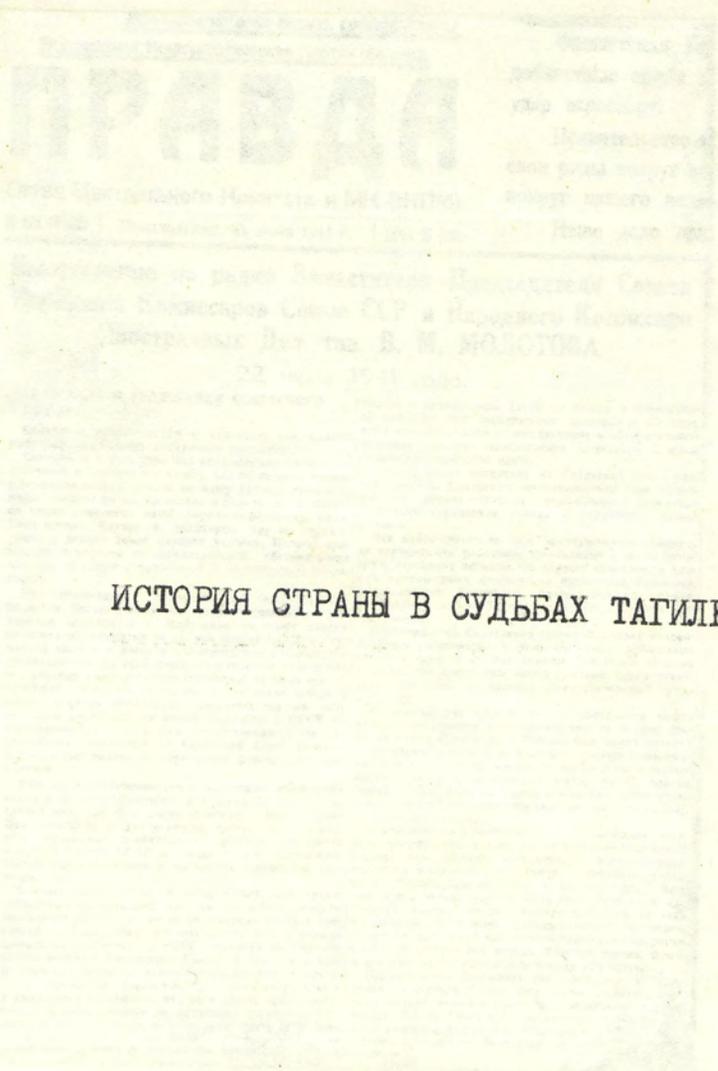
Нет на свете более удивительной ягоды по своим свойствам: столько в ней жизненных сил, что ни время, ни морозы над ней не властны. Можешь собирать ее осенью, можешь весной, перезимовавшую под снегом, правда, уже не в таких количествах. Можешь хранить ее в любой посуде, залив водой, как и бруснику. А эта красавица любит и сухие болота, и пригорки, покрытые сосновыми борами.

В.В. Засканин

ВРАЖДЕБНОСТЬ

К истории борьбы за мир в годы гражданской войны

Наша революционная борьба, пройдя путь десятилетий с того момента, как в 1917 году в России произошла революция, достигла своего высшего подъема в годы гражданской войны. Гражданская война — это борьба, которую мы вели, чтобы утвердить в нашей стране социализм.

ИСТОРИЯ СТРАНЫ В СУДЬБАХ ТАГИЛЬЧАН

История страны в судьбах тагильчан — это история борьбы за мир в годы гражданской войны. Это история борьбы за мир в годы гражданской войны. Это история борьбы за мир в годы гражданской войны. Это история борьбы за мир в годы гражданской войны. Это история борьбы за мир в годы гражданской войны.

ЭВАКУАЦИЯ

/ К 50-летию начала Великой Отечественной войны /

Цепка человеческая память. Прошло пять десятилетий с того летнего воскресного дня, когда В.М.Молотов известил советский народ о начале войны. Грозные тучи войны мы, южане, почувствовали

Пролетарии всех стран, соединитесь!
Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).
 № 172 (8580) Понедельник, 23 июня 1941 г. ЦЕНА 15 коп.

Фашистская Германия доблестные армии и удар агрессору. Правительство и свои ряды вокруг нас вокруг нашего великого дела прав

Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА

22 июня 1941 года.

ГРАЖДАНЕ И ГРАЖДАНКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предупреждения каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Надеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по исполнению договора. Вся ответственность за это разбойническое нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как Народному Комиссару Иностранных Дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявило никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте нашей войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром германским послом заявление, что якобы советские войска обстреливали румынские аэродромы, является ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойническое нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровавых фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армии и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на походы Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной доблестнейшей армии вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

еще в начале весны — многих командиров запаса призвали в армию, инженерно-технических работников вызывали в Горком партии, где предлагали поехать на строительство оборонных сооружений... И все же никто не представлял себе, что такое война, какое горе всему народу она принесет.

Первые дни войны в Кривом Роге — городе металлургов и горняков — остались в памяти затемнением, рытвем щелей возле домов, где

укрывались во время воздушных налетов. Тысячи горожан на железнодорожных платформах выезжали на окраину города, где рыли оборонительные многокилометровые противотанковые рвы. В магазинах мгновенно раскупили мыло, соль, сахар, спички и крупу. И все же не верилось, что война коснется юга Украины.

Мы, молодежь, свято верили в "ворошиловские залпы" и в то, что в случае войны будем воевать на "чужой территории". Со слезами умиления мы смотрели в кинохронике на военные парады на Красной площади, да и сами участвовали в формированиях М.П.В.О... Верили официальной пропаганде и со дня на день ждали, когда наша доблестная Красная Армия обрушится на полчища фашистов. В этой мысли мы все более утверждались, зная, как нам вдалбливали в наши нестойкие умы, что все враги народа за последние четыре года у нас уничтожены. Да, так мы думали, верили, надеялись... А тем временем в конце июня 1941 года через Кривой Рог следовали на восток на открытых железнодорожных платформах женщины и дети с западных областей Украины. Они ехали в места, куда грозные раскаты войны еще не докатились. Глядя на них, никто не мог себе представить, что через месяц - полтора такая же участь постигнет всех, кто не захочет оставаться в оккупированном немцами городе. Я один из тех, кто 8 августа 1941 года эвакуировался последним эшелонем с металлургического завода "Криворожсталь" на Ново-Тагильский металлургический завод. Несмотря на полувековую давность, эти трагические дни забыть невозможно, хотя в каких-то деталях я могу быть неточен, не все одинаково врезалось в память. Заранее был разработан план эвакуации. Никаких стихийных акций, неразберихи, неожиданности для людей не было. Эвакуация позволила сохранить часть квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, их семьи, много мобильного оборудования.

Внезапность нападения гитлеровской Германии и скорость продвижения фашистских полчищ по Украине в первые недели войны создали невероятные трудности с эвакуацией завода. К тому же почти все мужчины призывного возраста были призваны в Красную Армию.

На "Криворожстали" в 1941 году был построен блюминг. Но не вдохнув в него жизнь, строителям пришлось его демонтировать и эвакуировать на Урал. Доменные печи, конвертеры, бессемеровского цеха работали до конца июля. В это время усиливались воздушные налеты, участились пожары, разрушения. Появилась наша зенитная ар-

тиллерия, город все больше становился прифронтовым. Вот только тогда поступила команда сверху грузить все, что можно, в эшелоны и отправлять в Нижний Тагил. Руководил эвакуацией директор завода Федор Федорович Рязанов, наделенный Наркоматом черной металлургии СССР чрезвычайными правами. Доменные печи засыпали рудой, "закозлили". Вспоминается, что даже такой человек, как Ф.Ф.Рязанов, не имел представления о характере, жестокости, продолжительности настоящей войны. Ему принадлежит приказ всем нам, кто оставался до последнего часа и принимал участие в эвакуации завода: "Все, что можно демонтировать - демонтируйте. Электродвигатели, насосы, станки. Что нельзя снять с фундамента - взрывайте, разрушайте, чтобы немец не мог за полгода восстановить, а через полгода мы сюда вернемся."

Вот так мы были настроены - через полгода вернуться домой. Как говорят: человек предполагает, а Бог располагает.

Бригады оставшихся рабочих трудились каждая в своем цехе. Подвозить демонтированное оборудование к эшелону приходилось на чем попало - автомашины почти все были реквизированы армией, с вагонами для погрузки было не лучше - крытые старались оставлять для людей. Пришлось плотникам ремонтно-строительного цеха на гондолах из досок наращивать крыши. Последние дни бомбежка завода и города резко усилилась. Люди, связанные с эвакуацией оборудования, перешли на казарменное положение. Помнится, большая группа ночевала в зале заседаний заводоуправления, а питалась по талонам, выданным в штабе эвакуации. Продукты доставлялись с подсобного хозяйства завода. Под покровом ночи люди, в основном женщины, дети и старики, грузились в товарные вагоны. В каждый такой вагон помещалось 50 - 60 человек. Эшелон стоял на одной из заводских станций ближе к городу. Насколько помню, несмотря на трагичность ситуации, эвакуация проходила без паники. Всем эвакуированным выдавались специальные удостоверения /на семью/, где указывались номер эшелона и вагона. Конечно, никаких громоздких вещей никто с собой не брал - только самое необходимое, главным образом - для детей.

К каждому эшелону с оборудованием прицепляли несколько вагонов с людьми. Первый заводской эшелон с людьми в Тагил был отправлен 4 августа 1941 года. Для городского неорганизованного населения на железной дороге Кривого Рога стояли товарные эшелоны, направлявшиеся на юг в среднеазиатские республики. Моя семья эвакуировалась с

заводским эшелоном без меня. Дело в том, что из-за плохого зрения меня в армию не брали, но и ехать с семьей я не мог — был нужен на заводе, где и оставался до последнего часа эвакуации. Мне как работнику заводоуправления /а нас оставалось всего несколько человек/ было поручено эвакуировать зимнюю спецодежду и ценные документы. Уже без штатных работников отдела кадров были подготовлены к отправке в Тагил все трудовые книжки, важнейшие документы отделов. Все текущие дела из служебных шкафов сжигались.

Ежедневно поздно вечером Ф.Ф.Рязанов проводил оперативные совещания, каждый начальник цеха докладывал, что сделано за сутки и получал задание на следующий день.

Заводские эшелоны один за другим уходили на Восток...

В эти дни телефонная связь по городу уже не работала, по заводу еще кое-как можно было дозвониться.

Дошли слухи, что немцы обошли город с востока, не увидев наши противотанковые оборонные рвы. 8 августа вечером влетел в заводоуправление директор Ф.Рязанов с возгласом: "Немедленно всем в штабной вагон!" /Он стоял у заводоуправления./ Неподалеку стоял последний эшелон. Наш вагон прицепили, и сразу тягой в пять паровозов — не оставлять же немцам паровозы — мы поехали на узловую станцию Долгинцево, где скопилось много эшелонов с людьми и оборудованием не только завода, но и всего Кривбасса. Путь на Днепрпетровск уже был отрезан. Осталась единственная свободная магистраль — на Запорожье, но ехать сразу мы не смогли, т.к. на 15-20 км. растянулся сплошной товарный состав. Эшелоны стояли с интервалом в несколько метров. Где-то на ближайшей станции Апостолово была водокачка, где можно было "напоить" паровоз и медленно продвигаться дальше. В пути эшелоны обстреливались немецкими самолетами из пулеметов. Мы защищаться не могли — в нашем составе были нестреляющие ружья охраны завода и как в насмешку — кто-то прихватил деревянные болванки винтовок, которыми отрабатывались в мирное время приемы штыкового боя. Во время обстрелов поезд останавливался, мы покидали свои нары и скрывались в зарослях кукурузы, подсолнуха и пшеницы, чем так богата украинская степь. За первый день своего пути мы едва продвинулись на 10 километров, а здесь еще на начальник желдорцеха завода, наш главный машинист паровозов Салтанов заявил нам: "Паровозы уже без воды, до станции нам не доехать."

Благо у нас в одном из вагонов были новые ведра. Все мужчины образовали живой конвейер и из ближайшего колодца стали черпать воду и заливать головной паровоз. Работу прекратили, когда вся вода в колодце была вычерпана. Поздно вечером миновали ст. Апостолово. Запомнилось, на этой станции оставался один-единственный служитель-дежурный. Он был во всех железнодорожных ипостасях — на него молились, его умоляли скорей отправить свой эшелон, ему грозили расстрелом за задержку. А ведь на станции только одна водокачка и всем нужна вода...

Были среди нас и слабонервные. Они не могли смириться с неопределенностью нашей судьбы, покидали эшелон и продвигались пешком вдоль составов, надеясь уехать с этой опасной зоны первым отходящим составом.

Все же на рассвете 10 августа мы добрались до Запорожья, остановились недалеко от моста через Днепр. Здесь взору предстала страшная картина — тысячи и тысячи людей, женщин, детей и стариков на подводах и пешком, многие со скотом. Раздавались крики, плач, ругань — все стремились как можно раньше попасть на мост и достичь спасительного левого берега Днепра. У этой переправы многие люди нашли свою смерть...

После Запорожья впервые увидели зеленые и красные светофоры. Наш эшелон катился все дальше от пламени войны, налетов и взрывов снарядов и огромного человеческого горя.

На станциях мы встречали много эшелонов себе подобных. Все держали путь на восток — Урал, Сибирь.

Никто не мог определить длительность стоянки на станции. Все зависело от многих неизвестных, однако система продвижения была. Мы знали номер нашего эшелона, и это был компас для отстававших. На одной из станций меня и еще двух товарищей начальник эшелона отправил на хлебозавод для получения хлеба, снабдив нас соответствующими документами. Вернувшись на станцию с тремя мешками хлеба, мы не обнаружили наш состав — ушел. Пришлось следующим эшелонном целый день догонять своих. Кстати, хлебом всю дорогу мы обеспечивались. В эшелоне, где были женщины и дети, выдавали крупу и кое-какие продукты. Прямо возле вагонов варили пищу. После Казани повеяло прохладой, небо стало серым, зарядил мелкий осенний дождь. Впервые мы увидели настоящий лес. Сама природа говорила — близок Урал.

На двадцать первый день наш эшелон прибыл на ст. Анатольская. Нас "спешили", а эшелон отправили дальше к своему финишу - Нижнему Тагилу. Представитель Ж.К.О. Н.Т.М.З., встретивший нас, сообщил о прибывших ранее наших семьях. Их разместили по селам Петрокаменского района. Я с группой криворожан попал в село Реши. На машине нас привезли к сельсовету, где мы встретились со своими близкими.

В Решах, как и в других деревнях, все эвакуированные получили свой первый приют. Сельчане отдали нам свои лучшие горницы, истопили бани, накормили и напоили детей молоком. В самую тяжелую годину для нашей Родины мы почувствовали, насколько общее горе объединяет и сплачивает людей.

Недолг был отдых после столь изнурительной дороги. Через день все мужчины выехали в Тагил на металлургический завод, а женщины пошли на колхозные поля помогать убирать урожай.

Семья Э.Ю. Фискинда. 1943 год.

Август - сентябрь 1941 года - это были месяцы перебазирования промышленности с захваченных врагом земель на восток, что позволило в кратчайший срок смонтировать вывезенное оборудование, усилить мощь уральских предприятий и начать выпуск продукции, необходимой фронту.

Нижний Тагил стал второй родиной для многих южан - металлур-

гов. Кроме Криворожского завода на Ново-Тагильский металлургический завод были частично эвакуированы специалисты с Макеевки, Днепродзержинского, Днепропетровского и др. заводов. Мы нашли на земле Урала приют, заботу, внимание, доброту. Это помогало переносить тяжелое горе войны, невероятный труд на производстве.

С тех памятных дней начала войны прошло пятьдесят лет. Часть эвакуированных сразу после войны возвратилась на свои заводы, но и сейчас нет-нет да и встречаешь тех, кто отдал НТМК более сорока лет своей трудовой жизни.

Это криворожане: Лямин Павел Елисеевич – главный инженер ТЭЦ, Лямина Евдокия Ивановна – инженер по оборудованию, Иванова Валентина Николаевна – инженер УКСа, Понер Мирон Львович, Левицкая Фаина Самойловна – бухгалтеры.

Кстати, это они отобрали и вывезли самые ценные бухгалтерские документы Криворожатали.

Нет уже с нами многих криворожан, но остались их корни, здесь живут их семьи – Михайловы, Улицкие, Грузман, Шульдинер, Селюцкие, Каменецкие и многие другие. Они навсегда связали свою судьбу с Уралом и никогда об этом не жалели.

Леонид Зудов

ДАЛЕКОЕ ДЕТСТВО

16 октября 1990 года я впервые пришел на заседание клуба краеведов, куда пригласил меня И.А.Орлов. Ивану Абрамовичу 90 лет, он многое пережил и о многом прекрасно помнит. Его попросили сделать сообщение о НЭПе в Тагиле. Получился оживленный и непринужденный разговор. Один из участников беседы, известный тагильский историк Т.К.Гуськова высказала мысль, что при НЭПе уделялось внимание лишь рабочему классу.

Не могу согласиться с этим. Я родился в деревне в 1921 году, детство мое прошло при НЭПе, кое-что я помню.

Хочу немного рассказать о нашей семье.

Я почти ничего не знаю о своих предках. Знаю только, что были они убежденными верующими, старообрядцами. Как и когда оказались на Урале — не знаю. Может быть, они пришли на Урал во время раскола в середине 17 века. А может, их пригнала из России на Урал крестьянская нужда, как она гнала крестьян с Украины, где было мало

земли. Кто знает? Никто из стариков моей деревни Матвеево Петрокамского /теперь Пригородного/ района, с которыми я не однажды разговаривал, не знал, когда появилась наша деревня и откуда пришли Зудовы / В "Списке населенных мест Пермской губернии, по сведениям 1869 года" /СПб., 1875/ указано только: "Матвеева, деревня Верхотурского уезда при реке Нейве, число дворов 55, число жителей мужского пола - 163, женского пола - 169" - ред. "ТК"/.

Из моих родственников мне известны мой прадед по отцу Федор Михайлович, его сын /мой дед/ - Иван Федорович. У деда было четверо детей. Мой отец Фирс Иванович /1873 - 1952/ женился рано, в 18-летнем возрасте. В семье требовался работник, отец жениться не хотел. Однажды, после долгих уговоров, дед, огрев отца плетью, велел одеться в новое, усадил в летний коробок и повез смотреть невесту. Дело было в жатву летом 1891 года. Утирая слезы и приглаживая кудрявые волосы, отец постепенно успокоился - негоже было жениху предстать перед невестой с мокрыми глазами. Примчались прямо в поле. Молоденькая невеста растерялась /у дедов разговор состоялся раньше/. Волнуясь, стала усердно жать серпом, порезала палец, отчего ситуация еще больше обострилась. Деды приказали жениху и невесте внимательно посмотреть друг на друга, спросили, нравятся ли они друг другу. Получили утвердительный ответ, и тут же, не откладывая на потом - время горячее, жатва - назначили день свадьбы.

Невестой оказалась Паутова Степанида Мелентьевна из соседней деревни Реши. Это моя мать.

У матери было семеро братьев и сестер. Всех их давно нет в живых. Отец и мать очень любили друг друга. Никогда у них не было между собой ссор. Оба были очень красивы. Никогда не болели, до старости сохранили прекрасные зубы, слух, зрение.

Итак, живя в полном согласии, будучи очень трудолюбивыми - а отсюда и в относительной материальной обеспеченности - они не боялись иметь детей. Их было рождено 16 человек. Однако из-за огромной детской смертности половина из них умерли в возрасте от года до 5 лет. Ведь метод лечения почти при всех болезнях был один - баня и веник. Немудрено, что и при небольшом недуге ребенка могли "запарить" в бане.

Я был рожден последним - "заскребышем", как называла меня

мать.

Жили мы в обыкновенной крестьянской избе, состоящей из двух комнат - прихожей и горницы, кухня была отдельно. На всех II человек было две койки. В прихожей - для отца с матерью, в горнице - для старшего брата Каллистрата с женой. Остальные взрослые устраивались на ночь на полу, а мелюзга на полотах. На кроватях были настоящие постели - перины, подушки, простыни и т.д., а для "братии" - что придется. Сермяги, тулупы, шубы... Несмотря на эти неудобства, жили мы исключительно дружно. За все 8 лет, пока нас было одиннадцать, не помню, чтобы был хоть один спор.

Мои родители - Фирс Иванович
и Степанида Мелёньевна.
1920-е годы.

Как правило, утром в будни отец давал наряд: вы двое - туда, ты - туда, а ты - сюда. И это было законом, без препирательств и споров. В религиозные праздники отец сам не работал и никому не разрешал.

Меня, как младшего, изнежили в семье. Был капризным - ведь "заскребыш". Мне казалось, что все должно исполняться по-моему. Требовал, к примеру, чтобы без меня не ели, ждали, когда я приду. Однажды, набегавшись утром, пришел домой, когда все уже позавтракали. -А, они всё съели! - Мать ставит на стол молоко, горячие шаньги. Я бью кулаком по чашке с молоком, она летит к порогу, раз-

бывается. И тут входит отец.

- В чем дело?

- Гневается, что не дождалось завтракать.

- Господи, благослови. Дай-ко я тебя поучу.

Снял с себя солдатский ремень, пару раз крепко огрел. Мать отобразала. После нескольких таких уроков отца капризы мои прекратились.

Несмотря на эти наказания, отца я очень любил. И при нем редко капризничал.

И еще впечатление детства - сенокос! Разумеется, на покос ездили всей семьей. Сенокос - это то, что у меня и в глазах, и в ушах, и во рту - во всем теле! В глазах - роса, трава, копны, заборы, кони. В ушах - пение журавлей и всевозможных птиц. А их было множество! Гул паутов, слепней, а вечерами - комаров.

А что может быть вкуснее сваренного на костре жирного супа, печеной картошки или чая, заваренного из разных трав и пахнущего дымком?

Семья Зудовых. Стоит 4-й слева - Леонид.

Вторая половина 20-х годов.

С утра разбивать сено в валках, потом грести его и возить на лошади копны к зародкам, к вечеру собирать хворост для костра. Какая блаженная усталость во всем теле!

А как вечером в субботу возвращались люди с покоса! Нескончаемый поток телег с людьми и все с песнями!

В период НЭПа в деревнях организовывались товарищества, которым в рассрочку давали сельхозинвентарь вплоть до тракторов /"фордзоны"/ с погашением их стоимости в основном зерном. Наша семья приобрела жатку, два плуга, две бороны /"зигзаг"/, косилку, веялку /"триер"/ - все совершенно новое. НЭП предоставил полную свободу действий на селе. Мы своей семьей в 11 человек успешно справлялись с обработкой земли, имели достаточно сеновеса, даже надел своего леса. Наемных людей мы не имели. В страдную пору все выходили в поле или на покос. Я, самый младший в семье, с шести лет был уже неплохим наездником, возил копны, боронил, сидя на лошади, жал, сидя на пристяжной. И так все крестьяне, кто любил труд, кто не хотел жить плохо, а некоторые еще - чтобы "не хуже других!"

У нас были три лошади - две рабочих и одна выездная. Три коровы, 10-15 овец, десятка три кур. Старшие два брата стремились внедрять в хозяйстве все передовое. Выписывали различную литературу для ведения хозяйства. Помню, в чулане был целый короб всяких журналов и книг. К тридцатому году братья были уже отделены каждый в свой дом, но раздел не был произведен, и хозяйство вели совместно.

В 1930 году в Матвеевой началась коллективизация. В деревне, насчитывавшей в то время 155 дворов, жили два крепких мужика. Один имел мельницу, другой маслоделку. Держали работников. Но они, прослышав о коллективизации и раскулачивании, ночью, каждый на двух лошадях куда-то уехали. И, видимо, далеко. Больше мы о них не слышали.

В начале марта в деревню приехал представитель из района, собрал "комитет бедноты", состоящий в основном из тех, у кого ни кола ни двора. С вечера до трех часов ночи заседали: кого же выслать? Первым определили Ермила Петровича Зудова /в Матвеевой почти все имели эту фамилию/. Ермил Петрович был у местных старообрядцев наставником. Поп - туда ему и дорога!

Вторым - Зиновия Ефимыча. Ему за 70 лет. Жил справно, имел двух сыновей, но за год до этого они уехали в город "на производ-

ство". Но раз был "богатым" - значит кулак!

Третий... Нужно назначить трех - разрядка! Вот и сидели почти до утра в поисках третьего. Начали с отца, Фирса Ивановича. И так и этак крутили. Нет, не подходит, не кулак! Семья большая, три дома имеет, но ведь сами, без наемных людей построили, и сыновей отделил, как испокон заведено - вырастить, отделить.

Сын Федор три года был председателем сельсовета. Старший, Александр, служил в Красной армии в годы гражданской войны. Да и батраков не имели. Нет! Не подходит!

Приехавший представитель начал нервничать: как он считается в районе? Выручил его всем известный в округе Кушка, лоботряс, ростом под потолок, косая сажень в плечах, которого считали за местного кривового: где больше народу, там и он кривлялся, строил рожи. Уж очень ему нравилось смешить людей. Он был членом комитета бедноты, похвалялся доверительно: зачем мне гнуть спину, когда я сыт, пьян и нос в табаке? И такой лентяй был не единственный в комитете. Таких в деревне было немало. Теперь их называют тунеядцами, раньше называли нищими. Этакий дубина, на котором пахать можно, ходит, собирает милостыню. И ему подают, в основном сдобу.

К вечеру за бутылку самогона целый мешок собранного отдаст кому-нибудь для коровы.

И хотя их за это принародно судили, но "официально" это были "бедняки" - что, мол, с них возьмешь!

Напротив нас жил такой Василий Михайлович. Одна десятинка пашни, корова, лошадь. К весне ходил просить солому или собирал оскребки сена на дороге. На столе ржаной хлеб, лук в изобилии, соль. Зато всю зиму не слезал с печи. Семья пять человек, все взрослые и здоровые.

Но я отвлекся. Так вот, выручил уполномоченного Кушка. - Хватит нам голову ломать! Фирс уедет, место опростает. Вон у него всего, как у буржуя!

И уставшие, разопревшие от махорочного дыма мужики тремя четвертями утвердили предложение Кушки. Утром уполномоченный уехал в райком.

Вскоре, не предъявляя никаких обвинений, приехавший милиционер арестовал отца. Я и мать поехали провожать его в Петрокаменск. Здесь его при нас затолкали в "кутузку" размером 2X1 м., где ле-

жали на полу лишь доски, и закрыли на громадный висячий замок. Обливаясь слезами, мы с матерью поехали домой.

Вскоре к нам пришли и увели одну из трех лошадей. Назавтра, /почему-то вечером/ пришли трое пьяных "молодцев", потребовали, чтобы мать вывела к ним на веревке корову. Мать отказалась. Тогда они в темноте, в пригоне, начали гоняться за коровами, падая и приговаривая: "Пойдем в сусулизм". Поймали самую старую и увели.

8 марта 1930 года прибыли двое в штатском с винтовками и один военный с револьвером и объявили о высылке нас из деревни. Куда — не говорят. Подлежат высылке: мать /больная/, сестра Дуся /20 лет/, братья Сафон /17 лет/, Семен /12 лет/ и я /8 лет/. Старшие братья Александр и Федор, как отделившиеся ранее, высылке не подлежали.

Дали нам своих оставшихся двоих лошадей, два короба на санях, теплую одежду, муки по пуду, и овса для лошадей, печеного хлеба на 10 дней. Приехав в Петрокаменск, мать добилась приема у начальства, предъявила справку о недавно перенесенной операции. Ей разрешили остаться дома. Тогда она попросила обо мне. Тоже согласились. Мать заговорила о 12-летнем Семене. Те взвыли: "Не оставлять никого!"

И нас пятерых отправили неведомо куда.

Я был безмятежен, говорил матери: " Не плачь, мама, поедem, города посмотрим!"

Всего раскулаченных собралось подвод 500 со всего Н.Тагильского округа. Не слезая с саней, обозревал я Верхнюю Салду, Ивдель, Гари, Пелым, другие населенные пункты. Мы ехали по старой зимней дороге на Обь, по которой издавна ездили за рыбой. Последние полсотни километров были для нас особенно тяжелыми. Дорога полностью занесена снегом, лошади изнемогают от усталости, мы замерзаем.

Конечный пункт — село Кондинск /теперь Октябрьское/. Мы прибыли туда 30 марта 1930 года. А в конце мая 1930 года отец по этапу прибыл к нам на воссоединение с семьей.

Всех расселили по разным окрестным деревням до лета, а затем прямо в лесу начали строить дома. Началось "перевоспитание". Каким оно было — можно написать целые тома. Скажу лишь, что на нашем трудпоселке Большой Камень из сотни домов "перевоспитались" на тот свет половина жителей. Работали на лесозаготовках. Некоторые семьи с голоду полностью вымирали.

В 1939 году я был отпущен на учебу в Тагил.

А затем - война, в которой мне довелось участвовать. Был ранен. В 1946 году я приехал в Большой Камень. К этому времени вышел указ о возвращении на родину родителей участников войны. Ехали долго, почти месяц. Кое-как добрались до Тавды, оттуда поездом до Тагила.

Отец и мать уехали в Матвееву, а я поступил на работу на химзавод, электриком. Затем, в 1947 году поступил в горно-металлургический техникум, и по окончании его в 1951 году остался работать в Н.Тагиле, в горном цехе ВРУ.

В 1976 году стал пенсионером, но работал еще 7 лет, до 1983 года.

В районной газете "За победу" от 9.12.89 г. в списке реабилитированных под № 18 есть и наша семья, а также Ермила Петровна и Зиновия Ефимовича Зудовых.

После переезда в Новороссийск моя семья жила в даче. Отец у меня родился в 1908 г. Его брат Виктор в 1926 году ушел в армию. В годы Великой Отечественной войны он служил на флоте и в 1943 году погиб в Тушине, во время бомбежки. В школу я пошел в 1921 году. После окончания семилетки поступил в Новороссийской педагогической техникум. Учился на отлично хорошо, поэтому после окончания техникума была назначена моя продолжительная образованная в Государственной педагогической институте. Занимался на естественной филологии, там же работала моя временная жена, западница Екатерина.

В 1928 году семья переехала в Ленинград. Жили в коммуналке с другими семьями учителей, так как у родителей была квартира в Фрунзенском районе, который тогда принадлежал к Ленинградской области, а не к Ленинградской области, как сейчас. Кроме того, в Ленинграде была моя первая жена, которая работала в театре. Кроме того, в Ленинграде была моя первая жена, которая работала в театре. Кроме того, в Ленинграде была моя первая жена, которая работала в театре.

Л. И. Ганина

Я, ГАНИНА ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА...

Я, Ганина Любовь Ивановна, родилась 28 июня 1917 года в приморском селе Кабардинка Геленджикского района, где у моего отца Румянцева Ивана Петровича, учителя начальной школы города Новороссийска, был небольшой дом с фруктовым садом. Отец до 1913 года работал в Кабардинке и после переезда в Новороссийск дом использовался как дача.

Детей у моих родителей было двое: брат Виктор 1900 г. рождения и я. Брат в 1924 году женился и жил отдельно. В годы Великой Отечественной войны он служил на флоте и в 1943 году погиб в Туапсе во время бомбежки.

В школу я пошла в 1925 году. После окончания семилетки поступила в Новороссийский педагогический техникум. Училась на всех курсах хорошо, поэтому после окончания техникума была направлена для продолжения образования в Ростовский педагогический институт. Поступила на естественный факультет, так как рассчитывала со временем перевестись в медицинский институт.

До 1929 года семья жила материально очень обеспеченно /по сравнению с другими семьями учителей/, так как у родителей был хороший фруктовый сад, который давал возможность обеспечить семью орехами, сухофруктами, повидлом, вареньем на весь год. Летом много фруктов продавали оптовым покупателям, ^{то}корне сами собирали плоды в саду. Кроме того, в Кабардинке держали домашних животных: корову, свиней, кроликов, кур, гусей. Зимой, когда семья жила в Новороссийске, за животными ухаживал папин брат, который не был женат и жил с нами. По выходным дням все ездили в Кабардинку /от Новороссийска в автобусе 24 км/. Мама была хорошей хозяйкой, экономно вела хозяйство, очень вкусно готовила,

сама шила для семьи. До 1929 года в доме была домработница, которая жила в нашей семье с 1910 года. Она во всем помогала маме. с ранних лет приучали к домашнему труду и меня. У меня был целый ряд обязанностей. И мама очень сердилась, если Фрося /так звали домработницу/ что-либо делала за меня.

От дореволюционных лет у родителей сохранилась хорошая мебель, ковры, столовые и чайные сервизы, серебряные и золотые изделия, а также достаточно одежды, постельного белья и др.

В 1929 году дом, сад и животных продали, т.к. хозяйство обложили большим налогом и была опасность того, что дом и участок могут отобрать. Примеры тому уже были.

Питались в семье всегда хорошо. Даже в голод 1932-33 годов не испытывали лишений, так как сдавали в "торгсин" серебряные и золотые изделия, за что получали бонны, а по ним получали продукты. Одетая я всегда была прилично, хотя, в основном, все вещи, кроме обуви, переделывались из маминых дореволюционных платьев, пальто, костюмов. Даже учась в институте, я имела несколько платьев, перешитых из маминых.

Учась в институте, я всегда работала как репетитор детей состоятельных родителей /например, начальника таможни, главного инженера цементного завода, директора рыбзавода/. За работу мне

Л.И.Ганина /вторая слева/ с друзьями-студентами. Ростов, 25 мая 1937 года.

прилично платили. Эти деньги тратила на одежду, обувь, книги.

Всегда получала повышенную стипендию.

30 апреля 1938 года отец был репрессирован. О случившемся,

И.П.Румянцев, отец Л.И.Ганиной. На обороте снимка надпись: "Один-одинешенек сижу я вдали от шума городского, прислушиваюсь к монотонной песне реки и слежу, как волна догоняет волну. Так и жизнь моя догорает и скоро закончится..."

как тогда полагалось, я доложила в спецчасть института. Начальник спецчасти пытался заставить меня работать осведомителем, поэтому я после сдачи экзаменов и зачетов за II курс перешла на заочное отделение и уехала из Ростова.

Поселилась я в станице Куцевской Краснодарского края у родителей моей однокурсницы и поступила на работу в среднюю школу взрослых. Там я проработала год и летом 1939 года переехала в Новороссийск к маме. Вначале работала секретарем учебной части учительского института, а затем преподавала в средней школе для взрослых.

В ноябре 1939 года вышла замуж за преподавателя математики Ганина Петра Матвеевича.

В июне 1940 года сдала госэкзамены и получила диплом.

В октябре 1940 года родилась дочь.

В июле 1941 года муж ушел на фронт. В конце года я получила извещение, что он погиб и похоронен между железнодорожными станциями Бахмач и Конотоп.

С началом войны школа взрослых прекратила свое существование. Работать пришлось не по специальности /в плановом отделе город-

ской конторы связи/.

Новороссийск весной 1942 года подвергался жестоким бомбардировкам немецкой авиации. Поэтому пришлось маму и дочь увезти в село Львовское Северского района. Сама продолжала работать, а по выходным дням ездила к семье, привозя полученные по карточкам продукты и хлеб. А в августе 1942 года совсем переехала к семье.

При оккупации / с конца августа 1942 по 23 февраля 1943/ нигде не работала. Существовала с семьей тем, что меняла на продукты вещи, да немного шила немудреные одежки для деревенской детворы, за что получала плату в виде молока, яиц, кукурузной муки. В селе неожиданно встретила своего бывшего сокурсника по техникуму — уроженца этого села Ивана Шапошникова. Он был невоеннообязанным из-за отсутствия одного глаза. В период оккупации он работал секретарем в сельской управе.

Немцев постоянно в селе не было. Они только приезжали сюда из прифронтной зоны с различными требованиями к старосте в управу. Когда немцы были без переводчиков и староста с Шапошниковым не могли понять, что от них требуют, то Шапошников посылал за мной и просил помочь перевести.

В конце февраля 1943 года в село вступила Красная Армия. вскоре меня вызвали в районный отдел НКВД. После продолжительной беседы меня в тот же день отпустили домой. А 18 марта 1943 г. я была арестована особым отделом горно-минно-инженерной бригады и доставлена в станицу Марьинскую, где находился штаб бригады. Штаб располагался в довольно большом жилом доме. Здесь же была и КПЗ, если так можно назвать пристрой к дому, где в сенях стоял часовой, в одной комнате помещалось несколько арестованных солдат, а в крохотной клетушке /неотапливаемой/ стояли две школьные парты. Сюда меня и поместили.

На первом же допросе, который вел капитан Романенко, я позволила себе непростительное: прежде чем поставить свою подпись под протоколом допроса, который был написан капитаном без всяких знаков препинания и слова в середине предложения часто начинались с большой буквы, я расставила все знаки препинания и в начале предложений поставила большие буквы. У меня мелькнула мысль, что при другой расстановке знаков может измениться смысл записанного. Это определило последующий ход "следствия". Капитан фантастически искажал мои показания и, когда я отказывалась подписывать протокол, обзывал меня непристойными словами и пускал в ход кулаки. Душевное и физическое состояние было ужасное. Холод и ночи

без сна совсем лишили сил. И я сдалась. Подписала всю стряпню следователя, полагая, что на суде я расскажу, какими методами велось следствие.

Через 5 дней /23 марта/ меня привезли в Краснодарскую тюрьму. Избавившись от одиночества и холода, от которых страдала в Марьинской, в тюремной камере я буквально задыхалась от невыносимого запаха конюшни /немцы в оккупацию часть тюрьмы использовали под конюшню/, людского пота и параши, духоты и тесноты. В камере не было ни нар, ни кроватей, ни скамьи. Все сидели на бетонном полу. Народу было так много, что иногда, когда укладывались спать, кому-нибудь не хватало места. Заедали вши.

Арестованных не кормили, если не считать того, что один раз в день выдавали каждому поллитра мутной несоленой жидкости, в которой плавало несколько зерен целой кукурузы.

На прогулки не выводили.

Я так ослабела, что не могла даже сидеть, а лечь днем было нельзя.

Наконец, 16 апреля 1943 года меня повели на суд. По дороге в коридоре мне дали прочитать обвинительный акт и заявление, на основании которого я была арестована. Обвинялась я в измене Родине по ст. 58, I-а и в антисоветской агитации по ст. 58, IO, ч.П. Под заявлением, в котором значилось, что я добровольно и бесплатно работала в управе переводчиком, что восхваляла немецкую армию, стояла подпись Полины Колюбановой — женщины, которую мы с мамой приютили в деревне, т.к. их дом в Новороссийске был разрушен бомбой и они остались без вещей и перед самой оккупацией с трудом добрались до деревни, где им негде было жить. У Полины была парализованная мать, и мы с мамой не только дали ей кров, но и ухаживали за ее матерью. Мы делились с ними едой, которую очень трудно было добывать. Полина рассказывала мне, что до войны она была осведомителем НКВД и что она короткое время сидела в тюрьме за то, что не давала в органы компрометирующих материалов. Может быть, ее донос на меня был вызван тем, что она боялась, что я расскажу об этом, разглашу ее тайну. А может быть, она боялась того, что мне было известно ее желание поехать в Германию; она усердно учила немецкий язык и только то обстоятельство, что некуда было девать больную мать, удерживало ее от этого шага.

Это заявление Полины Колюбановой настолько потрясло меня, что на судебном заседании, которое началось тотчас, я находилась в

в состоянии полной прострации и до меня с трудом доходил смысл происходящего. Заседание Военного трибунала длилось очень недолго. Оно проходило в небольшой комнате в здании тюрьмы. За столом сидели трое военных, перед ними стояла я, а у двери — охранник, который вел меня из камеры.

Наказание трибунал определил в 10 лет лишения свободы с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом лагере общего режима с поражением в правах на 5 лет без конфискации имущества за неимением такового.

В приговоре было указано, что мой отец репрессирован в 1938 году, что я отлично владею немецким языком, работала переводчиком в управе. К делу была приложена справка об окончании техникума, в которой выставлены выпускные оценки по дисциплинам и где оценка по немецкому языку стоит "отлично".

3 - 5 дней спустя меня вместе с другими женщинами привезли в товарном вагоне на разъезд Двубратский в Усть-Лабинскую сельхозколонию. Там я пробыла до начала июля. Сначала работала на ремонте барачков и лазарета, потом — в поле: полола кукурузу и подсолнухи. Кормили хотя и невкусно, но регулярно. Вместо хлеба давали мамалыгу /вареная кукурузная мука/. Там я заболела дизентерией, несколько дней пролежала в лазарете.

Четвертого июля 1943 года погрузили почти всех заключенных женщин из этой колонии в товарные вагоны с решетками на окнах и большим эшеленом отправили в неизвестном для нас направлении. Конвой на вопросы, куда везут, не отвечал. В пути были 13 дней. Никакой связи с соседними вагонами не было.

В дороге было очень тяжело. Теснота, жара, вши, скудная еда,

СПРАВКА. 9

в том, что окончила в 1938/39 учебном году Новороссийский педагогический техникум по вольному отделению с квалификацией учителя начальной школы и продолжает в подпункту для продолжения образования.

По данным выпускных испытаний она получила следующую оценку академической подготовленности по дисциплинам:

1. Ученая	отлично
2. Математика	отлично
3. Русский язык (классич.)	отлично
4. Русский язык (устный)	отлично
5. История русской поэзии	отлично
6. Литература	отлично
7. История географии	отлично
8. Русский язык	отлично
9. Филология	отлично
10. Алгебра (классич.)	отлично
11. Алгебра (устная)	хорошо
12. История математики	отлично
13. Геометрия (классич.)	отлично
14. Геометрия	отлично
15. Физико-математическая география	отлично
16. История естествознания	отлично
17. Биология	отлично
18. Физика	хорошо
19. Физкультура	отлично
20. Педагогика	хорошо
21. Психология	отлично
22. История культуры	хорошо
23. Педагогика	отлично
24. Детская литература	отлично
25. География	отлично
26. Физика	отлично
27. Алгебра	хорошо
28. Естествознание	отлично
29. Педагогика	отлично
30. Школьная физика	отлично
31. Физика для	хорошо

Восточная видана для представления в Ростовский и/или подпункту и будет вышена ответств. об окончании подтехникума по получении формы последнего из Наркомпроса.

/И.Семенин/

Секретарь
уч. часть /Александров/

нехватка питьевой воды / а для умывания совсем не приносили/. В конце пути на весь день давали всего один сухарь и кипяток. Оказывается, конвой распродал по дороге продукты, за что в Тагиле их потом судили.

К вечеру 17 июля прибыли в Тагил. Выгрузили нас где-то в поле /неподалеку росла картошка - это всех обрадовало/, а потом привели в зону с недостроенными бараками.

В первые дни жили в бараках карантинного участка зоны. Бараки были без стекол, спали на голых нарах. Здесь мы прожили две или три недели. За пределы карантинного участка не выводили. Мы работали на строительстве тех же бараков, в которых жили. Переносили доски, таскали на носилках глину и шлак, убирали щепу и стружку, тесали дранку, обивали дранкой стены и штукатурили их.

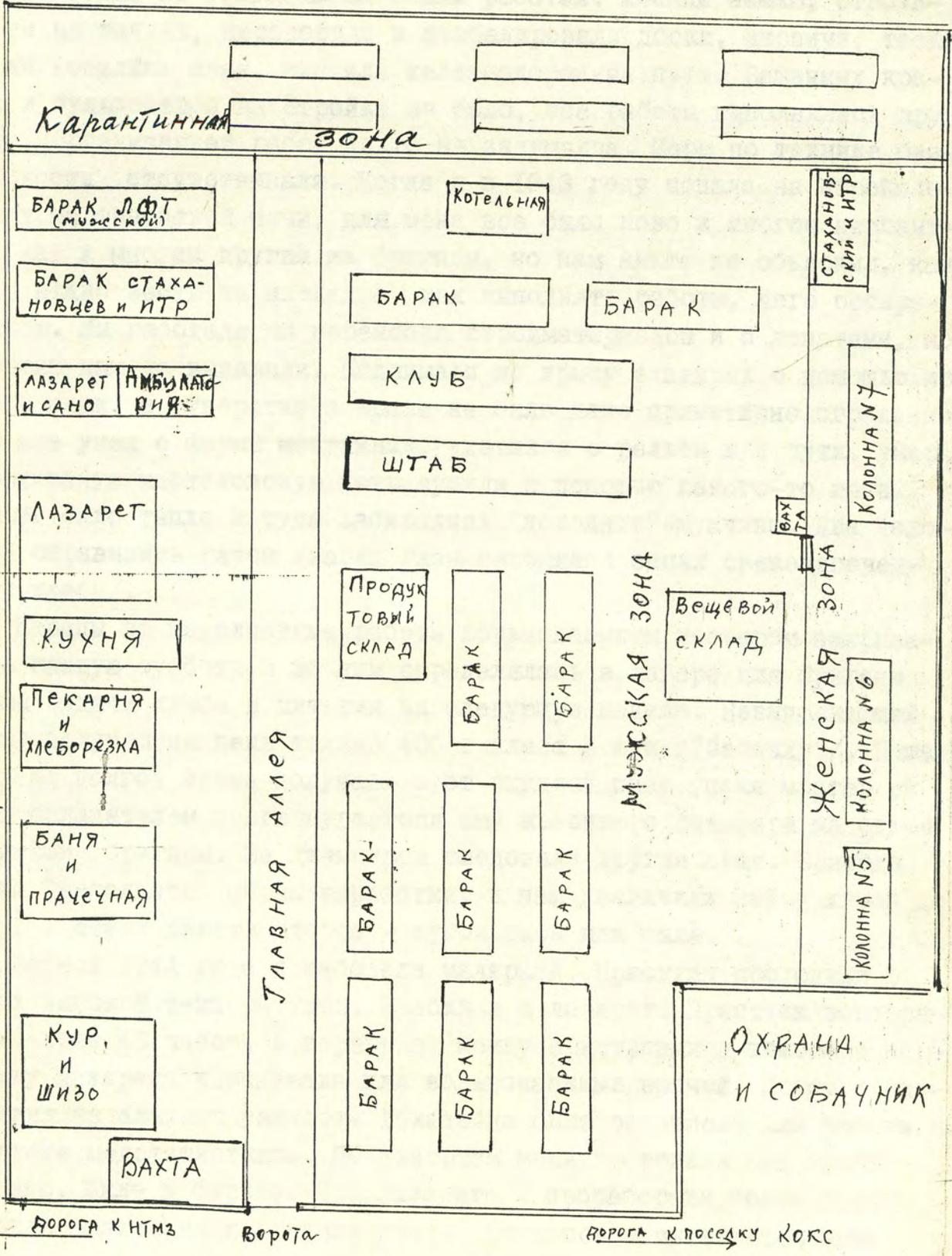
Когда кончился карантин, нас перевели в общую зону, где весь наш краснодарский этап /женщин/ разместили в большом бараке с двумя рядами двухэтажных нар. Назвали нас - колонна № 7.

Сами набили себе матрацы и подушки свежей стружкой. Нам выдали по две застиранных простыни и х/б одеяло, а также платье из серой грубой ткани, телогрейку, ботинки из брезента сорокового размера, портянки. Все это работники вещевого каптерки записали в специальную карточку. Потом каждые полгода проходила инвентаризация, когда нужно было предъявлять все выданное ранее. "Промотчиков" наказывали. Злостных промотчиков сажали в изолятор, другим не выдавали новой одежды и обуви, а только старую с заплатами.

Весь срок наказания я провела в этом лагере. Находился он на поселке Кокс, почтовый адрес его был таков: п/о 9, п/я 196. /Теперь это, кажется, УЩ 342/12 /.

Начальником лагеря был Писаренко. Надо сказать, что это был неплохой человек. Он расположил к себе наш этап тем, что в первые же дни нашего пребывания в общей зоне, где нас уголовники называли фашистами, издал приказ, который был зачитан на поверках всем колоннам, о строгом наказании тех, кто позволит себе называть осужденных по 58 статье фашистами. Он был строг, но никогда не кричал, не употреблял нецензурных слов, не унижал людей, даже тех, которые совершали проступки. Был случай, когда он старшего нарядчика лагеря отстранил от работы и отправил на общие за нецензурную брань и небольшое рукоприкладство. С его разрешения в бараки провели радио, при нем были созданы духовой оркестр и драмкружок, для которого из города приносили костюмы.

Территория шлакоцементного завода Тагилстроя

ПЛАН ЛАГЕРЯ /по воспоминаниям Л.И.Ганиной/

Всю нашу колонну направили на строительство мартеновской печи. Работали по бригадам на общих работах: копали землю, отвозили ее на тачках, переносили и штабелировали доски, кирпичи, таскали на носилках шлак, чистили железнодорожные пути. Башенных кранов и бульдозеров на стройке не было, все работы выполнялись вручную. Организацией работ никто не занимался. Меры по технике безопасности отсутствовали. Когда я в 1943 году попала на стройплощадку мартеновской печи, для меня все было ново и многое непонятно, как и многим другим из бригады, но нам никто не объяснил, как себя нужно вести на площадке, как выполнять работы, чего остерегаться. Мы работали по переноске стройматериалов и с лопатами, но рукавиц нам не выдавали. Поднимали на крышу в ведрах с помощью веревки шлак, а отверстие в крыше не было даже примитивно ограждено. При мне упал с фермы монтажник, ударился о рельсы ж/д пути, умер. Сооруженную мартеновскую печь сушили с помощью какого-то газа. Вокруг было тепло и туда забирались "доходяги"—мужчины. Два человека отравились газом /запах газа напоминал запах свежее испеченного хлеба/.

Наряды на выполненные работы вольнонаемным мастером закрывались каждую субботу и по ним определялась в лагере для бригады норма выдачи хлеба и питания на следующую неделю. Невыполняющий норму получал на день только 400 г хлеба и суп /"баланду"/. Наша бригада долгое время получала этот скудный паек, пока мастер не стал обладателем приглянувшегося ему красивого джемпера на одной из женщин бригады. За джемпером следовали другие вещи. Бригада стала "выполнять" нормы выработки, и нам увеличили пайку хлеба до 600 г, стали давать второе — кусок рыбы или сала.

Весной 1944 года я заболела малярией. Приступы проходили с очень высокой температурой. Положили в лазарет. Приступы повторялись через 48 часов. В перерывах между приступами я помогала персоналу лазарета и вышивала для вольнонаемных врачей. Потом с разрешения начальника санчасти Гохштейна была оставлена для работы в лазарете медстатистиком. По рапортам меня проводили как коечно-больную. Жила в бараке. При лазарете я проработала более года. Окрепла физически и оттаяла душой. Общалась с интеллигентными людьми, принимала активное участие в драматическом кружке.

В декабре 1944 года я получила от свекрови сообщение о том, что мой муж жив и находится в действующей армии. А в феврале 1945 года получила письмо от него самого. Оказывается, он был в 1941 г.

контужен, засыпан землей. Его подобрала крестьяне, выходили и потом свели к партизанам.

В начале 1946 года на участке сменился начальник лагеря. Вместо выдержанного, корректного Писаренко начальником стал Тимонин. Солдафон и матерщинник, Тимонин не умел спокойно говорить. Он орал во все горло, если даже стоял рядом с теми, к кому обращался. Самодовольство, хамство и недалекий ум – основные черты этого начальника. Он люто ненавидел культурных людей. Отбирал книги, устраивал бесконечные обыски в бараках /"шмоны"/, не разрешал ходить в своей /нелагерной/ одежде. Запретил танцы в клубе, которые при Писаренко устраивались один раз в месяц. Из лагерной обслуги он отправил на производство всех, кто имел 58 статью /кроме врачей/. Он был груб не только с заключенными, но и с вольнонаемными работниками.

К счастью, он недолго пробыл начальником лагеря. После него в качестве начальника лагеря работал Зимин Николай Рафаилович. При нем восстановилась та атмосфера, которая была при Писаренко.

По воле Тимонина, как имевшая 58 статью, я оказалась на строительстве блюминга. Вскоре нашу бригаду перевели на арматурный двор /здесь же, в зоне строительства блюминга/. Бригада выполняла работы по разгрузке, переноске и штабелировке арматурной стали. На общих работах я пробыла недолго. Меня взяли в контору арматурного двора. Работала я там и рассыльной, и секретарем, и техником по заказам, и нормировщиком. Здесь я проработала до самого освобождения.

В нашем лагере в основном были осужденные по 58 статье и 193 /дезертирство/. Таких было примерно 2/3. Были осужденные за служебные преступления /растраты, халатность и т.п./ и совсем немного было воров, грабителей и других уголовников.

Среди политических заключенных были молодые /18–20 лет/ и пожилые /60–65 лет/. В основном же были люди в возрасте 30–50 лет. Среди тех, с кем я общалась, были три молодые девушки, которые едва окончили среднюю школу. Это Лида Ляшкевич, Галя Балалаева и Лида Заикина. В лагере вместе со мной оказались две женщины, с которыми я была в одной камере краснодарской тюрьмы. Одна из них – Кириченко Анна Матвеевна была женой профессора сельхозинститута в г. Краснодаре. По ее словам, она была осуждена за то, что работая в какой-то лаборатории во время немецкой оккупации, изорвала на полотенца для вытирания лабораторной посуды портрет

Ленина, написанный на тонкой ткани. Ей было лет 40. Хорошо одетая, живая, довольно красивая, она привлекала меня своими манерами и глубокими, как мне тогда казалось, рассуждениями, своей интеллигентностью.

Вторая женщина — Духопельникова Софья Константиновна была значительно старше, ей было лет 60. По профессии она экономист, до войны работала на крупном краснодарском заводе. Спокойная и ласковая, она много раз утешала меня в камере, когда мне было невмоготу и я лила слезы. Софья Константиновна такой же была и в лагере, хотя ей было очень трудно на общих работах. Она часто болела, была отечной, внешне очень изменилась. Она оставалась интеллигентным человеком до самой смерти. Умерла она от сердечной недостаточности в 1946 году.

Анна Матвеевна Кириченко в лагере изменилась до неузнаваемости. Речь ее была насыщена лагерно-блатными словами, она не стеснялась употреблять нецензурные слова, считая, что среди волков жить — по-волчьи выть. От ее культурного лоска ничего не осталось. После освобождения я с Анной Матвеевной не встречалась и о дальнейшей ее судьбе ничего не знаю.

Писать жалобы о пересмотре дела или просьбы о помиловании заключенным разрешалось официально один раз в полгода через спецотдел лагеря. Однако я, пользуясь услугами вольнонаемных, посылала заявления с просьбой о пересмотре дела во все инстанции десятков раз в году. В ответ на мои заявления приходили одинаковые ответы: "Ваша жалоба рассмотрена и повода для пересмотра дела не найдено. Вы осуждены правильно".

В марте 1947 года я отправила жалобу на имя Генерального прокурора СССР. Ответа долго не было. Но в конце ноября меня вызвали в спецотдел и объявили, что мое дело пересмотрено и статья 58^{1-а} /измена Родине/ перекалифицирована на статью 58³ /пособничество врагу/ и срок наказания сокращен до отбытого /4 г. 6 м./. К моменту, когда мне сообщили об этом, я отбыла 4 года 8 месяцев.

Вышла я из ворот лагеря в начале декабря 1947 года. Несколько дней прожила в Тагиле на поселке Кокс в семье работника арматурного двора Климанова Николая Михайловича, так как нужно было получить паспорт. Паспорт выдали временный, сроком на 6 месяцев.

Когда меня арестовали, моей маме было 65 лет, а дочке 2 года 5 месяцев. Средств к существованию не было. Горе сломило маму, и в сентябре 1943 года она умерла. Девочку взяли временно к себе

две монашки, жившие в деревне. Когда о смерти мамы сообщили родственникам мужа, они взяли дочку к себе. Мать и сестра мужа жили до оккупации в Новороссийске. Потом немцы все население города переселили в Крым. Мать и сестра мужа обосновались в Симферополе. Туда же осенью 1945 года, демобилизовавшись, приехал и муж.

Получив в Тагиле паспорт, я поехала в Симферополь, хотя проживать там мне было нельзя, так как судимость с меня не была снята и в паспорте стояла статья 39 Положения о паспортах, которая запрещала проживание в столицах республик, в краевых, областных центрах и в пограничных зонах.

Л.И.Ганина
после освобождения
из лагеря.

О своем освобождении и выезде в Симферополь я своим родственникам заранее не сообщила. Поэтому мой приезд вызвал страшный переполох в семье. Всем было некстати мое появление. У мужа была связь с женщиной, которая в их семье не бывала, но мать и сестра мужа о связи знали. Мне он сказал, что связь несерьезная.

Отношение мужа ко мне дома было хорошее, но вне дома мы вместе не бывали. Мое нелегальное проживание в городе его беспокоило. С дочерью отношения очень быстро наладились. Я ей уделяла много внимания и вскоре стала для нее авторитетом, что в немалой степени сердило свекровь и золовку.

Прожив в Симферополе на птичьих правах около трех месяцев, я вынуждена была вернуться в Тагил. Уезжать мне пришлось без мужа,

он **был** в командировке. Первые его письма были участливые, он сожалел, что судьба разводит нас. А потом написал резкое письмо, обвинил меня в том, что я уехала по доброй воле. На мои письма не стал отвечать. Мои посылки и бандероли для дочери возвращались обратно. И встретиться мне с нею удалось только в 1957 году /отвезла ей копию справки о реабилитации/ и в 1963 году. Переписки с нею нет, так как она просила не писать, потому что это вызывает конфликты в семье.

Но я забежала вперед. Итак, вернулась в Тагил. Приняли меня те же Климановы, у которых я жила перед поездкой /отношения с этой семьей я поддерживаю до сих пор/. Долго не могла устроиться на работу. Только в июне 1948 года приняли меня мастером мозаичного цеха ЖБИ № I треста Тагилстрой. Поселилась в общежитии ИТР на Огнеупорном поселке. В 1950 году перешла на работу в Центральную лабораторию строительных материалов треста Тагилстрой /ЦЛСМ/. Там мне хорошо работалось, никто никогда не упрекнул меня моим прошлым. Кроме основной работы в лаборатории, я контролировала качество продукции цеха сборного железобетона при бетонном заводе, где начальником был Федор Федорович Гаазе. Он был выслан в Тагил в начале войны, как и многие другие немцы. Семья его /жена и дети/ остались в Ленинграде. После Указа о том, что немцы не имеют права возвращаться на места своего прежнего жительства, Федор Федорович предложил жене с детьми переехать в Тагил, но она отказалась покинуть Ленинград, боясь, что ее и детей поставят на учет как немцев. Ему она сказала, что он может свою жизнь устраивать, как считает нужным. Он систематически посылал на ее имя деньги для детей, писал письма, они писали ему. Когда он ей сообщил, что собирается жениться, она ответила, что не будет противиться этому. В 1950 году я вышла за него замуж. В 1954 году мы с ним ездили в Ленинград. Тогда я и познакомилась с Ириной Павловной, детьми и другими родственниками. Мне Ирина Павловна была очень симпатична, мы с нею подружились. Очень хорошо ко мне отнеслись и дети. Они к нам часто приезжали. Ирина Павловна умерла в 1979 году. С детьми у меня и сейчас очень хорошие отношения.

Когда мы поженились с Федором Федоровичем, в общежитии нам дали комнату.

В 1952 году в Тагиле организовался участок по антисептированию деревянных строительных конструкций треста "Союзантисептик".

39

При участии нужно было организовать лабораторию. Руководство ЦДСМ Тагилстроя рекомендовало меня на должность заведующей этой лабораторией.

С тех пор я работала на различных участках в тресте Тагилстрой до июля 1972 года, когда я вышла на пенсию.

В 1957 году по моей жалобе в Верховный Суд СССР мое дело было пересмотрено Коллегией Верховного Суда и я была полностью реабилитирована.

Форма № 305

**Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР**

СПРАВКА

19 августа 1957 г.
№ 10104/47
Москва, ул. Воровского, д. 13.

Дело по обвинению ГАНИНОЙ Любови Ивановны пересмотрено Пленумом Верховного Суда СССР 20 июня 1957 года.
Приговор военного трибунала войск НКВД Краснодарского края от 18 апреля 1948 года и определение Военной коллегии от 15 октября 1947 года в отношении ГАНИНОЙ Л.И. отменены и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

Церлинский
/ЦЕРЛИНСКИЙ/

ас

От редакции "Тагильского краеведа":
Свидетельства о лагерной жизни - не редкое явление в литературе последних лет. А.Солженицын и В.Шаламов, А.Жигулин и Е.Гинзбург, Л.Разгон и О.Волков и многие, многие другие. Но до исчерпания темы еще очень далеко. Л.И.Ганина написала о НАШЕМ, тагильском лагере. Вернее, об одном из тагильских лагерей. Их ведь, начиная с 1920 года, много было в Тагиле. А кроме лагерей, были еще "спецпоселки", "площадки", "городки". Л.И.Ганина очень скупно, сдержанно пишет о лагерном быте, и мы обратились к ней с просьбой дополнить свой рассказ и в один из вечеров встретились с нею. Публикуем стенограмму беседы.

Корреспондент "ТК": Любовь Ивановна, в лагере Вы были во время войны. Знали ли Вы о положении на фронте? Обсуждали его?

Л.И. Ганина: Да, конечно. У нас было радио. Мы слушали сообщения Совинформбюро в бараке. Так что мы были в курсе всех дел.

К. Были ли нерабочие дни, праздничные дни?

Л.И. Да. В Ноябрьские мы не работали. Кроме того, через воскресенье у нас был выходной. То есть одно воскресенье мы работали, потом одно отдыхали. Но... работали мы по 12 часов. Вернее, работали мы, наверно, по 11, потому что один час занимал развод. Стояли в зоне, пока снимали оцепление. Оцепление же огромное было. А потом, в последний год, у нас уже каждое воскресенье было выходным.

К. На что использовались выходные?

Л.И. Ну, во-первых, постирать надо, что-то заштопать. Это же все сами делали. Почитать... Иной раз кино крутили. Иногда - танцы. Драмкружок. Я - в драмкружок, конечно.

К. Расскажите об этом подробнее, пожалуйста.

Л.И. Драмкружок пользовался популярностью, и желающих работать в нем всегда было много. Это объяснялось двумя обстоятельствами. Во-первых, люди, приходящие на занятия, забывали о сроке, еде, болезнях. Руководили кружком профессионал, бывший артист Свердловского театра драмы Чайкин Николай Николаевич и увлеченный театром художник Пейзан Донат Михайлович. Они не допускали никакой халтуры, ставили серьезные пьесы, учили "артистов" актерскому мастерству и умели создать творческую атмосферу. А второй причиной, привлекавшей к участию большое количество мужчин, было разрешение носить мужчинам волосы. Только "актеры" могли в лагере носить волосы, остальных стригли под машинку.

К. Были и постоянные участники спектаклей?

Л.И. Да. Мне запомнились несколько человек. Например, Гудзь Анастасия Ивановна, фельдшер женской зоны, статья 58^{I-a}, из Краснодара. Балалаева Галочка, молоденькая девушка из Краснодарского края, статья 58^{IO}. Синицына Елена Александровна, статья 58^{IO}, москвичка. До войны она работала секретарем-стенографисткой в Главпарфюмере у Полины Жемчужиной, жены Молотова. Галэта Федор Степанович, харьковчанин, статья

тоже 58¹⁰. После освобождения работал в Уралэлектромонтаже. Протопопов Николай Сергеевич, москвич, с той же статьей, тоже работал в электромонтаже после освобождения. Гуров Иван Иванович, бухгалтер из Электромонтажа, обладал незаурядными актерскими способностями. Цуркан Захар Кондратьевич, тоже 58 статья, "пересидчик", работал позднее инженером-сварщиком в "Стальконструкции".

К. И какие пьесы вы ставили?

Л.И. "Последняя жертва" и "Волки и овцы" Островского, "Платон Кречет" Корнейчука, "Дядя Ваня" Чехова, водевили и современные одноактные пьесы.

К. А реквизит?

Л.И. Декорации к пьесам писал Пейзан, помогали ему в работе многие члены кружка. Костюмы частично доставляли из Тагильского драмтеатра /у начальства были какие-то связи с театром/, а частично шили сами из актированных простыней, предварительно выкрашенных. На наши спектакли приходило много вольнонаемных работников лагеря.

К. А какие фильмы смотрели?

Л.И. Ну, например, "Аршин Мал-Алан" раза 3 или 4 было, "Антон Иванович сердится"... Разные старые картины...

К. За кино вычитали деньги?

Л.И. Нет. Мы ведь жили, как при коммунизме. Нам ничего не платили, и мы ни за что не платили.

К. И на ваш счет не переводили?

Л.И. Ничего совершенно. Когда меня освободили, то дали мне денег на дорогу - стоимость билета. И все. И две буханки хлеба. И справку об освобождении, где написано было: "Выдано 225 рублей и хлебное довольствие на 5 дней." А паспорт я получила в Тагиле. Бумажка такая, с водяными знаками, написано: "Паспорт временный сроком на 3 месяца", ФИО и так далее, и вместо фотографии - "пальчики", отпечатки пальцев. И все.

К. Какие еще люди особенно запомнились Вам?

Л.И. На стройплощадке блюминга, рельсобалочного цеха и в лагере было много интересных людей. Например, профессор Шульман Валентин Михайлович, ленинградец, был консультантом у Кирова. После убийства Кирова был репрессирован. Срок наказания закончился в 1943 году, но его не освободили. Таких называли "пересидчиками". Он был разносторонне образованным человеком, знал несколько иностранных языков. К нему обращались

12
по самым разным вопросам, как к энциклопедии. Он работал на участке "Стальконструкции" и "Электромонтажа", делал переводы технической документации. Освободили его в 1946 году, но выезд из Тагила не разрешили. Только в 1948 году он смог выехать в Ленинград. Это разрешение было подписано Молотовым. А ходатайствовала о разрешении Академия наук.

Запомнился Старостин Петр Петрович - один из братьев Старостинных, знаменитых в предвоенные годы футболистов "Спартака". До войны они с командой были в Америке. Вскоре их всех четверых арестовали "за восхваление американского образа жизни". Но секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев их вызволил. А после ареста и расстрела Косарева их вновь репрессировали. Петр Петрович по образованию инженер-энергетик, работал в техчасти участка "Электромонтаж". Очень образованный, воспитанный, благородный человек. Родственники из Москвы довольно регулярно посылали ему книги и журналы, но не прямо в лагерь, а через вольнонаемных, и он снабжал ими многих заключенных. Я, например, познакомилась со стихами Апухтина, Ахматовой только благодаря Петру Петровичу.

Запомнилась Жужанна Мюллер - оперная певица из Будапешта. Русский язык "изучала" в тюремной камере, где уголовники, издеваясь над нею, научили ее нецензурным словам вместо обычных слов, необходимых в повседневном общении. Когда она осознала это, то была поражена цинизмом и жестокостью издевательства. Рассказывая об этом, краснела и плакала.

Ее обвинили в шпионаже в пользу немцев, так как задержали при переходе линии фронта. Ее малолетний сын был у ее матери на территории, занятой немцами, а она не успела до наступления наших частей добраться до того места.

Физически Жужанна была очень слаба, и начальник санчасти Борис Аркадьевич Гохштейн из сострадания взял ее в лазарет, где она помогала сестрам. Очень ранимая, она плакала по поводу каждого умершего в лазарете.

Иногда она пела на концертах, поражая слушателей прекрасным голосом.

Мы с нею часто встречались, я учила ее русскому языку и письму. В 1948 году Жужанна отравилась, приняв большое количество снотворного.

В нашей колонне были и молодые, и пожилые люди...

К. "Колонна" - это "строй" или "группа"?

Л.И. У нас каждый барак - это колонна. Колонна 5 - это были в основном уголовницы. Шестая колонна - там были девчонки, в основном из Пензенской области, которые сбежали с военных заводов. Их либо по 58^{1-а} -это "за измену", или по 193 - это "дезертиство". В нашей седьмой колонне в основном была 58 статья, и немножко было по "указу от седьмого-восьмого". Знаете, что это такое? Это указ от 7 августа 1932 года, "колосочный", по которому срок давали за то, что унес с поля несколько морковок или что-то такое-же... Были такие, довольно много.

Были и пожилые люди. Забыла сейчас фамилию, одна старушка была такая ветхая... Любовь Павловна, начальница нашей колонны, заботилась о ней, старалась, чтобы ее на общие работы не посылали, придумывала для нее всякие работы в бараке. Ведь из колонны все должны были уходить, днем чтобы там никого не было, кроме больных, освобожденных врачом, и дневальных. Дневальные делают уборку, занимаются отоплением. А отопление было печное-паровое, на каждый барак отдельно. А потом сделали общее отопление, на весь лагерь. Был такой механик заключенный, он разработал систему...

К. Тепло было?

Л.И. Не очень. Представьте очень высокое помещение, в котором в два этажа нары, потолок двускатный, все беленое, нормально /в карантинном бараке было просто ужасно/, сушилка, камера хранения, здравпункт, - там один фельдшер работает и санитарка...

К. В каждом бараке здравпункт ?

Л.И. Да. Отгородочка такая, не до потолка. Все слышно, только отгорожено. Так же кабина начальника колонны и нарядчицы. Это с одной стороны барака. Вдругом конце умывалка. И четыре ряда нар двухэтажных.

К. Сколько людей в бараке?

Л.И. Человек триста, наверно.

К. Тесно было? Не было такого, что приходилось всем лежать на одном боку?

Л.И. Нет, нормально, как кровать. Причем выдавали две простыни.

К. На месяц? На неделю?

Л.И. Навсегда! Ведь сами все стирали. Женщины все-таки берегли свое...

К. Разрешались ли какие-нибудь личные предметы - вышитая подушка, например, или иконка? Я видел на выставке предметов лагерного быта, которую организовало общество "Мемориал" гор. Львова, крошечный платочек с вышитой Богоматерью - своеобразную тайную иконку.

Л.И. Я вышивала в лагере только для вольнонаемных, которые приносили все необходимое для этой работы. Для себя ничего не вышивала - не было ни материи, ни ниток. Для себя вязала носки и варежки из ниток, получаемых из кусков одеял, которые продавали мужчины /за хлеб/. А так - никаких подушечек, никаких иконочек никогда не видела. Казенная подушка, набитая стружкой, стружкой набитый матрац, две простыни и х/б одеяло. В нашем бараке - белое, с желтыми полосами, а в другом - темно-серые.

Что касается религиозных чувств... Я не видела, чтобы кто-либо молился или читал молитвы. Правда, одна девушка призналась мне, что она баптистка и потом пыталась мне доказать, что их вера праведнее, что они ближе к Богу. Но меня тогда эти вопросы не волновали. Работа настолько изматывала меня, что интересовало только одно - отдохнуть. В холодное время года особенно тяжело работать на общих. Одежда тяжелая - бушлат из старых солдатских шинелей, а под ним телогрейка или безрукавка, валенки, подшитые транспортерной лентой. Они плохо греют, к тому же значительно больше ноги. От окриков мастера "давай, давай!" тошнота к горлу подходит, сил нет, а делать надо. Не делать нельзя - не только мастер, но и бригада загрызет. Вначале, чтобы подбодрить себя, читала про себя стихи, а потом и это не помогало. Холод, голод и усталость. Придешь в барак, не хочется идти умываться. Одно желание - поскорее лечь. А рядом с тобой такие же, как и ты. Тупеешь, ничего не интересуется...

К. А был смысл добиваться особых отношений с начальницей?

Л.И. Нет, нет. Что она могла? Могла кого-то оставить на какие-то работы в бараке, не выводить за зону. Ну, вот эта бабулька.. Ей лет 65 было, но она такая ветхая была...

К. А ее за что посадили?

- Л.И. Тоже 58-я, за язык. Она языкатая старуха была - ужасно. За язык и попала...
- К. Были обиды на тех, кто оставался? Не смотрели на них, как на "придурков"?
- Л.И. Нет. Как ^{то} мало кто знал. Комендант подойдет к бригадиру и тихонько скажет, и тому, кто должен остаться, тоже. И все. Нарядчик отметит, что человек из такой-то бригады остался по такой-то причине в бараке, сколько больных, и так далее..
- К. Еще вопрос. В колонии женщины. Бывают, скажем так, "спецженские" дни. Оставляли на это время в бараке?
- Л.И. Нет! Никаких!.. А нужно сказать, что у нас женщины этим не страдали. Не было... Прекращались все эти дела... Видимо, была такая эмоциональная нагрузка на организм, да и питание недостаточное - все это сказывалось... Никогда это не было причиной для освобождения от работы. Да и фельдшер не имел права освобождать. Его дело - где-то порезался, или горчичник поставить, еще что-нибудь... Только такое.
- К. Как вы питались? Меню, количество, какая столовая?
- Л.И. В столовую мы не ходили. Нам в бараки приносили еду, и каждый со своим котелком подходил. На работе из нержавеющей стали делали прекрасные котелки с крышечкой для второго. Но за это надо было пайку хлеба отдать. А так - были глиняные миски - страшные, корявые такие. Делали их, наверно, у нас на кирпичном. Но в основном все имели котелок. Вот приносят... Как это называется?.. Ушат! да? - с дырками, туда продернут металлический прут, Два мужика несут на плечах. Внесли, поставили у стола, и раздатчица, из наших кто-то, разливает.
- К. А лишнюю пайку хлеба можно было получить?
- Л.И. Пайка выдавалась строго по списку бригады, и там лишней никогда не бывало. Можно было получить лишний черпак вот этого супа, баланды.
- К. А на хлебрезке нельзя было обвесить, недорезать?
- Л.И. Я один раз ходила на хлебрезку работать. Ночью приглашали по великому благу. Там, конечно, наешься.
- К. А как, если все по строгому счету?
- Л.И. Ну, обрезки всякие... Там все по весу, вплоть до того, что даже вот такой кусочек кладут на пайку и прикалывают палочкой.

К. Но все-таки какие-то кусочки перепали?

Л.И. Да. На хлебрезке можно было наесться.

К. А с собой можно было унести?

Л.И. Ну, особенно не унесешь, потому что там обыскивают, когда уходишь, работники хлебрезки. Но хлеба там наесться можно было вдоволь.

К. А как распределялись приглашения на хлебрезку? По блату или по какой-то очереди?

Л.И. Видите-ли, там работали постоянные хлебрезы, и, кроме того, они могли еще трех-четырех человек приглашать поработать одну ночь. И вот как-то мне нарядчица говорит: -Хочешь пойти хлеб резать? -Ну давайте, попробую...

К. А за что Вас туда пригласили?

Л.И. Обычно туда все-таки посылали опрятных женщин, не доходят, которые не умываются и не следят за собой.

К. А были и такие? И много таких?

Л.И. Конечно. Я сама одно время была на этой грани, когда ходила на общие ~~квирквы~~ работы. Знаете, добираться до нар, бушлат сбросишь и ботинки, и все, и ничего тебе не надо, даже есть не хотелось.

К. А так как люди работали в основном на общих работах, то подавляющее большинство было таких вот... грязных?

Л.И. Да. конечно. Да. Но кто мог себя пересилить... Я переборола, причем не только себя, но и еще одну молоденькую девочку за собой увела. Между прочим, до сих пор с нею переписываюсь. Она в Черниговской области живет. У нее расстреляли отца и мать. Мать была учительницей, была, видимо, таким душевным человеком, и возле нее группировалась вся молодежь, и кто-то сказал, что там антисоветская организация. Это до войны. И все. И мать, и отца расстреляли. Этой Галке было 17 лет, ей дали 5 лет по 58¹⁰; часть 2, а брату было лет 12-13, его забрали в детдом. Вот такая трагедия...

К. Я Вас отвлек... Итак, что входило в меню?

Л.И. Утром литр баланды. В зависимости от времени года, но чаще всего зеленые листья капусты, они почти черные; рыба с головами, мелкая соленая рыба, тюлька или килька, и крупа. Вонь ужасная от этого. Я насколько была голодная, но не могла есть. Меня тошнило. Никогда не ела, если эта рыба. Как только ее вносят в барак, я уже все... не могу дышать.

У нас была Марица Брыскина, она блокаду пережила, она могла три литра этой баланды съесть. Я удивлялась, глядя на нее. Она была эвакуирована из Ленинграда в Краснодарский край и оттуда загремела по 58-й.

Так вот, утром обязательно давали этот суп и половину пайки хлеба. То есть если ты получаешь 600, то утром 300 и вечером 300. Если получаешь 800, то соответственно. Если 400 г - то только один раз, утром. Ну вот. Суп и хлеб. Все.

Иногда давали - редко - сахар, коричневый такой, неочищенный. Граммов по 100. Не помню, раз в месяц или реже. Каждый подходил и черпачком ему отмеривали.

В обед на производстве, независимо от того, сколько ты получаешь, дают поллитра жидкой каши. Прямо на производстве кухня, и там расписание было, кому когда подходить. Но не в одиночку, а только со своей бригадой.

Вечером опять эта же баланда. А если не выполняешь плана, то кроме баланды ничего не получаешь. Если выполнение приличное, то может быть кусочек рыбы /между прочим, иногда красную рыбу давали/, кусочек сала. Что еще... А, даже лярд, знаете? Американские консервы. Правда, упаковки не видела. Приносили в кастрюле, и каждому давали мерочку. С хлебом было очень вкусно. Вот, пожалуй и все.

Да! Квас был из ржаной муки, мутновато-белого цвета, и его делали с сосновой хвоей, приятный на вкус. Я эту самую баланду и утром и вечером отдавала Марице за этот квас, его давали по 100 граммов. Я хлеб поем с квасом с этим, и меня это устраивало. А баланду я ела только если она без рыбы. А у уголовников бывали случаи, когда брали "на хапок". Поэтому когда из нашей колонны идут люди за хлебом, то никогда один человек не идет, всегда с охраной, потому что уголовники могли напасть и отобрать.

К. Ложки, вилки личные были?

Л.И. Вилки, ножи не разрешались. Только ложка. В последнее время у меня была своя ложка, сделанная на производстве, очень хорошо сделанная. Я имела две ложки - одну на работе, чтобы есть дневную кашу, а вторую - в лагере. Сейчас они у меня на даче.

К. Ваш барак был новый?

Л.И. Он был построен до нас. Конечно, в бараке до нас уже жили,

потому что было очень много клопов, и мы выводили их. Наша начальница колонны подняла шум по этому поводу перед начальством. У нас там была КБЧ - квартирно-бытовая часть, и там был начальник, и наша, несмотря на то, что он был вольнонаемный, разговаривала с ним так смело! Я помню, она водила его в углы, куда плохо поступало тепло, возмущалась.

К. Значит, кое-какие права у вас были?

Л.И. Все зависит от того, кто стоит во главе лагеря. Писаренко по-человечески относился к заключенным. Однажды я была в бараке и слышала, как он разносил начальника санчасти Керлих за то, что очень много больных из-за простуды: "В бараке холодно, и немудрено, что здесь люди простужаются. Мало того, что они мерзнут на работе, так еще и здесь..."

К. Какая была форма обращения - на "ты", или на "вы"?

Л.И. Кто как. Охрана - сплошь всем "ты", так как там хамье сплошное. Но если тебя окликают, то ты должен сказать свою статью и срок. Например, мне говорят: Ганина! Я в ответ: -58^I-а, десять лет!

К. А номер?

Л.И. У нас номеров не было. Может быть, в формуляре был номер, но нам их не присваивали, мы их не знали. А вот грубостей, как сейчас слышишь, не было. Сейчас идут подростки-матерятся, девушки идут - матерятся. У нас в колонии никто не матерился. Охрана - бывало, если кто-то отстал, или еще что-то... не собрался вовремя у вахты, когда мы идем с работы... кто-то заснул... с собаками если его разыскивали, то его матерят, и тумачат, наверно, надают. Но в общем - то охрана никогда не допускала матерной ругани. Нет, что вы... теперешние... Знаете, я до войны прожила на юге 26 лет, не слыхала, чтобы кто-то ругался, как здесь, дружелюбно разговаривая, говорят такие слова, что уши вянут... Я не позволяла себе никаких блатных слов произносить, не то что мат. Я даже не говорила слово "баланда", я говорила "суп", и надо мной иногда даже смеялись...

К. А если красивая молодая женщина понравилась офицеру, охране?

Л.И. С охраной и с офицерами не было контактов. А между заключенными любовь была.

К. Они могли проникать из одного отделения в другое?

Л.И. Такие случаи бывали, конечно. Но за это грозил изолятор. Любовь между заключенными была, но не в лагере, а на производстве. И эта любовь была открытая. И никто "подножек" не ставил, никто начальству не докладывал. И потом... был такой неписанный закон: если женщина хорошо выглядит, не "доходяга", и у нее нет одного постоянного любовника, то будет много. Ее принудят. Кто? - старший диспетчер, старший нарядчик, старший комендант, коменданты - это все из заключенных. Все равно кто-нибудь... И бывалые новичков предупреждают: если не хочешь, чтобы у тебя их было много, выбирай одного и держись его одного, или пойдешь по рукам. Бывали случаи: женщина из женской зоны ночью пробирается в мужскую зону. Договорилась с охраной и т.д. А ее уже на мужской половине поймал комендант. Ну и все. Или ты пойдешь в ШИЗО сейчас, или ты с ним. И комендант открыто предлагал ей это. И некоторые шли в ШИЗО, а некоторые от него шли к своему - в зависимости от обстоятельств. Я знаю такой случай. Один вольнонаемный начальник принуждал к сожительству очень красивую молодую женщину. Он был лет на 25 старше ее, а ей 27-28 лет. Она жаловалась мне. Что делать? Если не будешь с ним, выгонит на общие. А так она работала в зоне, он ее взял секретаршей к себе.

К. Были случаи, чтобы кто-нибудь родил в лагере?

Л.И. Родить никто не родил. Но я знаю два случая, когда беременных отправили на Красный камень. Там был женский лагерь, и там были ясли или что-то вроде этого.

К. Смерти были?

Л.И. Были. Особенно в первое время мужчин много умирало. Каждую ночь вывозили. Когда я лежала в лазарете, то при мне много народу умерло. Один мальчик молоденький такой, почки больные. Я сидела возле него, он меня за руку держал... и умер.

К. Какие главные причины смерти?

Л.И. Дистрофия. Тогда это называлось пеллагра. И существовала такая классификация, такое разделение всех заключенных: "тяжелый физический труд" - ТФТ, "средний физический труд" - СФТ, легкий - ЛФТ. Из таких ослабленных создавались бригады, где полегче работы были. Не ставили их на земляные работы. Причем комиссовка была - это же смех! Мне пришлось много раз присутствовать на этой комиссовке, когда я работала в

лазарете. Начальник САНУ Гохштейн – председатель комиссии, врач и я – сижу, пишу. Входит больной.

-Снимай штаны! – тот снимает.

-Повернись задом! – поворачивается.

-Средний физический труд!

То-есть по упитанности ягодиц определяли физическое состояние. Если там одни только кости торчат – ЛФТ, а немножко мяса есть – СФТ, а если более-менее – ТФТ. Ни состояние сердца, ни легких и т.д. – только так. И этот метод и для мужчин, и для женщин.

К. Как регистрировали смерть?

Л.И. Я в лазарете работала статистиком какое-то время. И видела старые справки – это был целый большой шкаф. Там было написано все по годам смерти – 1943, 1944 годы... Полочки, и наклеены бумажки, на которых написан год, даже месяц смерти. Много справок. Но сколько их было – сказать не могу.

К. Умерших обмывали?

Л.И. Да нет, что вы...

К. В одежде хоронили?

Л.И. Не знаю. Какая-то была команда, которая занималась захоронением. Мне мужчины рассказывали, что по ночам всегда уходит машина /это в первые годы/. Между прочим, пеллагриков среди мужчин было очень много, среди женщин намного меньше. Объясняется это физиологией, женщины голод переносят легче. Мужчины говорили иногда: мораль заела. Так что не только фактор голода, но и фактор самого положения, моральная сторона сводила в могилу. А как хоронили – не знаю. И никто не говорил, и не спрашивал. Умер – и все. Прошло какое-то время, говорят, допустим:–А знаете, Духопельникова умерла. –Да? когда? –Дня три назад.

И все. И больше вопросов нет. А на ее постель, на ее место присылали другого.

К. Последний вопрос. Как Вам кажется, Ваше положение в лагере было одинаково со всеми?

Л.И. Мне, конечно, жилось легче, чем основной массе. Благодаря, наверно, моей грамотности, работоспособности, добросовестности в работе. Правда, если начальник уехал, и известно, что до вечера его не будет, то зачем я буду придумывать

себе работу? Там есть штабель бревен, бросаю туда телогрейку и сплю, пока меня никто не видит...

Но я легко адаптировалась. Если вначале я многих вещей не понимала в строительных терминах, то немного поработала, быстро сориентировалась - какой профиль, куда его надо уложить, какой диаметр, какую бирку надо и т.д. И когда мне как-то начальник сказал, смогу ли я работать по этой части, я сказала - попробую! Ведь нормы, расценки - это же простая арифметика! Составление наряда, расценки - это же просто! И еще - я умела разговаривать с людьми. Вот Марица Брыскина, о которой я рассказывала, была "фыркучая". Сразу как кошка - ффр-р-р! Я в этом смысле была благовоспитанной. Никогда не повышала голоса, грубого слова не говорила. Может быть, и это? С детства меня родители воспитывали по всем правилам тогдашним. И когда я ссылалась на других - почему кому-то можно, а мне нельзя? - то мама говорила: да, им можно, а тебе нельзя. Ты дочь учителя. И это заставляло думать...

Беседу провел И.К.

И. ПИКО

... И ДРУГО "САМСТ"

Весной 1961 года в Свердловской картинной галерее состоялась выставка "Русские самодельцы". Более полторы тысячи изделий из металла, стекла, керамики, уральских месторождений за последние 200 лет, представлено в 15 залах. Впервые в одном месте были собраны материалы из различных музеев - Зинковского, Назаровского дворца, Зинковского, Уральского государственного, Свердловского историко-этнографического и других музеев страны. Это была выставка сокровищ, созданных в основном на уральских землях.

На одном из залов, в небольшой витрине, состоящей из нескольких отдельных полок, лежали копии исторических брацеллет, созданных из различных пород и искусственных сплавов в различных условиях объединения "Уральские самодельцы" художником Ю.И. Рубинским и металлургом Р.З. Кузнецовым и В.А. Назаровым. И каждый из них, в свою очередь, представлял собой уникальное творчество.

ИССЛЕДОВАНИЯ. ПОИСК И НАХОДКИ

В настоящее время в Свердловской картинной галерее организована выставка "Уральские самодельцы". В ней представлены материалы из различных музеев страны, созданные в основном на уральских землях. Это были сокровища, созданные в различных условиях объединения "Уральские самодельцы" художником Ю.И. Рубинским и металлургом Р.З. Кузнецовым и В.А. Назаровым. И каждый из них, в свою очередь, представлял собой уникальное творчество.

В настоящее время в Свердловской картинной галерее организована выставка "Уральские самодельцы". В ней представлены материалы из различных музеев страны, созданные в основном на уральских землях. Это были сокровища, созданные в различных условиях объединения "Уральские самодельцы" художником Ю.И. Рубинским и металлургом Р.З. Кузнецовым и В.А. Назаровым. И каждый из них, в свою очередь, представлял собой уникальное творчество.

В настоящее время в Свердловской картинной галерее организована выставка "Уральские самодельцы". В ней представлены материалы из различных музеев страны, созданные в основном на уральских землях. Это были сокровища, созданные в различных условиях объединения "Уральские самодельцы" художником Ю.И. Рубинским и металлургом Р.З. Кузнецовым и В.А. Назаровым. И каждый из них, в свою очередь, представлял собой уникальное творчество.

М. РЫЖОВА.

... И ЕЩЕ О "САНСИ"...

Весной 1981 года в Свердловской картинной галерее работала выставка "Русские самоцветы". Более полутора тысяч изделий из камня, созданных уральскими мастерами за последние 200 лет, разместились в шести залах. Впервые в одном месте были собраны экспонаты из различных музеев — Эрмитажа, Павловского дворца, Загорска, Уральского геологического, Свердловского историко-революционного и других музеев страны. Это была выставка сокровищ, созданных в основном из уральских камней.

В одном из залов, в небольшой витрине, состоящей из нескольких стеклянных полок, лежали копии исторических бриллиантов, созданных из различных природных и искусственных самоцветов в производственном объединении "Уральские самоцветы" художником Ю.М. Ружьевым и мастерами Р.З. Худяковым и В.А. Цыбиным. К каждому экспонату, а их было около двадцати, прилагалась этикетка, где указывались его имя, параметры и краткая "биография". Здесь находились копии бриллианта "Орлов", украшающего Алмазный фонд СССР, прекрасного кабوشона "Евгения", названного в честь жены Наполеона III, "Регента" и других знаменитых камней. На одной из полок располагался камень чистейшей воды, размером с голубиное яйцо, формой напоминающий грушу (панделок), покрытый множеством граней. Луч света "зажигал" его, и камень "вспыхивал" красным пламенем, мгновенно рассыпавшимся снопом разноцветных искр. Это была копия легендарного "Санси", созданная из фианита^ж.

Бриллиант "Санси" представлен многими справочниками о драгоценных камнях. Но наиболее полно история этого именитого камня изложена в монографии профессора Я.Зембицкого "Историческое известие о знаменитом алмазе "Санси", изданной в типографии Н.Греча в 1835 году. /4/.

/4/. Яким Зембицкий был членом-учредителем и директором Русского минералогического общества, многие труды которого издавались не только на русском, но и на немецком языках.

^ж Фианит — искусственный минерал, обладающий сильным блеском и игрой граней. По физическим свойствам пригоден для имитации алмазов и других ограночных камней.

Привожу краткое изложение вышеназванной монографии, дополненное сведениями из других литературных источников. (I, 7, II, 14). Алмаз, ставший впоследствии бриллиантом "Санси", был найден в Восточной Индии, "подобно всем доселе известным алмазам". Существует версия, что этот драгоценный камень принадлежал герцогу Бургундии — Карлу Смелому. В 50-х годах XV века при дворе герцога находился голландский дворянин Людвиг Беркен (или Беркем). Считается, что именно он первым в Европе научился обрабатывать алмазы. В 1454 году он огранил свой первый алмаз, который впоследствии получил имя "Санси". И этот редчайший бриллиант стал украшать шлем Карла Смелого. В 1477 году в битве при Нанси герцог был убит. Бриллиант похитил вражеский солдат, который продал его местному пастору за один гульден. В дальнейшем камень, поменяв нескольких владельцев, стал принадлежать французскому дворянину Николаю Гарлею де Санси, от которого и получил свое имя. Согласно одному из преданий, возможно это легенда, король Франции Генрих III попросил этот драгоценный камень у сеньора де Санси, чтобы, заложив его, поправить тем самым свои финансовые дела. Бриллиант был отправлен из Золотурна (нынешняя Швейцария) со слугой. По дороге на него напали разбойники и убили. Но преданный своему господину человек, успел проглотить камень. Тщетно де Санси ожидал возвращения слуги. Узнав, что последний убит, он разыскал могилу несчастного, вырыл труп и в желудке обнаружил бриллиант.

Затем "Санси" принадлежал английскому королю Якову II. В 1695 году алмаз был продан им Людовику XIV. "Король-солнце" носил драгоценный камень в аграфе, украшавшем его шляпу. Впоследствии бриллиант был вставлен во французскую корону. 17 августа 1792 года "Санси" похитили из Гард-Мёбл. (II). Чтобы пополнить свою казну его разыскивал Наполеон I, но, знаменитый камень исчез надолго.

В конце 20-х или начале 30-х годов прошлого века владельцем "Санси" стал Павел Николаевич Демидов. Он приобрел этот бриллиант через подставное лицо у герцогини Беррийской* за 500 тысяч фран-
* Мария-Каролина-Фердинанда-Луиза, дочь короля обеих Сицилий Франциска I, жена, а после 1820 года вдова герцога Беррийского Шарля-Фердинанда. В смутные для Франции 1830-е годы решила возвести на престол своего малолетнего сына-Генриха, как последнего представителя старшей линии Бурбонов. В заговоре этой особы активное участие принимал французский роялист барон Жорж Дантес, приобретший впоследствии позорную славу убийцы века.

ков. Вероятно, большая нужда в деньгах заставила эту знатную аристократку лишиться бриллианта "Санси", неизвестно каким путем ей доставшегося. О распродаже имущества герцогини, в частности — библиотеки, сообщалось в газетах того времени.

Но вернемся к "Санси". "Сей алмаз, — писал Я. Зембицкий, — имеет вид груши, ограниченной двойной резьбой, прозрачность его массы представляется в таком совершенстве, которое означается выражением чистейшая вода; вес его 53,5 карата, по точному исследованию, произведенному в Минералогическом обществе действительным членом А.А. Дювалем. Сей отличный знаток сущности и превосходства драгоценных камней утверждает, что суммою в 500000 рублей не определяется достоинство алмаза "Санси", ибо он стоит несравненно большей цены". В описи регалий французской короны, составленной в 1791 году, камень был оценен в 1000000 франков. (II).

В 1836 году Павел Николаевич Демидов женился на Авроре Карловне Шернваль. Утром в день свадьбы, он преподнес своей молодой жене великолепную шкатулку, сделанную из благородных металлов и украшенную драгоценными камнями с Урала. В шкатулке было четырехрядное ожерелье из жемчужин размером с лесной орех и "Санси".

Супруги прожили вместе недолго, всего три с небольшим года. 21-го марта 1840 года П.Н. Демидов умер. После смерти мужа Аврора Карловна появлялась в обществе только в темных однотонных туалетах, шею вдовы украшал "Санси" на платиновой цепочке. (5).

Дальнейшую историю знаменитого бриллианта можно проследить по письмам Авроры Карловны из Парижа, где она со своим вторым мужем подполковником Андреем Николаевичем Карамзиным прожила с декабря 1847 по май 1848 года. Из Парижа Аврора пишет сестре Алине в Плён: "Ты не можешь себе представить тот удивительный эффект, какой здесь производят мой "Санси" и мое жемчужное кольцо. Говорят даже, что некоторые дамы добиваются приглашения в дома, где я бываю, только для того, чтобы увидеть мои жемчуга". И далее: "Андре уверял меня, что вчера на балу он все время знал где я нахожусь, благодаря толпе, образовавшейся вокруг меня и следовавшей за мной всюду". (5). Вероятно к этому времени отно-

сится следующий анекдот. Однажды на балу Аврора Карловна была со знаменитым бриллиантом на шее. Танцевать было очень тесно и она побоялась, что тонкая цепочка может порваться, драгоценность упадет на пол и потеряется. Аврора Карловна попросила своего кавалера—графа Морни позаботиться о драгоценности и оставить ее у себя до следующего дня. Граф любезно согласился. Аврора растегнула цепочку, и граф спрятал "Санси" в кармане своего белого жилета. Напрасно госпожа Карамзина ждала, что на другой день Морни явится с визитом и вернет драгоценность. Прошло несколько дней — о графе никакого слуха. Авроре стало страшно. Не следует ли напомнить ему? Но это было бы крайне неудобно. Наконец, однажды, доложили о приходе графа. Сияя от радости Аврора поспешила ему навстречу. "Граф, как это любезно с Вашей стороны, — произнесла успокоенная Аврора, — что Вы пришли, чтобы вернуть мою драгоценность". Морни, побледнев, отпрянул. Похолодев от ужаса, он инстинктивно поднес руку к карману жилета. Граф совершенно упустил из памяти, что госпожа Карамзина доверила ему "Санси". Забыв о всяком этикете, он повернулся спиной к хозяйке дома, стремглав сбежал по лестнице, бросился в свою карету, во весь опор помчался домой, ворвался в дом и позвал слугу. "Жилет, — запыхавшись закричал он, — белый жилет, в котором я был на балу, дай мне его". "Но я отдал его сегодня утром прачке", — заикаясь пробормотал слуга. Морни казалось, что он задохнется. "Скорее, немедленно, доставь его сюда", — приказал он и в нескольких словах объяснил испуганному слуге в чем дело. Смертельно побледнев, слуга бросился в путь... Он примчался к дому прачки. Перед домом на тротуаре сидели маленькие дети прачки и с увлечением играли каким-то блестящим предметом, в отшлифованных поверхностях которого солнечные лучи преломлялись и сверкали всеми цветами радуги. Это был "Санси"...

... В мае 1854 года А.Н. Карамзин погиб во время Русско-Турецкой войны. Аврора Карловна во второй раз стала вдовой...

✱ ✱ ✱

Пока документов, раскрывающих дальнейшую судьбу "Санси" не найдено, но в литературе есть несколько упоминаний об этом историческом камне. Авторы монументальных книг о драгоценных камнях Г.Банк и Г. Смит утверждают, что "Санси" восхищались на Всемирной выставке в Париже в 1867 году, затем его приобрела семья Астор. (I,II).

В.Шуман указывает год приобретения именитого бриллианта этой семьей — 1906. (I4). Кем же был представлен бриллиант на выставке, и у кого купила этот камень семья Астор — неизвестно.

По мнению же Р.Валаева, автора книги "Новеллы о драгоценных камнях" (2), Аврора Карловна, выйдя замуж за Андрея Николаевича Карамзина, привезла с собой в новую семью (здесь имеется ввиду семья историка и писателя Н.М. Карамзина) "Санси" вместе с другими драгоценностями. "В доме Карамзиных, — пишет Р.Валаев, уникальный бриллиант находился с 1846 по 1917 год, а затем след этого замечательного камня теряется. Известно лишь, что он не был вывезен за границу и остался в России". Этой же версии придерживаются уральские писатели И. Шакинко и Н. Меженин. (I3,6).

Затем след знаменитого бриллианта теряется почти на целый век. И только в последние двадцать лет в литературе вновь появляются сведения о "Санси".

Вот как раскрывает дальнейшую историю этой драгоценности Ю.Соловьев. (I2). "По-видимому давно исчезнувший бриллиант "Санси" вновь появился на свет и уже в Соединенных Штатах Америки. В печати сообщалось о том, что в 1969 году (запомните эту дату. М.Р.) безымянный бриллиант величиной с голубиное яйцо, вделанный в кольцо, продавался с аукциона в Нью-Йоркской галерее Паркер-Бенета. ...последние три удара молотка и бриллиант попадает в руки Кенмора^{*}..."/

И далее: "На аукционе "скрестили шпаги" Жаклин Кеннеди — жена греческого судовладельца — миллиардера Аристотеля Онассиса и Элизабет Тейлор кинозвезда и супруга известного американского киноактера Ричарда Бартон. Таким образом, миллионное украшение

^{*} Роберт Кенмор — комерсант и делец, представляющий интересы американского ювелирного дома Картье.

от Кенмора перекочевало в витрину ювелирного дома Картье, а оттуда к Элизабет Тейлор". Версии о том, что знаменитый бриллиант "стал собственностью Элизабет Тейлор" придерживается и Ю.Яровой в своей замечательной книге "Цветные глаза земли". (15).

Итак, в настоящей статье есть шесть упоминаний о существовании "Санси" после 1830-го года. Первое — монография Я.Зембицкого, где указываются параметры, полученные при исследовании этого камня в Минералогическом обществе А.А. Дювалем. Второе — письмо А.К. Демидовой-Карамзиной, написанное из Парижа сестре Алине в феврале 1848-го года. Третье — утверждение, что "Санси" демонстрировался на Всемирной Парижской выставке в 1867 году. Четвертое — о том, что "Санси" стал собственностью аристократической семьи Астор. Пятое — версия Р.Валаева, что Аврора Карловна привезла в новую семью "Санси" и что камень до 1917 года находился в семье Карамзиных. Шестое — предположение Ю.Соловьева и Ю.Ярового о том, что "Санси" находится у Элизабет Тейлор.

Два первых упоминания документальны, следовательно, бесспорны. Следующие два — сомнительны, и вот почему. В своей книге "Мир самоцветов" Г.Банк утверждает, что "Санси" весит 106 каратов, что противоречит замерам А.А. Дюваля, державшего этот камень в руках. Далее, Г.Смит так начинает описание бриллианта: "История камня "Санси" очень запутана, возможно, в ней переплелись истории двух или более камней". Следовательно, речь могла идти о другом камне, и семья Астор приобрела не тот "Санси", о котором писали Я.Зембицкий и А.Демидова-Карамзина. Тем более, как писал Г.Банк: "...никогда ничего нельзя утверждать с уверенностью, если речь идет о частном владении". Конечно, можно предположить, что именно "тот" "Санси" демонстрировался на Парижской выставке в 1867 году. Но в таком случае, официальный показ в Париже драгоценности, некогда похищенной из французской сокровищницы, мог вызвать грандиозный скандал. Или "Санси" в то время принадлежал Франции? У кого же, в таком случае, он был приобретен?

Версия же Р.Валаева, И.Шакинко и Н.Мезенина (2,13,6), мягко говоря, вызывает недоумение. Аврора Карловна Демидова была весьма состоятельным человеком. У нее был каменный дом в Петербурге,

виллы в Финляндии. Когда она стала женой Андрея Николаевича Карамзина, то муж пришел к ней в дом, а его мать и сестры подолгу жили у гостеприимной невестки на вилле Трясканда. Предположение что богатая, умная и независимая женщина отдала в другую семью, даже если это семья мужа, фамильную драгоценность неубедительна. И уж совсем абсурдным кажется утверждение, что "Санси" хранился в семье Карамзиных до 1917 года. Екатерина Андреевна Карамзина — мать Андрея Николаевича, ее сыновья и дочери умерли в XIX веке. Аврора Карловна пережила всех и скончалась в 1902 году. Таким образом, бриллиант "Санси", по мнению автора данной статьи, никогда не был собственностью семьи Карамзиных.

Версия же Соловьева и Ярового, на мой взгляд, заслуживает внимания. Но для того, чтобы проследить предположительный путь бриллианта "Санси" от времени Авроры Карловны Демидовой — Карамзиной до аукциона в Нью-Йорке, происходившего в наши дни, необходимо сделать небольшой экскурс в историю.

Павел Павлович Демидов — сын Павла Николаевича и Авроры Карловны был очень богатым человеком. Кроме заводов и имений в России ему принадлежали виллы и дворцы за границей. Он купил в Италии великолепное имение Медичисов — старинную виллу Протолино, расположенную близ Флоренции. (9). От своего бездетного дяди — Анатолия Николаевича, Павел Демидов унаследовал княжеский титул и виллу Сан-Дonato. Богатый наследник перевез из Сан-Дonato в Протолино фамильную библиотеку и художественные ценности, а их было немало. В частности: портрет П.Г. Демидова кисти Ф.Рокотова, два мраморных бюста — Никиты Акинфиевича Демидова и его жены Александры Евтихиевны, созданные Федотом Шубиным. Можно предположить, что в этой коллекции были портреты и других Демидовых, их родственников Строгановых, написанные известными портретистами К.Брюлловым, Э.Виге-Лебрен, Ж.-Л. Вуалем и другими художниками, а также картины русских и европейских мастеров, античные скульптуры, различный антиквариат. Виллу Протолино унаследовала дочь П.П. Демидова — Мария, в замужестве Абамелек-Лазарева.

У Павла Павловича от двух браков было шестеро детей (седьмой умер в младенчестве). Следовательно, у Авроры Карловны было две невестки, три внука и три внучки. Одну из них, родившуюся в 1873 году, называли Авророй, в честь бабушки. Аврора Павловна вышла замуж за сербского принца Арсения Карагеоргиевича — офицера русской армии. Сын Авроры — внучки Павел Югославский (он, вероятно, носил такую фамилию), унаследовал виллу Протолино в 1956 году после смерти своей бездетной тетки Марии Павловны Абамелек-Лазаревой.

Картины и антиквариат из виллы Протолино экспонировались на различных выставках. Например, в каталоге выставки французского искусства в Лондоне в 1968 году, указана картина "Девочка в шляпе", на которой изображена Екатерина Александровна Строганова. К каталогу приложена репродукция со следующей аннотацией: "Художник Э.Виже-Лебрен, владелец картины Павел Югославский, размер 68,6x55,9, ранее находилась в собрании Демидовых". (8).

В 1969 году Павел Югославский продал виллу Протолино, а ценности пошли "с молотка". Вспомните, уважаемый читатель, что аукцион в Нью-Йорке происходил тоже в 1969 году.

Теперь вернемся к Авроре Карловне. Она, судя по воспоминаниям современников и ее письмам, была человеком умным, рассудительным, чтит традиции старинных дворянских родов. Демидова-Карамзина получала приличную пенсию от тагильских заводов, и как было сказано выше, имела дом в Петербурге и виллы в Финляндии. Сомнительно, чтобы женщина, обладающая достоинством, да к тому же обеспеченная и независимая, могла продать фамильную драгоценность.

Куда же делся "Санси" в таком случае? Скорей всего, Аврора Карловна завещала после своей смерти этот бриллиант одной из самых близких родственниц. Этим близким существом вполне могла быть Аврора Павловна Карагеоргиевич — женщина ослепительной красоты, портрет которой написал Константин Маковский.

Аврора — внучка ненадолго пережила свою бабушку и скончалась в 1904 году. Вероятней всего, богатство матери унаследовал сын Павел, к тому времени несовершеннолетний. Как же в дальнейшем могли распорядиться фамильным бриллиантом? Здесь можно пред-

Э.Виже-Лебрен/?/ "Девочка
в шляпе"/портрет Е.А.Стро-
гановой/. Конец 18 в.

В.Гау. Портрет А.К.Демидо-
вой-Карамзиной. 1845 г.

Павел Павлович Демидов.
Фото 1880-х годов.

положить два варианта.

1. "Санси" был продан какому-нибудь государству, или частному лицу.

2. "Санси" остался в семье принца Павла или его наследников.

И если принять первый вариант, то, возможно, фамильная драгоценность Демидовых стала принадлежать кинозвезде Элизабет Тейлор (версия Соловьева и Ярового). Есть еще одно небольшое косвенное подтверждение этой версии. Журнал "Штерн" писал, что супруг кинозвезды Р.Бартон, после очередной размолвки с женой "на следующий день покупал ей огромное кольцо с бриллиантом, который был так велик, что она не могла согнуть палец". Замечу, что период совместной жизни актеров длился с 1964 по 1976 год. (16). Вполне вероятно, что в обеих публикациях — Ю.Соловьева и вышеназванной, речь идет об одном и том же кольце.

А если, все-таки, у Элизабет Тейлор не тот бриллиант, что был подарен Авроре Карловне? В таком случае можно принять второй вариант, и предположить, что бриллиант "Санси" находится среди богатств, унаследованных Павлом Карагеоргиевичем (Югославским) в Италии или Югославии. Может быть это сокровище находится и в другой стране, но только не в России.

Так мне видится история бриллианта "Санси". Она построена на предположениях и косвенных доказательствах, поэтому далеко не бесспорна.

В архивах многих городов нашей страны и за границей хранятся документы, принадлежавшие Демидовым. В настоящее время по архивным материалам ученые, историки, музейные работники, краеведы пытаются восстановить историю этого рода. Планируется издание Демидовской энциклопедии. И может быть среди деловых бумаг попадет письменное свидетельство о приобретении П.Н. Демидовым бриллианта "Санси", акт о передаче этой фамильной драгоценности в наследство и другие документы об историческом камне. И на основании прочитанных страниц из прошлого будет написана достоверная биография "Санси" — камня, связанного с нашим городом, камня олицетворяющего непреходящие ценности — красоту и вечность.

И последнее. Копия бриллианта "Санси" находится в музее производственного объединения "Уральские самоцветы". Как было бы хорошо, если бы Музей-заповедник горнозаводского дела на Среднем Урале, изыскал возможность приобрести эту копию.

Заканчивая эту статью, я хочу поблагодарить Клат Светлану Адольфовну, Дьячкова Тигрия Васильевича, Овечкину Эмму Николаевну, любезно помогавших мне в сборе материала и консультировавших меня в процессе работы.

Январь, 1991 года
г. Нижний Тагил

Список литературы

1. Банк Г. В мире самоцветов. Москва, 1979 г.
2. Валаев Р.Г. Новеллы о драгоценных камнях. Киев, 1971 г.
3. Вермуш Г. Алмазы в мировой истории и истории об алмазах. Москва, 1988 г.
4. Зембицкий Я. Историческое известие о знаменитом алмазе "Санси". С.-Петербург, 1835 г.
5. Кварнстрем И. и др. Биография А.К.Демидовой-Карамзиной. Архивы Нижнетагильского музея-заповедника. Ф.5, оп.3, ед.хр. II8.
6. Мезенин Н.А. Тайна алмаза "Санси". Газета "Тагильский рабочий". 25 января 1991 г.
7. Милашев В.А. Алмаз. Легенды и действительность. Ленинград, 1989 г.
8. Немилова И.С. Загадки старых картин. Москва, 1989 г.
9. Огарков В.В. Демидовы. Их жизнь и деятельность. С.-Петербург, 1891 г.
10. Покровский С.П. Демидовский лицей в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914 г.
11. Смит Г. Драгоценные камни. Москва, 1980 г.
12. Соловьев Ю.С. Демидовский алмаз. Газета "Тагильский рабочий". 19 мая 1971 г.
13. Шакинко И.М. Грани алмаза. Журнал "Урал", № 2, 1976 г.
14. Шуман В. Мир камня, Т.2. Москва, 1986 г.
15. Яровой Ю.Е. Цветные глаза земли. Челябинск, 1984 г.
16. Последняя звезда Голливуда. Газета "Аргументы и факты", № 50, 1990г. Перепечатано из журнала "Штерн".

I

Председателю городского Совета т. ГРУШИНУ
г. Н. Тагил

СПРАВКА

СПО Тагильского сектора НКВД

О СОСТОЯНИИ ТАГИЛЬСКОЙ ТРУДКОММУНЫ

по состоянию на 1 ноября 1935 г.

Деткоммуна организована в 1933 году. Состав воспитанников был набран исключительно из беспризорников. В августе мес. с.г. коммуна произвела первый выпуск воспитанников в числе 76 человек, из которых в данное время работают на Уралмаше 19 человек, совхозе НКВД Тагильского района 12 человек и на разных предприятиях 7 чел.

Учатся в школе ФЗУ НТМЗ 20 человек, авиатехникуме 1, Горном 5, педагогическом 3, музыкальном 5. В данное время в 3-х интернатах деткоммуны имеется от 165 до 170 детей /точное число никто дать не мог/ в возрасте от 8 до 16 лет. В первом интернате размещено 52 человека в возрасте от 12 до 16 лет, во втором 57 человек от 8 до 12 - 13 лет и в третьем 40 человек от 12 до 14 лет. По интернатам числится 149 человек, а где остальные - никто членораздельно не знает, т.к. учета нет /бухгалтер говорит 160, статист 174, директор 165, а по интернатам 149/.

Все дети учатся в неполной средней школе, имеющейся при деткоммуне, и, кроме этого, работают в имеющихся цехах: литейном, слесарном и столярном. Продукция этих цехов сбывается предприятиям и организациям Тагильского района на общую сумму до 20.000 рублей в месяц. Эти подсобные цеха используются в качестве учебных, где дети квалифицируются по желаемой ими специальности.

РУКОВОДЯЩИЙ И ПОЛИТВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ.

Большинство руководящего и педагогического состава коммуны обновлено в сентябре, октябре мес. Директор ЛАПЕНКО - чл. ВКП/б/ работающая в детучреждениях более 10 лет. Завучем является ее муж ПЕТРОВ - комсомолец, также работающий 10 лет в детучреждениях. По

заявлению директора ЛАПЕНКО состав педагогов и зав. интернатами — люди на своих местах, дело знают, к работе относятся добросовестно. Из 30 человек адм. пед. персонала 3-е членов ВКП/б/ и 14 комсомольцев, остальные беспартийные.

Хотя ЛАПЕНКО утверждает, что весь состав проверен и очищен, кроме зав. столярным цехом КИСЕЛЕВА, якобы из раскулаченной семьи и зав. мех. цеха ПУТИЛОВА. Но надо отметить, что в коммуне до сего времени работает воспитателем жена белогвардейца НЕРУШ — дочь кулака, и сам НЕРУШ тоже работает кассиром. В отношении остального состава работников деткоммуны, кроме того, что зав. I-м интернатом ДУДИНА комсомолка очень нервная, на детей кричит и грубит, в силу чего имели место в середине октября групповые побеги детей.

Воспитательная работа с детьми в особенности во время послеучебы в школе отсутствует, дети предоставлены сами себе и занимаются кто чем может. Красные уголки имеются во всех 3-х интернатах, но они не оборудованы, в помещениях грязь, мебели недостаточно, а также недостаточно инструментов и оборудования, где бы дети могли развлекаться. Директор ЛАПЕНКО говорит: "Все будет сделано, готовимся к празднику, все приготовим". Но ничего существенного не видно.

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ДЕТЕЙ.

Во всех трех интернатах до безобразия грязно, во втором и третьем интернате холод, печи были не топлены до нашего приезда /3 часа дня/ и только после наших замечаний их стали топить, а отсюда печи будут закрываться, когда дети вернутся из школы и если печи закроют рано, дети могут угореть.

Постельные принадлежности имеются на каждого человека, но они в грязном состоянии, полотенца все в грязи, простыни тоже, одеяла посерели от пыли, а матрасы во 2-м интернате разорвались, из них высыпается солома и этого никто не видит, ни директор, ни зав. интернатом ТАНАНИН.

Уборная и прихожая: перед уборной в 3 интернате все загажено, дети оправляются с порога и никто за этим не следит и не производит очистки. В данное время в уборную нельзя пройти и безусловно дети будут оправляться прямо из помещения.

Во 2 и 3 интернате посуда в шкафу грязная, на кружках и тарелках грязь, ложки все заржавели, что их просто срамно взять в руки.

В тарелках лежат остатки пищи от обеда и их не моют.

В I-м интернате детям, в присутствии двух работников Сектора, знакомящихся с работой тр/коммуны, раздавали чай. На 52 человека имеется только 2 кружки, остальным же 20ти детям налили чаю в тарелки из-под супа и они из них пьют, сахарный песок просто насыпали по столовой ложке на каждого на кусок хлеба или прямо на стол, а столы грязные, скатертей нет во всех 3-х интернатах. Директор говорит, что они отданы в стирку. Кружки на складе имеются в достаточном количестве, но ЛАПЕНКО говорит, что их не даю умышленно, т.к. кружки давались, но они сломаны.

Имеется на складе зимнее пальто, валенки и шапки, но они выдаются только I-му интернату, а 100 человек детей ходят в рваном, грязном, иногда не имеют обуви и шапок. Идущие из школы дети шли по улице без шапок и на вопрос: "Где у вас шапки?" - говорят: "У нас их нет и не было". Из выданных I-му интернату пальто уже два пальто украдено и найти их не могут.

Большинство детей изнуренные, из чего видно, что питание их недостаточное. Дети заявляют, что мяса они не видят, а едят по хлебку из овощей и кашу из крупы "сечка", хотя коммуна имеет все возможности для создания хорошего питания, есть свои овощи, свой хлеб и т.д.

Характерно отметить, что в интернатах почти совсем нет портретов вождей, а есть картины из времен народничества и друг. не относящиеся к данной эпохе. В столярном цехе нами обнаружено 7 портретов белых генералов: ДЕНИКИН, ВРАНГЕЛЬ, ЮДЕНИЧ, МАХНО и др., для которых сделали новые рамки и вставили их под стекло, вероятно готовясь их вывесить. На требование работников Сектора дать объяснение директор ЛАПЕНКО говорит, что дала по ошибке вместо других портретов, а зав.столярного цеха КИСЕЛЕВ говорит, что раз дала директор и велела сделать рамки - я и сделал. Работу с портретами вместе с рабочими и инструкторами в цехе проводили также и ученики дети.

Во всех интернатах дети пьют холодную сырую воду. ЛАПЕНКО объясняет, что кипяченую воду дети пить не хотят. Видимо потому, что дети пьют сырую воду и ходят без головных уборов, т.к. их нет, часть детей страдает головными болями. В каждом интернате есть больные дети, лежащие на койках. Серьезно больных нет. Побоев в данное время нет.

По плану ОблОНО коммуне отпущено средств на 1935 г. из расчета на 200 воспитанников 250 тысяч рублей. По плану области перерасхода пока нет, но коммуна, а в частности бухгалтерия, не имеют ни финплана, ни сметы, расходы производятся вслепую; учет поставлен из рук вон плохо, запущен и бухгалтер даже не может объяснить необходимые статьи расходов, контингент, нормы и т.д. Все делается по-кустарному. Перерасчеты с хозорганизациями ведутся годами, своевременно не производятся. УВС за сданную продукцию несколько месяцев невыплатило 6.000 р. ГорОНО должно 2.100 рублей, Трансстрой перечислил 920 руб. денег, а Госбанк их не переводит, перечисляет, потому что неправильная калькуляция изделий, уже год лежат готовые изделия - оси к вагонеткам на сумму 3690 рублей, но их сдать не знают кому, так как потеряли заказ, а поэтому омерщвлен капитал.

В силу того, что бухгалтерия коммуны не выплатила 1000 рублей двум гражданам 6 дней тому назад, судисполнитель увел из коммуны для продажи лошадь и это сделал демонстративно, хотя дети лошадь не давали.

Последний факт говорит о том, как райорганизации коммуне не только не помогают, а наоборот - стараются за ее счет покрыть свои грехи. ГорОНО, зная, что коммуне нужны деньги, получив от коммуны парты, деньги в сумме 2.100 р. не платит. Взыскать деньги с УВС и ГорОНО судисполнитель не помог, а у коммуны увел лошадь.

Педагогический состав в коммуне условия для работы имеет. Бытовые условия для него также созданы.

НАЧАЛЬНИК ТАГИЛЬСКОГО СЕКТОРА НКВД

ПЛАХОВ

НАЧАЛЬНИК СПО

ВИНОГРАДОВ

2 ноября 1935 г.

г. Н-Тагил

Свердловской области

СЕКРЕТНО

Р.С.Ф.С.Р. Свердловский Областной Исполнительный Комитет
Советов Р.К. и С.Д.

4 ноября 1934 г.

№ 524/с

г.Свердловск

**ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ РАЙИСПОЛКОМОВ, ГОРОДСКИХ И ПОСЕЛКОВЫХ
СОВЕТОВ КОМИ- ПЕРМЯЦКОГО ОКРИСПОЛКОМА.**

На основании постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 октября о расходах на улучшение бытового обслуживания работников учреждений, состоящих на городских и районных бюджетах, предлагаю Вам лично при составлении бюджета Вашего района /города/ выделить особо средства на расходы по улучшению бытового обслуживания работников аппаратов, состоящих на районных или городских бюджетах, и работников партаппарата. Для чего Вам необходимо составить подробную смету на следующие расходы:

а/ на выдачу дотации столовой закрытого типа, обслуживающей эту категорию работников;

б/ на содержание существующих собственных домов отдыха, а также на приобретение путевок в дома отдыха и санатории для работников следующих категорий: членов президиума горсовета, райисполкома, завед. и зам. заведывающих гор.- районными отделами, зав. крупнейших учреждений района, города, некоторых работников села;

в/ на выдачу пособий на лечение.

В смету воспрещается включать суммы на какое бы то ни было капитальное строительство.

Составленная таким образом смета пересылается Заведующему Свердловским Областным Финансовым Отделом тов. Яцино секретным пакетом серия "К".

К смете должны быть даны следующие приложения:

а/ номенклатура должностей и общий контингент столовой, ориентировочная стоимость питания, отпускаемая стоимость и размер дефицита;

б/ перечень должностей, включаемых на снабжение путевками и стоимость путевок;

в/ ориентировочный размер пособий на лечение и круг должнос-

тей, охватываемых этими пособиями.

К составлению сметы могут быть привлечены лишь члены президиума горсовета или райисполкома.

Общая итоговая сумма составленной сметы включается в представляемый Вами на утверждение Облисполкома бюджет по разделу на управление по параграфу разные расходы.

Предупреждаем, что требуемая нами от Вас смета будет служить в основном ориентировкой для установления общей потребной суммы на всю область. Также предупреждаем, что никакие расходы по этой смете не могут быть произведены пока Вы лично не получите специального распоряжения и утвержденной общей суммы на район.

Утвержденная для района или города сумма должна находиться на районном бюджете и расходуется исключительно под личную ответственность председателя райисполкома или горсовета.

Категорически запрещается расходование на эти цели суммы свыше установленных лимитов при утверждении Вашего бюджета и категорически запрещается производство расходов на эти же цели за счет каких бы то ни было других источников.

Предлагаю Вам ознакомить с этой директивой Секретаря Райкома /Горкома/ ВКП/б/.

Председатель Свердловского Областного Исполнительного Комитета

/В. Головин/

В е р н о: Пом. Председателя Облисполкома

/Д. Каюрин /.

Система тайных привилегий процветала все годы существования Советской власти. Приведенный выше документ не был, как видно из его содержания, изобретением местных руководителей. Заботу об улучшении быта "адмаппарата" проявлял центр, который в секретных постановлениях, порой передаваемых просто по телефону, распределял дополнительные блага тем или иным категориям совслужащих. При этом нормы благ различались весьма существенно, но учитывались весьма скрупулезно. В качестве примера документа /далеко не самого яркого из тех, которые хранятся в Н.Тагильском архиве/ приводим следующий:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
Москва, Кремль

№- 318

Не подлежит оглашению

22 февраля 1934 года

О специальных продуктовых магазинах НКСнаба СССР в Донбассе, на Урале, в Горьком, в Днепропетровске и Шахтах.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР - постановляет:

1.- Принять предложение Наркомснаба СССР о снижении розничных цен в специальных продуктовых магазинах Наркомснаба в Донбассе, Днепропетровске и Шахтах на ряд товаров /см. приложенный приказ Наркомснаба СССР/.

2.- Разрешить Наркомснабу СССР открыть в Донбассе четыре новых магазина: в Ровенках, Частикове, Славянске и Гришине.

3.- Разрешить Наркомснабу СССР открыть продуктовые /гастрономические/ магазины, по типу открытых в Донбассе, в гор. Горьком /2 магазина/ и в следующих городах Урала:

Свердловске	-	3	магазина
Магнитогорске	-	2	"
Челябинске	-	2	"
Перми	-	2	" /один из них в г.Молотове/
Н.Тагиле	-	1	"
Березниках	-	1	"

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР - В.Молотов /Скрябин/

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР -

В. Мирошников.

Приложение к пост. СНК СССР
№ 318 от 22.П.34 года.

О РОЗНИЧНЫХ ЦЕНАХ В СПЕЦИАЛЬНЫХ МАГАЗИНАХ НКСНАБА

ПРИКАЗ ПО НАРКОМСНАБУ СССР.

Установить пониженные розничные цены в специальных гастрономических магазинах на следующие товары:

1. Колбаса вареная высш. сорт и отдельная.....	16 р. вместо 18 р. за I клгр.
2. Колбаса полтавская.....	25 р. вместо 27 р. за I клгр.
3. Мозги	20 р. вместо 35 р. за I клгр.
4. Печенье в коробк. "Пети-бур" I/500	8 р. вместо 10 р.
5. " " "Алые цветочки" I/500	8 р. вместо 10 р.
6. " " "Экстра" I.000	16 р. вместо 20 р.
7. " весовое Сливочное, Лактон, Ленч, Пушкин, Монна- Ванна, Рекорд, Дека, Мария ..	15 р. вместо 20 р. за I клгр.
8. Карамель смесь № I4 - Мечта, Май, Тянушка, Кофе со сливкам- ми, Иза	21 р. вместо 23 р. за I клгр.

Народный Комиссар Снабжения Союза ССР - А.Микоян.

Материалы подготовил
И.Коверда

"ИЗМЕНЕНИЕ ВОЗДУХА ИЗ ОБЛАСТИ ВОЗДУХА"

В двадцатые годы произошло новое, особенное движение литературы. Литературная группировка объединилась между собой, и на первое место выдвинула "бульварную прозу" и "бесовскую" литературу. Стремление социалистической культуры.

В начале тридцатых годов в литературе утвердилось "социалистическое реализм", требующее преобразовать жизнь не такой, как она есть, а "в свете социалистических идеалов".

В 1931 году в городском саду в будущем парке имени Пушкина открылся клуб "Воздух в городе".

ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО НА ФОТОСНИМКАХ

Рубрику ведет
И.Т.Коверда

I

"ВЫЧЕРКНЕМ ВОДКУ ИЗ СВОЕГО БЮДЖЕТА!"

В двадцатых годах рождалась новая, советская литература. Рождалась в борьбе. Литературные группировки воевали между собой, а все вместе воевали с "буржуазной идеологией" русской классической литературы. Строилась социалистическая культура.

К началу тридцатых годов в литературе утверждается "социалистический реализм", требующий изображать жизнь не такой, как она есть, а "в свете социалистических идеалов".

В 1931 году в городском саду /будущем парке имени Бондина/ находился киоск "Книгу в массы"

Каких только книг там не было! В "Каталоге книжных складов" соседствуют чрезвычайно много издававшийся Демьян Бедный и забытый ныне Б.Баратов, автор также забытой песни "Счастье трудящихся - всеобуч", сочинения В.Шишкова и "Обвинительные речи" Н.Крыленко, "Положение женщины в эволюции хозяйства" знаменитой А.Каллонтай и сказки Р.Киплинга... Всего не перечислишь. А украшал киоск рифмованный лозунг: "Вычеркнем водку из своего бюджета, да здрав-

70
ствует книга, журнал и газета!"

Именно из-за этого лозунга мне так понравился снимок, сделанный кем-то 60 лет назад и копию которого я давно храню в своем архиве. А недавно, знакомясь с архивными документами тех лет, я узнал, что вычеркнуть водку призывалось только на плакате. А в тайных предписаниях было по-другому:

Секретно

Директору Спиртзавода и
Председателю ЦРК гор. Тагил.

Первая десятидневка января дала крайне неудовлетворительные результаты реализации хлебного вина. Вместо следуемых 35% реализовано только 26%, что грозит срывом выполнению кассового плана. Основной причиной слабого выполнения является недооценка на местах вопроса быстрой реализации вина. С получением настоящего обязываю вас принять решительные меры к реализации вина, обеспечивающей ежедневную потребность, не допуская какого-либо перебоя в сбыте вина. Особенно снабжение вином в сельских местностях не должно иметь перебоя. Причину слабого сбыта и принятых мерах к усилению сообщите к 22/1 - с.г. без опоздания.

Пред. Горсовета Н.Тагила /Долгоруков/
Зав. Секр. частью /Аксенов/

18 января 1931 г.

Отпечатано 3 экз.

Н.Тагил

В другом документе предписывается:

Всем торговым организациям г.Тагила
Церабкоп, Уралторг, Объединение ин-
валидов, ТПО.

Вам надлежит провести с 1/XI -29 г. наложение на пиво и остальные спиртные напитки /за исключением хлебного вина и русской горькой/ в размере 5% в пользу ликвидации неграмотности.

Предгорсовета /Истомин/

Прошло 60 лет. Киоска давно нет, а проблема, выраженная в лозунге, стала еще более острой. Тайное внедрение породило невиданный спрос, и стоящие на дорогах мужики показывают рогульку проезжающим автомобилистам, прося продать вовсе не "милорда глупого" и не Белинского и Гоголя...

ТАГИЛЬСКИЕ ПАМЯТНИКИ СТАЛИНУ

Прогуливающиеся по улицам нашего города могут насчитать не менее семи-восьми памятников Ленину, кроме тех бюстов и фигур, которые находятся внутри дворцов культуры, школ и т.п.

А сколько памятников Сталину насчитывалось у нас лет 30-35 назад, до XX съезда КПСС?

Сейчас они остались только на фотоснимках. Некоторые из таких снимков - в моей коллекции.

В парке имени Бондина главная аллея была украшена бюстами всех четырех основоположников. К сожалению, бюст Сталина плохо

Фото I

виден из-за листвы. Посетители парка прежде всего встречались с вождями пролетариата. Спокойно, но несколько хмуро вожди смотрели на гуляющую публику /фото I/.

И здесь же рядом в кустах стоял еще один Сталин, но уже во весь рост и в шинели /фото 2/.

Так же во весь рост стоял вождь рядом с управлением завода имени Куйбышева и у входа в здание пединститута на улице Мира, но теперь в пиджаке.

Встречал Сталин и студентов горно-металлургического технику-

ма /теперь на этом же постаменте студентов встречает горняк с отбойным молотком/.

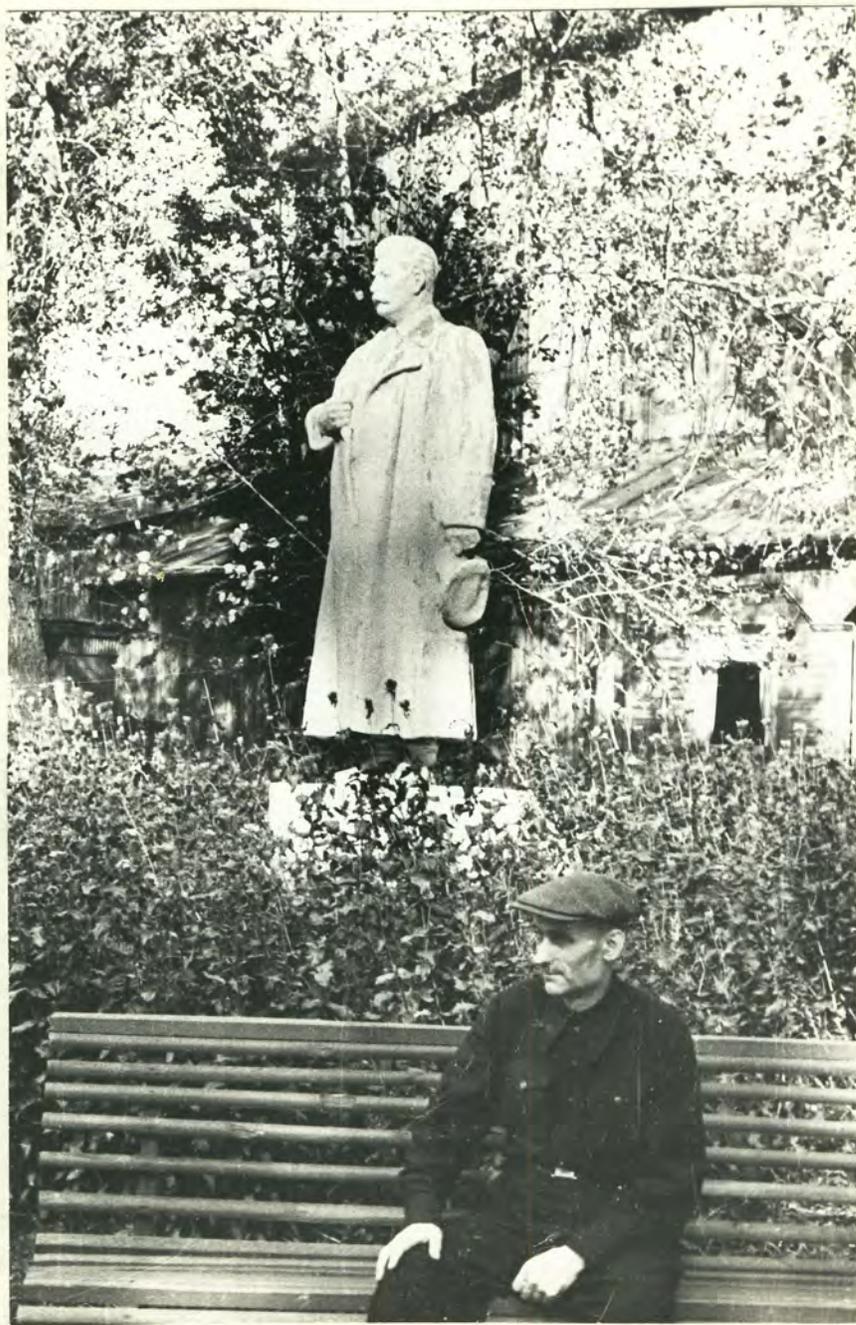

Фото 2

В Тагилстроевском районе один Сталин стоял в парке, второй в сотне-другой метров от первого охранял вход в райком КПСС.

Если еще добавить памятники Сталину в Дзержинском районе, то их общее число в городе было не менее десяти.

По статистическим данным, в 1913 году во всех городах и селах Пермской губернии /а она занимала территорию большую, чем нынешние Пермская и Свердловская области вместе взятые/, было памятников царям: Михаилу Федоровичу - I, Петру Первому - I, Екатерине Первой - I, Екатерине Второй - I, Александру Первому - I,

Александру Третьему - I, Николаю Второму - 3. Итого 9 памятников. Единственным царем, количество памятников которому в губернии было больше, чем Сталину в Тагиле, был чрезвычайно почитаемый за акт об освобождении крестьян от крепостного права Александр II. Один из таких памятников был, как известно, в Тагиле, рядом с гостиницей "Северный Урал" /о судьбе его см. "ТК" № 4/.

На площадке, освобожденной от Александра Второго, встал самый большой тагильский Сталин /фото 3/.

Фото 3

Если Ленин на памятниках иногда улыбается, призывает, страстно жестикулирует, то эмоционального, возбужденного Сталина на скульптурах видеть не приходилось. Спокойная суровость и величие,

предельно скупой жест.

Исчезли все эти памятники тихо и незаметно, за несколько ночей в конце 50-х годов.

И последний снимок. Но это снимок того, что не сделалось былью. Это фотокопия плана центральной площади Тагила. План разработан еще до войны, в 1939 году. Центральной место на площади, разумеется, отводилось скульптуре Сталина /фото 4/

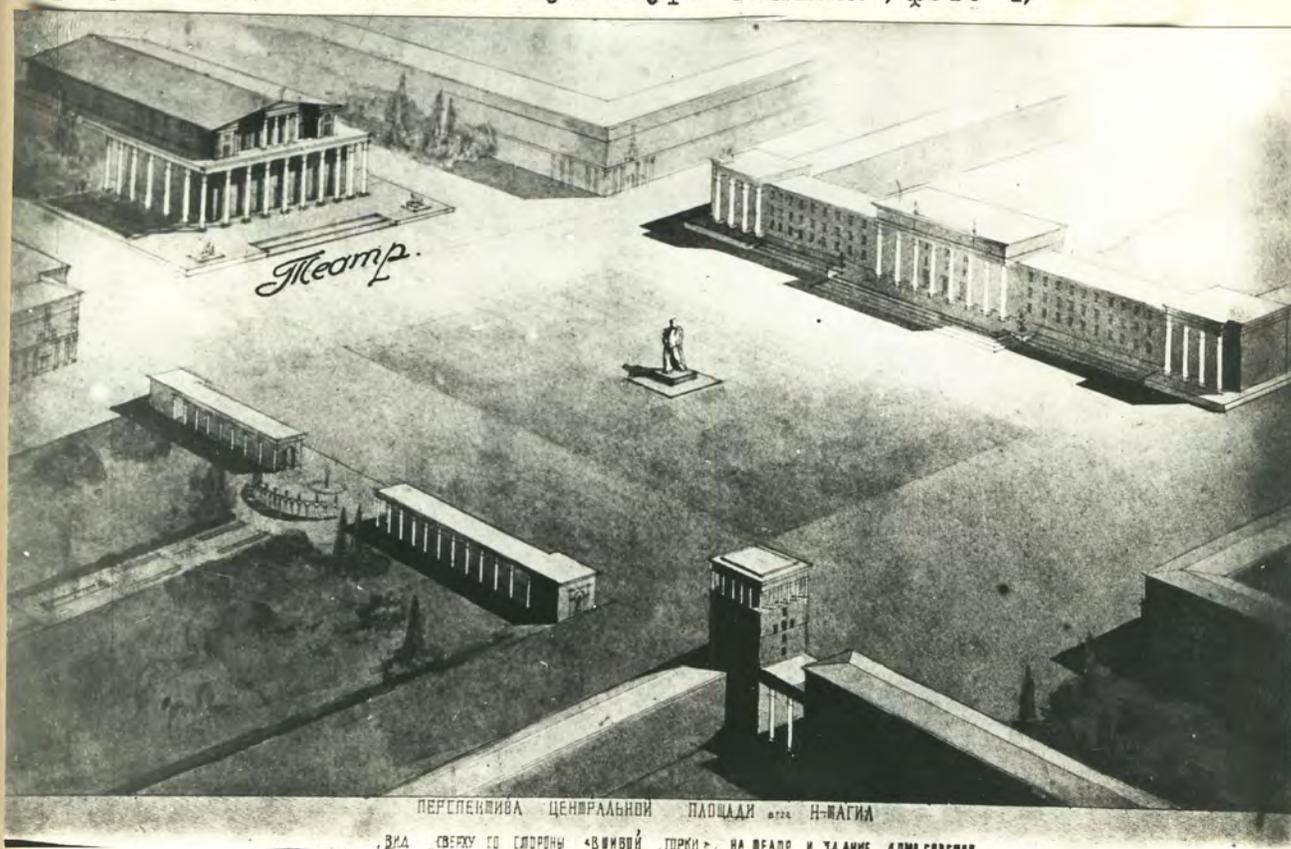

Фото 4.

Редколлегия "ТК" обращается с просьбой к читателям, имеющим фотоснимки других тагильских памятников Сталину и дополнительные материалы о них, предоставить их для опубликования в нашем журнале.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РУБРИКА

РУССКАЯ МАРИОНЕТКА

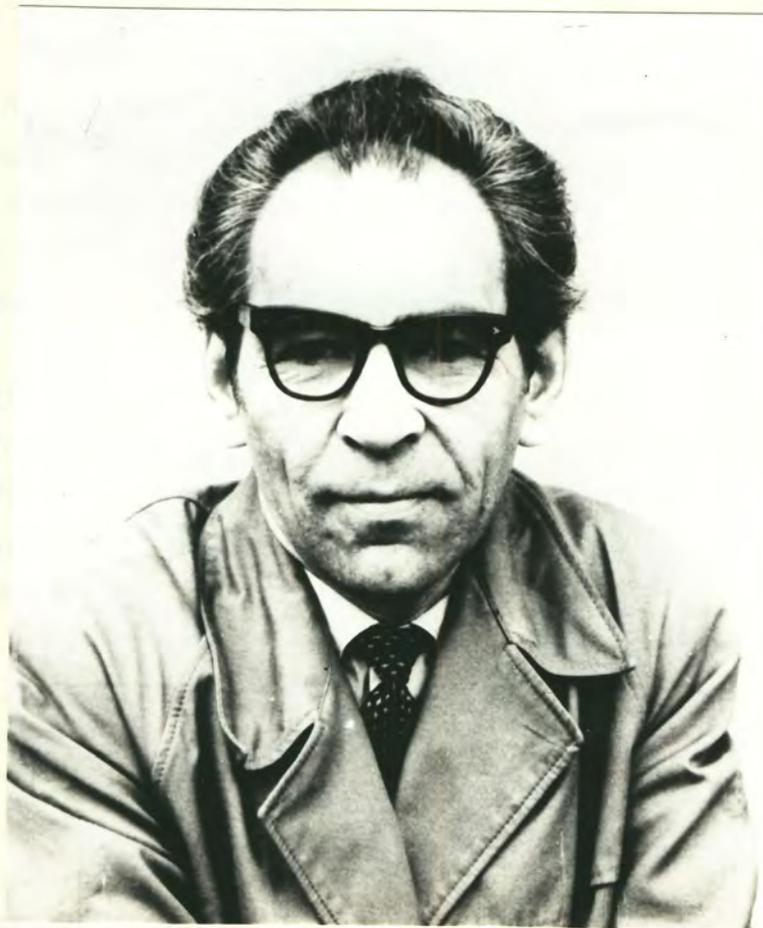
ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Рубрику ведет

В.А.Чугунов

ПОЭТИЧЕСКАЯ РУБРИКА

НИКОЛАЙ МАРКИН

Николай Матвеевич Маркин родился 17 декабря 1920 года на Урале в деревне Бабиново Алапаевского района, в крестьянской семье. Семья была большой – четыре брата и четыре сестры.

Закончив в Нижнем Тагиле, куда в 1931 году переехала семья, семилетку, поступил учиться в Свердловский архитектурный техникум. Но из-за крайне тяжелого материального положения в семье, после третьего курса перешел в 1939 году на заочное отделение Свердловского Педагогического института, избрав специальность русский язык и литература.

В этом же году начал работать в качестве учителя в Нижних Серьгах, откуда в январе 1940 года был призван на действительную военную службу, которую проходил вначале в Закавказском военном округе.

С июня 1942 года до конца войны - на фронте. Воевал в составе 4-й гвардейской дивизии артиллерийским разведчиком и помощником командира взвода противотанковых ружей. Участник Сталинградской битвы. Прошел от Калача-на-Дону до предгорий Альп. Принимал участие в освобождении Днепропетровска, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии. День Победы встретил под Веной.

Дважды был ранен. Второе ранение в Будапеште - в голову, тяжелое, сделавшее его инвалидом I группы.

Награжден орденом Отечественной войны I-й степени, восьмью медалями, в т.ч. двумя "За отвагу".

Демобилизовавшись в 1946 году, окончил учительский институт в Нижнем Тагиле и работал до ухода в 1983 году на пенсию учителем русского языка, литературы и черчения в школах Нижнего Тагила.

- "Первая моя публикация в "Тагильском рабочем" - вспоминал Николай Матвеевич, - относится к 1946 году. Это была заметка на темы дня. А спустя два года здесь же опубликовано мое первое стихотворение". Старейший член городского литературного объединения при газете "Тагильский рабочий". Печатался в журналах "Наш современник", "Урал", альманахе "Истоки" и других. Соавтор многих коллективных поэтических сборников, в т.ч. "Суровая память", "Гроздья рябины", "Пейзаж по памяти" и др. Автор книги стихов "Горная родина" (1960).

Умер 21 февраля 1990 г.

СОЛДАТСКИЙ КУРС

В Чебаркуле и Кунгуре,
 не кудлат и не кургуз,
 я по всей номенклатуре
 проходил солдатский курс.
 От подъема до отбоя -
 не просили: рад, не рад -
 не давали нам покоя
 старшина и сам комбат.
 Не дарованно, не просто
 доставались хлеб да соль,
 не одну содрал коросту,
 не одну набил мозоль.

Но зато вдали от дома,
 не забыв родной дымок
 да напутствий военкома,
 набирал силенок впрок.
 И терпенья, и уменья,
 чтобы с совестью в ладу
 на посту и на ученьях
 не последним быть в ряду.
 Знал от "А" до "Я" уставы,
 духом креп день ото дня...
 И могла уже держава
 положиться на меня.
 А земля вставала дыбом
 под горячим ливнем пуль...

О, спасибо вам, спасибо,
 и Кунгур, и Чебаркуль!

ИЮНЬ СОРОК ПЕРВОГО

В мягких травах в зыбком свете,
 где прошлись вчера дожди,
 медуницей дремлет лето
 у России на груди.

Небо синькой голубится,
 тает трепетно заря.
 Пролетела тихо птица
 и, наверное, не зря.
 Чутко дремлют кони стоя
 на росистом берегу.
 Фыркнул трактор за рекою:
 мол, держите - убегу!
 Месяц пряником медовым
 растворился в вышине...
 Бабы спят, еще не вдовы.
 Спят герани на окне.
 Темень прячется в канавы,
 мирный день встает окрест...
 Но уже - в огне заставы,
 и на подвиг поднят Брест...

ФРОНТОВАЯ БАЛЛАДА

А нас на фронт
 оркестр не провожал, -
 грузились спешно
 маршевые роты.
 Холодный
 переполненный вокзал
 недобрых сводок
 слушал артолеты.

 И в звездные немые небеса
 врывались
 с напряженных перегонов
 горячих паровозов голоса,
 набатный гром
 тяжелых эшелонов.

Потом уже мы стыли на снегу,
 одолевали реки и болота,

чтобы жилось невесело врагу
на всех фронтах,
на всеяго высотах.

На равных утоляли месть и боль,
фронты катили
грозным гулким валом.
И осыпалась с гимнастеров соль.
И с ног валила
смертная усталость.

Но верили в затишье и в бою,
что мы дойдем
до мутной речки Шпрее,
в последнем самом
отгорев бою,
и бросим их штандарты
к Мавзолею.

НА ПОСТУ

Ни собачьего лая,
ни огня на версту.
Тишина фронтовая.
Я стою на посту.

Ночь, как чуткий сохатый,
ловит шорох и хруст.
Под окошком у хаты -
сиреневый куст.

Будто шепчет мне в уши,
молодой да густой:
- Выйди, Ваня-Ванюша,
да хоть рядом постой.

И к двери - полосую
холст луны на полу...

Но в чехле за спиной
знамя в красном углу.

Я в почетном наряде -
и спокойна рука
на холодном прикладе
возле стяга полка.

А как ночи безгласной
отступиться от хат, -
дальнобойный, фугасный
ахнул рядом снаряд.

...И затихло. Ни боя,
ни бомбежки в тот день.
Но погибла, как воин,
под окошком сирень.

СТАРОЕ ФОТО

Приходит однажды такая охота,
когда вечерком пребываешь один,
взглянуть на себя с моментального фото,
взглянуть на товарищей ратных годин.
С полгода еще нам идти оставалось -
при той закавке, что будешь живой -
тебе, барнаульский чалдон Расковалов,
тебе, добрый хлопец Петро Садовой.
Сидим на скамейке без всякого форсу,
не зная на грош, что нас ждет впереди.
Открытые лица. Короткие волосы.
И знаки гвардейские на груди...
Потом мы не раз попадем в переплеты
и голос сорвем в перепадах атак.
И мало останется как-то от роты,
и с юностью, кажется, дело табак.

Вскипим всей наличной
 славянской кровью
 и вырвем победу в жестоком броске.
 И сдвинет комбат наш белесые брови
 и что-то запишет на мятом листке...
 А где-то за Веной, итожа потери,
 последнему пленному рявкнем "Капут!",
 в упор посмотрев как на лютого зверя...
 И вдруг улыбнемся: - Закончен маршрут!
 Бывает однажды такая охота -
 взглянуть на солдатское старое фото.

В ПОЕЗДЕ

Я подъезжал к Великим Лукам...
 И сразу в памяти воскрес
 метелью взрытый, будто плугом,
 глухой проселок через лес.

А мы идем походным строем,
 ступая слепо, наугад,
 еще не видевшие боя
 и не познавшие утрат.

Как привидения, как черти,
 бредем на всполохи ракет,
 навстречу смерти, иль бессмертья,
 или - чего и в думах нет.

А бой начался с артонала
 чужой, противной стороны.
 И поредели сразу роты
 в тот первый час моей войны.

В тот первый день, что в поле маков,
 алело крови на снегу.
 Когда отбили три атаки,
 не дав продвинуться врагу...

Стучал вагон, в белесой рани
 теплел в окне зари накал.
 Шлагбаум знаком восклицанья
 за нашим поездом вставал.

Водила память, как по кругу,
 на взлет тяжелая уже...
 Я подъезжал к Великим Лукам
 с великой болью на душе.

Ж Ж Ж

Так у нас повелось в артразведке -
 дружба воинская крепка -
 по обычаю добрых предков
 есть из общего котелка.
 В пять охочих солдатских ложек
 под приглушенный говорок,
 соблюдая черед положенный,
 опоражничали котелок.
 Курский парень, из самых ловких,
 заскребал, что ни есть, со дна:
 - Хороша, ребята, перловка!
 Да не худо б еще пшена!..
 А потом сухари жевали -
 ныне дедушки и отцы.
 И позвякивали медали,
 что далекие бубенцы...
 Подрубив лиходеев в комле,
 мы помира спасли от зол.
 Потому-то поныне помню
 тот обычай, садясь за стол.
 Потому-то поныне верю:
 наша сила и тем крепка -
 коль беда постучится в двери,-
 пьем из общего котелка.

Делим поровну злую долю
и не ищем судьбы другой,-
на своем куликовом поле,
под своею курской дугой.

Ж Ж Ж

Брату Александру

Седеет земля, будто в старость, зимой,
метелит простуженным голосом...

А мы не дошли тогда по прямой
всего на бросок до Полоцка.

И снег неглубок, и морозец втерпеж,
и ветер подбадривал с фланга.

Но разве знаешь, где упадешь
и сердце забьется подранком?..

Когда же отмаялись в госпиталях -
нет доли солдатской горше!-
ушли наши роты в другие края,
и нас развело под Оршей.

Седеем вовсю на глазах у родни.
Но так ли дела наши плохи?
И внуков, и внучек в хорошие дни
рожают хорошие снохи.

Не жарко им летом, не студно зимой,
а лица светлы и справны.
По выправке бабьей, по сути самой -
российской земли Ярославны.

А все же бывает, как ни держись,-
собьешься с дороги ли, с голоса...
Такая она, не парадная жизнь.
А надо дойти бы до Полоцка.

В МАЕ 45-ГО

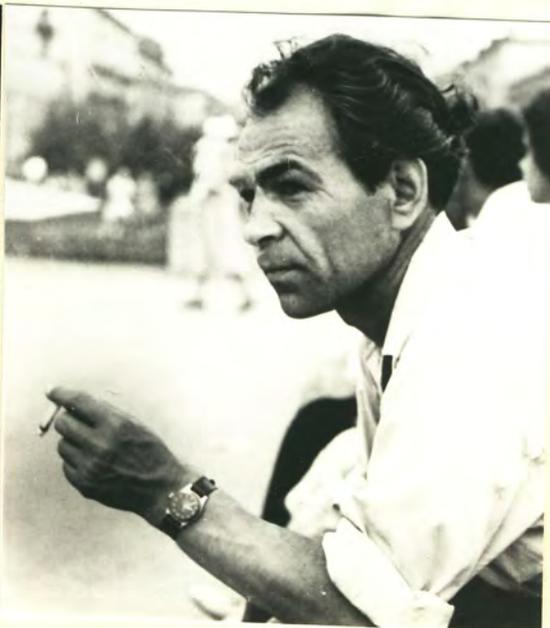
С души, что камень, горе-лихо
 вдруг как бы в пропасть сорвалось...
 И где-то сеяли гречиху,
 и где-то сеяли овес.

А здесь металась по задворкам
 войны коричневая тень.
 Но пахло русской махоркой
 у кирх альпийских деревень.

Валялись вражеские каски -
 разбитых армий атрибут.
 А их хозяева с опаской
 свое талдычили "капут".

Но сердце колоколом било,
 еще не слышное вчера.
 И парни Орска и Тагила
 глаз не смыкали до утра.

Блестели в сумраке медали,
 дымились дали, что корье...
 А мы и жизни не видали,
 мы только бились за нее.

И.Т.Коверда

ИСПЫТАНИЕ ПРАВДОЙ

Странное наше время. "Гласность" сочетается с таким безбрежным "плюрализмом", что узнать правду о каком-либо событии ничуть не легче, чем в период "догласности". Чтобы вычленивать правду, требуется и знание архивных документов, и интуиция, и способность понять дух того времени, когда происходило событие.

Тридцатые годы. Прошло более полувека — два поколения. А по страстности, которая звучит в публикациях о тех временах, словно вчера это было. И по пристрастию.

Сколько споров вызывает судьба Павлика Морозова! Сколько противоречивых мнений, и не просто противоречивых, а kloкочущих взаимной ненавистью. Словно мощные заряды с противоположными знаками. При их сближении сверкает молния, гремит гром, и ... в блеске и грохоте пропадает, аннигилирует правда о несчастном мальчике, чья жизнь стала игрушкой в руках политических негодяев. Вот и "Тагильский рабочий" внес свою лепту в недавней публикации /18 мая 1991 г./. Т.В.Борисюк, "много лет работающая с детворой", до сих пор не может решить: герой или предатель Павлик? А если кто думает иначе? "Маразм, другого слова подобрать не могу", — говорит знаток детей. О том, что Павлик — жертва, и мысли не допускается.

Каждый год в начале мая объявляет "Тагильский рабочий" имена новых лауреатов премии имени Григория Быкова, пламенного рабкора. А несколько месяцев назад газета опубликовала материал сотрудника редакции под сенсационно-пolemическим заголовком: "Так кем же был Григорий Быков?" Но никакой сенсации и никакой полемики в публикации не было. Стойкий и честный рабкор, достойнейший пример для ныне живущих коллег. А как быть с его собственным гордым признанием о том, что он писал "секретные корреспонденции для органов ОГПУ", или о том, как он добывал необходимую ему информацию, предварительно напоив допьяна женщину, а затем, не дожидаясь отрезвления, торопился "доложить, куда следует"? /См. "Были горы Высокой", изд. 1935, 1961 г.г./ И это — образец для наших лауреатов-рабкоров?

9 октября 1990 года опубликовал в "Тагильском рабочем" воспоминания о своем отце, бывшем начальнике Уралвагонстроя, Илья Лазаревич Марьясин /как сообщает газета, Илья Лазаревич прожи-

вает за рубежом/.

Естественно, что в этих сыновних воспоминаниях отец предстает прекрасным человеком, опытным инженером, талантливым организатором. В 1937 году Лазарь Миронович Марьясин был арестован и расстрелян.

Разумеется, Илья Лазаревич мог и не знать тогда, что работа на стройке была организована отвратительно. План хронически не выполнялся, жилищные условия и питание рабочих были крайне неудовлетворительны. Текучесть рабочей силы была невероятной — в некоторые месяцы она превышала 90% ! И как результат подобной организации труда — из 15 тыс. штук колес, отлитых за 8 месяцев 1934 года годных было только 80, т.е. 0,5%.

Илья Лазаревич помнит, как отец разрешил ему разжечь зажигалкой первую коксовую батарею Магнитки, как ездил с ним в цирк на санях, если машина не могла пройти из-за бурана, как присутствовал на семейных шашлыках с Окуджавами, где и увидел "красивого мальчика в черкеске" — Булата, будущего поэта.

Мир Илюши Марьясина не вмещал тогда голодных и оборванных рабочих, детей, стариков, ковырявшихся в помойках в поисках чего-либо съестного, а дома, вероятно, не принято было говорить о сотнях бегущих со стройки с наступлением тепла, — убегавший надеялся выжить, а на стройке даже не велся учет смертности.

Проживающий за рубежом Илья Лазаревич так и остался в том же мире непонимания чужой боли /судить могу, естественно, только по этой публикации/.

Но ведь материал для газеты готовили сотрудники музея истории УВЗ! И никаких комментариев у них не нашлось...

Комментарии нужны были бы, конечно, не для оправдания того произвола, который творился в тридцатых годах. В провале "великих планов" виновны были не Марьясин и Окуджава, а прежде всего те высокие "специалисты", которые эти планы намечали. Марьясин и Окуджава были ревностными исполнителями их воли. Но исполнителями не рядовыми. Свободы выбора действий у них было куда больше, чем у вчерашнего крестьянина, пригнанного за тридевять земель для осуществления бездумно-волюнтаристских жестоких планов. И когда я читаю архивные отчеты о строительстве, рассматриваю фотографии /не забудем, что фотографировать разрешалось только тем, кому доверяли органы НКВД, и фотографы чаще обращали взор объектива в сторону "успеха"/, я думаю — не был Л.М.Марьясин ни хорошим организатором, ни талантливым инженером. А главное — не было

На стройке Уралвагонзавода.
 Человек, по подсчетам ученых, обладает мощностью,
 равной 0,05-0,1 лошадиной силы.
 "Свободный труд свободно собравшихся людей"
 /В.Маяковский/

На стройке Уралвагонзавода.
Общежитие. В таких условиях годами жили и взрослые и дети.

у него сочувствия к рядовому труженику.

Сожалеея об участи Марьясина, можно ли забывать об участи многих тысяч тех, кого называли "трудовыми массами"? А ведь до сих пор даже не подсчитано, сколько единиц содержала эта "масса". И бодро встают жилые дома на местах, где лежат кости безвестных строителей "вагоногиганта".

Особое впечатление производит та часть воспоминаний, где говорится о друге отца, первом секретаре горкома Ш.С.Окуджава. 1937 год. Л.М.Марьясин арестован.

"Как поворачивается жизнь! На собраниях или митингах, где клеймили его "преступления", выступал Ш.С.Окуджава. А затем такая же судьба постигла и его. Воистину: "Не судите, не судимы будете..."

Читателю внушается мысль, что Ш.С.Окуджава предал Л.М. Марьясина.

Недавно в "Огоньке" было опубликовано интервью с Булатом Окуджавой.

" - Каким был Ваш отец?

— Очень сердечный, честный, благородный человек. Он был фанатиком и аскетом. Отец и мать были моими кумирами. Я любил их. Я сейчас отрицательно отношусь к дея-

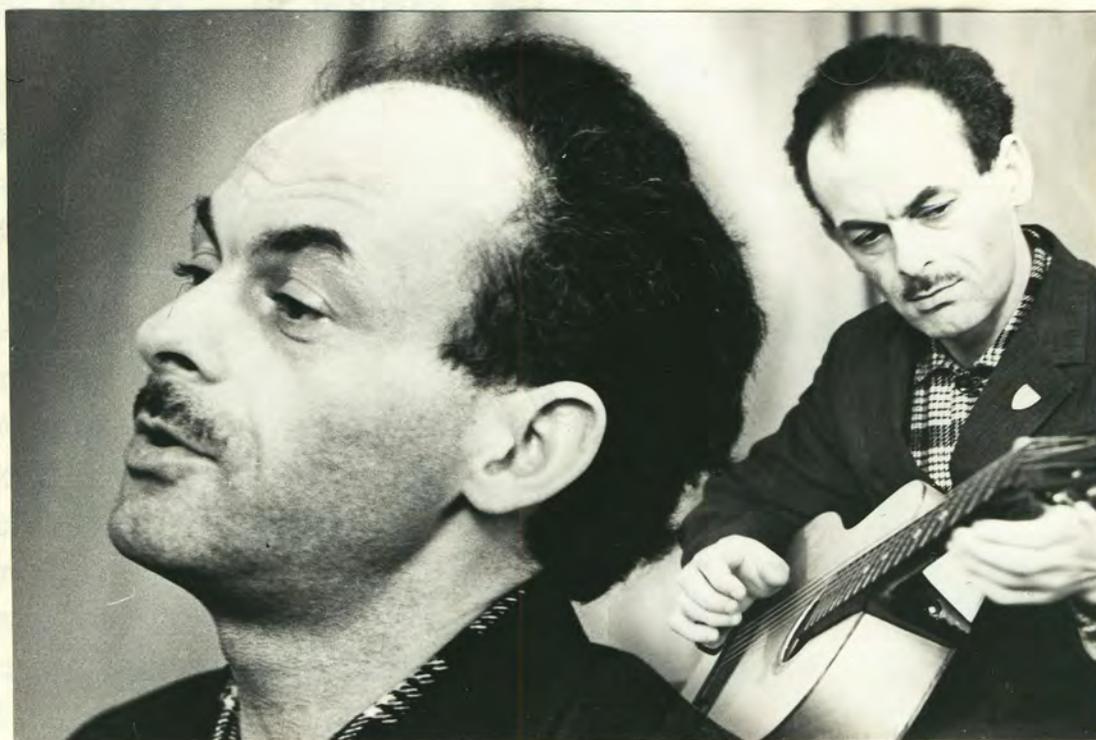
Секретарь горкома ВКП/б/ Ш.С.Окуджава /третий слева в верхнем ряду/ с женой /вторая слева в нижнем ряду/ и с друзьями на отдыхе. Первый слева в верхнем ряду — поэт Леонид Вилкомир.

Фото 1936 года.

тельности моих родителей... Вся наша жизнь — расплата за ошибки и подлости. Мне больно, что родители заплатили за свои заблуждения такую страшную цену... Они были активными строителями социализма, соучастниками этого зла. Но не палачами. Так что не нужно так уж злорадствовать по поводу их участи. Я скорблю об их слепоте..."

Такой искренности веришь.

Мне посчастливилось увидеть, услышать и сфотографировать Булата Окуджаву лет 27 назад, когда он впервые после 30-х годов приехал в Тагил и выступил с полулегальным концертом в красном

Булат Окуджава на концерте в Н.Тагиле

Фотомонтаж И.Коверды.

уголке типографии "Тагильский рабочий". Как сейчас помню его голос, не способный к фальши, и негромкие песни, наполняющие душу.

Затянувшееся вступление. Надеюсь, что оно не покажется лишним читателю газетных статей 37 года. Внимательный читатель даже в этих жестоко-пристрастных строках увидит вынужденное признание силы личности Ш.С.Окуджавы, которому в этом году исполнилось бы 90 лет. А уж каким он был и каким было время - ...

СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ГОРКОМА ВКП/б/

Вчера /16 февраля 1937 года/ состоялся пленум Тагильского горкома ВКП/б/. Пленум постановил:

Одобрить решение Свердловского обкома ВКП/б/ об освобождении т. Окуджава от обязанностей первого секретаря Тагильского горкома ВКП/б/.

Вывести т. Окуджава из членов бюро и пленума горкома ВКП/б/.

Избрать первым секретарем горкома ВКП/б/ - Д.Н.Пальцева, освободив его от обязанностей второго секретаря горкома и заведующего отделом парткадров.

"Тагильский рабочий", 17 февраля 1937 года:

РАЗВЕРНУТЬ САМОКРИТИКУ В ТАГИЛЬСКОЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ

Процесс над антисоветским троцкистским центром и извлечение уроков из этого процесса показали, что партийные организации Свердловской области, в том числе и прежде всего тагильская, были заражены троцкистской гнилью.

"Там, где орудовали подлейшие троцкистские агенты, - пишет 13 февраля "Правда", - там, как правило, была запущена партийная работа, отсутствовала внутрипартийная демократия, была заглушена самокритика. Только в обстановке, где партийное руководство отгораживается от масс, обволакивается тиной обывательщины, там безнаказанно орудуют враги народа. Они подвизаются и там, где нет освежающего ветра большевистской самокритики".

Эти слова суровой большевистской правды полностью относятся и к тагильской партийной организации.

Тагильский городской комитет не обеспечил высокой большевистской бдительности в организации. Поэтому враги несколько лет творили гнусные преступления. Поэтому врагам удалось завладеть, в период обмена, новыми партийными билетами.

Распространению троцкистской заразы в организации способствовали гнилые методы, гнилой стиль руководства в практике работы первого секретаря горкома Окуджава. Даже после разоблачения заклятых врагов - троцкистов Марьясина, Бурова, Тамаркина и других, парткомы, горком не поняли, не усвоили того, что запоздалое разоблачение контрреволюционных троцкистов - к тому же без активного участия коммунистов Тагила - были результатом политической слепоты, ротозейства, благодушия, отсутствия бдительности и самокритики в тагильской организации. И в этом нужно видеть то, что эти гнилые методы руководства Окуджава оставались вне критики, оставались неразоблаченными...

Гнилой стиль руководства в горкоме, отсутствие бдительности и самокритики были той почвой, на которой развевали свою подлую деятельность презренные враги народа. В Тагиле коммунисты не воспитывались в духе неприменной проверки каждого большевика по его делам, независимо от занимаемой должности, независимо от поста.

Достаточно вспомнить, как проходила 5 - 7 января с.г. последняя городская партийная конференция. Ни одного слова не было про-

изнесено о крупнейших недостатках работы горкома и его первого секретаря Окуджава. На конференции не было острой критики доклада Окуджава, который скрывал неудовлетворительное состояние партийной работы...

Последнее собрание партактива неудовлетворительно еще и потому, что на нем никто не выступил, не подверг критике меньшевистское отношение секретаря горкома Окуджава к своим серьезнейшим политическим преступлениям перед партией. В 1923 году Окуджава колебался, сомневался в правильности генеральной линии партии, боролся против нее, примыкая к троцкистам. Тем более необходимо отметить, что в материалах процесса над антисоветским троцкистским центром фигурировал в числе активных организаторов контрреволюционного троцкистского подполья М. Окуджава - брат секретаря Тагильского горкома ВКП/б/ Окуджава Ш.

Это нужно было сделать также и потому, что Окуджава два года работал на Уралвагонстрое рядом с врагом народа Марьясиным, знал о его враждебной сущности, о его враждебном нутре. Но Окуджава не разоблачил врага и его ставленников, захвативших в свои руки ряд руководящих постов на стройке. Таким же было поведение Окуджава в отношении врага Марьясина, когда Окуджава являлся секретарем горкома...

Собрание партийного актива, призванное развязать самокритику в организации, сделать ее неиссякаемым источником решительного исправления ошибок и воспитания всех коммунистов в духе воинственной непримиримости к врагам народа - было скомкано.

И это свершилось после того, как Центральный Комитет, газета "Правда", пленум Обкома ВКП/б/ не раз предупреждали, что нет ничего опаснее и пошлее самодовольного оптимизма и утраты элементарного понятия о большевистском чутье...

Известно, что бюро горкома, имевшее в своем распоряжении - особенно после августа 1936 года - неопровержимые улики преступной деятельности врага народа - троцкиста Марьясина - даже не пыталось разоблачить этого фашистского лазутчика-диверсанта...

Эти и другие провалы в практике работы городского комитета, а затем на городской партийной конференции и собрании партийного актива не нашли правильной политической квалификации, не нашли большевистской оценки...

Развертывание большевистской самокритики в тагильской партий-

ной организации – самая важная, самая насущная задача. Без этого о прямом, честном исправлении грубейших политических ошибок, без этого о подъеме партийной работы, о повышении революционной бдительности – нечего и говорить. Большевистской самокритике должен быть дан большевистский простор.

"Тагильский рабочий" 22 февраля 1937 года:

С ПЛЕНУМА СТАЛИНСКОГО РАЙКОМА ВКП/б/

Позавчера состоялся пленум Сталинского райкома ВКП/б/. Пленум заслушал и приступил к обсуждению доклада тов. Романова о передовых статьях газеты "Правда" за 8, 9 и 13-ое февраля, о решениях бюро Обкома, пленума Горкома партии.

Тов. Романов вскрыл в своем докладе и подверг суровой критике грубейшие политические ошибки, допущенные бюро Горкома партии, Сталинского райкома и им, как секретарем райкома.

– В практике работы членов бюро, – говорит тов. Романов, – не было проявлено подлинной большевистской бдительности, заботы о развертывании самокритики не взирая на лица. Это привело к длительному периоду неразоблачения двурушников – троцкистов, бывшего первого секретаря Горкома Окуджава, Марьясина, Тамаркина, Булова. Ответственность за эти грубейшие ошибки лежит в первую очередь на членах бюро и лично на мне...

Тов. Романов подверг резкой критике грубейшие политические ошибки, гнилую практику работы бюро Сталинского райкома и его секретаря. Подхалимство, угодничество, отсутствие самокритики, чиновничество привели к тому, что зам. секретаря райкома подвизалась Налбандян, жена троцкиста Окуджава, и не была нами разоблачена.

Тов. Романов призвал пленум и всю парторганизацию на развертывание большевистской критики, подъем большевистской бдительности и улучшение всей партийно-массовой работы.

Выступивший в прениях тов. Болотников подверг резкой критике политические ошибки бюро Сталинского райкома и его секретаря. Он говорил, что угодничество, чиновничество, семейственность привели

к тому, что зам. секретаря работала Налбандян, бюро слепо доверяло ей...

Тов. Романов к нам, партработникам, - говорил тов. Непомнящий - требователен. Это хорошо, но за недисциплинированность, грубые политические ошибки, которые допускала бывшая зам. секретаря, Налбандян, она не подвергалась критике - чувствовалась семейственность.

Кроме этих товарищей в прениях выступили т.т. Пестов, Шкабара, Карлинский, Панухин, Тотменина, Скоков и Варов.

Сегодня пленум продолжает свою работу.

"Тагильский рабочий" 22 февраля 1937 года:

Мих. Михайлов

НЕНАВИСТЬ

Недавно перед судом советского народа предстала во всем своем грязном облике история троцкизма, неизменно завершающего путь предательств и измен на скамье подсудимых Военной Коллегии, на подножном корму фашистских контрразведок.

Лютые враги народа, универсальные преступники, вползавшие на брюхе в советскую действительность, лизавшие сапоги Гитлеру и господам троцким - они разделили участь изменников Родины. Смердом, отравляющим благодатный воздух нашей земли, запахом заживо сгнивших сердец несло от этих мерзавцев, симулирующих раскаяние.

Запродавшись со всеми потрохами капитализму, они хотели в СССР восстановить господство буржуазии. Не вышло и не выйдет!

Пламенным чувством глубокой и органической ненависти к презренным реставраторам капитализма, к их волчьим законам, их чудовищным мерзостям, их маразму и тлению наполнен советский народ. Это - не зоологическая ненависть. Нет, это ненависть выстраданная, выношенная, святая: ненависть партийных и непартийных большевиков, новаторов жизни, по-революционному создающих титаническим трудом новое коммунистическое общество. "Подлинный, искренний революционер Советских Социалистических Республик не может не носить в себе

Теперь выявлен как двурушник — троцкист Окуджава, работавший первым секретарем горкома партии. Он играл не последнюю роль в троцкистском подполье. Злоба всех этих врагов росла из их душевной пустоты и моральной обреченности, из их предательств и измен, которые нанизывались годами.

Проклятие этим врагам! За отсутствие бдительности и большевистской самокритики тагильские коммунисты и трудящиеся расплатились недешево. Большегрузные вагоны нашего завода социалистический транспорт стал получать с опозданием на два года. Развитие медного рудника тормозилось...

Именно отсутствие бдительности удобряло почву для враждебной деятельности Окуджава. Чего скрывать: многим казалось, что принадлежность Окуджава в 1923 году к троцкистам была случайным колебанием. И этот взгляд был непростительной ошибкой. Между 1923 годом, когда Окуджава голосовал за троцкистский "Новый курс" и активно боролся против Ленина и Сталина, и его преступлениями в наши дни была логическая связь. Окуджава был многие годы хитрым, умно приспособливающимся двурушником. Он жил двойной жизнью, рядясь во всевозможные личины. Заботясь о судьбе одного цеха, он в то же время играл не последнюю роль в стремлениях разрушить весь вагоностроительный завод. Заботясь о судьбе одного человека, он в то же время торговал кровью, трудом и потом всего советского народа. Двурушничество у него было возведено в искусство. Профессиональная выручка троцкистского подпольщика и провокатора, школа, которую он прошел у своих братьев троцкистов-террористов, наконец, внешняя скромность — до последних дней затрудняли его разоблачение. И вот теперь, когда враг пойман с поличным, стало ясно, что такое Окуджава. Стало ясно, что его "борьба" с Марьясиным была необходимым средством маскировки — средством, нужным для отвода глаз, для отвода каких бы то ни было подозрений. Стало ясно, что создание славы "инженера трех эпох" активному члену контрреволюционной троцкистской группы Тамаркину нужно было для того, чтобы отвести глаза от матерого врага. Стало ясно, почему партком Уралвагонстроя, возглавляемый Окуджава, уклонился от обсуждения вопроса о неудачном покушении на товарища Серго Орджоникидзе, организованного на площадке в августе 1934 года. Стало ясно, почему

Окуджава выдал новые партийные билеты в 1936 году троцкистам Марьясину, Бурову, Тамаркину и другим...

Негатив проявлен. Гнусный двурушник Окуджава, с хладнокровием профессионального бандита творивший преступления, схвачен за руку. Кстати о хладнокровии. У него нельзя отнять этой черты. Если в Марьясине часто прорывалось наружу вражеское лицо, если прилизанность Тамаркина выдавалась за интеллигентчину и простодушие, то Окуджава несколько лет искусно исполнял свою роль. Он превзошел своих соратников по подлым делам: троцкиста Чернецова, проникшего в партийный аппарат в Первоуральске и троцкиста Дьячкова, подосланного в Пермский горком. Окуджава был ставленником заядлых врагов народа. Взращенный в троцкистском подполье Грузии, презренный перебежчик, оставался глубоко законспирированным врагом. Перекрасившись на время, он как собака, вернулся к своей блевотине.

И его имя, как и имена всех троцкистов, будет олицетворением человеческой подлости и попрания всяких принципов морали. Его имя произносится с той же гадливостью, с тем же отвращением, как имя Хама — ставшего синонимом низости и цинизма. Его имя будет подобно Иуде, продавшему Христа за 30 сребренников, выражавшему предел всех измен. От Борджиа, от Лойолы, от Маккиавелли до Малиновского, Азефа, Догаева — в истории всех времен и всех народов нет более пакостного имени, чем Троцкий, чем троцкисты. Троцкисты — концентрированное обобщение лжи, предательства, двурушничества, обмана, измен, невиданного кровавого злодейства.

Партийная организация Тагила переживает один урок за другим. Это — расплата за потерю бдительности. Совсем недавно, в начале января, на городской партийной конференции в словах Окуджавы нельзя было видеть даже и деланной искренности. Таким же он был и на последнем собрании партийного актива 9 — 10 февраля.

Но политическая слепота, угодничество, замена большевистского лозунга развития самокритики не взирая на лица — непартийным, чужим лозунгом "самокритики взирая на лица", ротозейство подготавливали в Тагильской партийной организации крупнейшие политические провалы. Враг Окуджава делал все для насаждения такой обстановки, которая бы способствовала распространению бацилл троцкистской заразы и затрудняла бы их обезвреживание. Враг Окуджава удобрял почву, на которой мог бы разрастаться ядовитый букет вредительства.

Наша священная обязанность — выловить до конца всю контрреволюционную троцкистскую мразь, полностью освободиться от фашистско-

го нагноения на теле советской земли. Испепеляющий гнев и неугасимая ненависть — вот что ожидает всякого изменника Родины, вот единственный удел каждого предателя и ренегата. Таков подлинный гуманизм советского народа, созидającego под сенью Сталинской Конституции новое коммунистическое общество. И с каиновым клеймом сойдет в могилу жалкая группка врагов народа, взявшая на себя миссию играть роль штурмового отряда фашизма, обреченного историей на гибель.

В.И.Лебедев-Кумач, / 1937 год /

Как колокол набатный, прогудела
Страна, от возмущения дрожа.
Спасибо вам, бойцы Наркомвнудела,
Республики великой сторожа!

Предателей трусливая порода
Грозить не будет жизни и труду.
От всей души советского народа
Спасибо пролетарскому суду!

Булат Окуджава, /1987 год /

Не слишком-то изыскан вид за окнами,
Пропитан гарью и гнилой водой.
Вот город, где отца моего кокнули.
Стрелок тогда был слишком молодой.

Он был обучен и собой доволен.
Над жертвою в сомненьях не кружил.
И если не убит был алкоголем,
то, стало быть, до старости дожил.

И вот теперь на отдыхе почетном
внучат лелеет и с женой в ладу.
Прогулки совершает шагом четким
и вывески читает на ходу.

То в парке, то на рынке, то в трамвае
как равноправный дышит за спиной.

И зла ему никто не поминает
и даже не обходят стороной.

Иные времена, иные лица.

И он со всеми как на веки слит.

И у него в бумажнике убийца
пригрелся и усами шевелит.

И, на тесемках пестрых повисая,
гитары чьи-то в полночи бренчат,
а он все смотрит, смотрит, не мигая,
на круглые затылочки внучат.

"Тагильский краевед" открывает новую рубрику - "Снимки из семейного альбома". Это будут и старинные, дореволюционные фотокарточки, и снимки, сделанные в сравнительно недавние времена.

В семейных альбомах обычно хранятся снимки не только родственников, но и знакомых. Не всегда известны фамилии запечатленных людей, иногда не удается определить время съемки /особенно в старинных альбомах/. Однако их лица странным, таинственным образом сочетаются с обликом владельцев альбома. Кажется, Юрий Рост - фотограф и писатель - сказал: "Время уходит и предъявляет нам свое изображение".

До революции снимки для сохранности наклеивались на картонные бланки, а иногда защищались от повреждения еще и листом папиросной бумаги. Картон брали наилучшей выделки - чтобы не коробился, был плотным и не имел химического воздействия на изображение. Обрез бланка иногда украшался золотом /настоящим!/. Сотня бланков, изготовленных из бристольского картона, стоила от 50 копеек до 3-5 рублей, в зависимости от размера /средняя дневная заработная плата плотника составляла тогда от 1 до 2 рублей/.

Часто бланки украшались тонко гравированными рисунками - гербами, аллегорическими фигурами. Но главное - фамилия мастера или владельца фотоателье, изображение медалей, полученных им на выставках. Это - своеобразная реклама мастера.

Портрет Оленьки Богатыревой. Фото 1903 г.

Оборотная сторона бланка использовалась для дарственной или памятной надписи. Эти надписи - интереснейшие свидетели истории,

дополняющие сведения о фотографируемом /где был, с кем встречался/. Иногда это сентиментальные "самодельные" стихотворные строки типа:

Пусть милый взор твоих очей
коснется карточки моей.
И, может быть, в твоём уме
Воскреснет память обо мне.

Или даже:

Если любишь меня, то люби горячо,
Чтобы в сердце вся кровь бушевала.
А не любишь меня, то порви поскорей,
Чтобы личность моя не сияла.

Лицевая и оборотная сторона снимка.

Надпись /с сохранением орфографии/: "На добрую Память
Дорогой Жене снимался в чуждые дни в 1918 году 27 сен-
тября при службе в Н.Тагильской в Ч.Ка при отступлении
от Колчака. К.Космин /?/ 26 лет и сын Николай 9 мес."

Портреты тагильчан. Фото 1895-1905 г.г.

Пелагея Георгиевна
Панова, артистка-люби-
тельница Тагильского
заводского театра.

Фото 1887 г.

Тагильский купец
в жалованном кафтане.

Фото 1895-1905 г.г.

Е.А. Шестак *М. Тагиль*

Тагильские священники.
Фото 1880-х годов.

С.А.Александровъ Въ Нижнемъ Тагильскѣ.

Настоятель Введенской церкви
о. Всеволод Черепанов
Фото 1905-1910 г.г.

Отец Ивана Абрамовича Орлова Абрам Григорьевич
с первой женой, Евфросиньей Макаровной.

Фото 1891 г.

Позднее к снимкам стали относиться гораздо обыденнее. Само фотографирование перестало быть своеобразным событием, маленьким праздником. Это отразилось и на качестве снимков, и на их сохранности. Но в любом случае, рассматривая снимок, мы не можем оторваться от чувства, что перед нами действительно существовавший или существующий, а не придуманный художником человек, со своей неповторимой судьбой. И если этот человек тебе не знаком, ты пытаешься разгадать его судьбу, а если знаком — задумываешься над нею.

А неинтересных судеб и лиц не бывает.

Мне довелось познакомиться с семейным альбомом своей институтской преподавательницы Нины Михеевны Неверовской. Предлагаю вниманию читателя несколько снимков из него. Но вначале о владелице альбома. Думаю, что знакомство с нею заставит читателя внимательнее всмотреться в снимки.

Нина Михеевна родилась в 1921 году в семье бывшего невьянского потомственного мастера и владельца сундучной мастерской Михея Андреевича Данилова и его жены Антонины Евгеньевны. Кроме Нины, в семье было еще шестеро детей. После революции Михей Андреевич передал мастерскую рабочим и уехал с семьей в Сибирь. В 1924 году он умер, и семья перебралась в Тагил, где жила сестра матери, Мария Евгеньевна Хлопотова.

Нина училась в школе № 32. В 1938 году поступила на математический факультет МГУ /физику слушала в одном потоке с Андреем Сахаровым, будущим академиком/. В 1941 году была эвакуирована на Урал, образование заканчивала в УрГУ. С 1943 года преподавала технические и теоретические дисциплины в Н-Тагильском горно-металлургическом техникуме, эвакуированном в Тагил Криворожском горном институте, в Н-Тагильском филиале УПИ /вместе с Б.В.Раушенбахом/. Многие годы преподавала различные разделы высшей математики в Н-Тагильском пединституте. Ее яркие лекции, живой характер, общительность и доброту помнят тысячи выпускников физмата

В настоящее время Нина Михеевна на пенсии.

Семья Даниловых и Хлопотовых. Слева в нижнем ряду Нина Михеевна.

Фото 1927 года.

Фото I.

Фото 2

Фото 3

Фото I. Антонина Евгеньевна Данилова /1896-1962/

Фото 2. Михай Андреевич Данилов /1893-1924/

Фото 3. А.Е. Данилова, М.А. Данилов и родственник по матери
Иульян Карпович Хлопотов, брат владельца первого в
Н-Тагиле кинотеатра "Иллюзия" Архипа Хлопотова.

Фото до 1917 года

Друзья и родственники Даниловых.

Фото до 1917 года

Друзья и родственники Даниловых

Фото до 1917 года

Верхний снимок: Антонина Евгеньевна Данилова /кассир книжного ма-
газина/ с группой сотрудников. Справа от нее
Ф.В.Пудов, будущий личный фотограф управляющего
Тагилстроя М.М.Царевского. Фото 1927 года
Нижний снимок: Парад кружка физкультурников на ул. Ленина.
Слева в первом ряду Алексей Данилов. 1 мая 1929 г.

Б.Шилов

ХРОНИКА. ЦИФРЫ И ФАКТЫ

1658 год.

335 лет назад родился Елизавета Демидовна Ахтырская /Демидова/
12.03.1658 - 17.11.1725/ - основательница и первый владелец
Елизаветинских заводов.

1721 год.

270 лет назад начата разработка Високоторского месторождения
железных руд.

1741 год.

250 лет назад начато строительство Велико-Шайтанского металлур-
гического завода.

1765 год.

235 лет назад основана Федора и Вера Николаевна Шибрелев Ху-
торская фабрика.
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ ТАГИЛА

1838 год.

155 лет назад образован Елизаветинский горный округ.
На фабрике школы преобразована в Высшее /Высское/ заводо-
вое училище.
Впервые развезли картофель в Елизаветинском округе.
Основана школа живописи по 10 убокам.

1841 год.

150 лет назад в Нижнем Тагиле основана первая на
Уралье фабрика по производству чугуна.
1 и 4 - 1911 - 4 балла

Рубрику ведет
Б.А.Шилов

1871 год.

129 лет назад доктор математики П.В.Гуранин /1871-1931/ сфа-
бриковал при заводской лаборатории первый
тагильский спирт.

1881 год.

119 лет назад начата работа фабрики в Нижнем Тагиле электро-
станция мощностью 1,5 киловатта, построенная Петром
Александровичем Уткиным.
Основана первая в Тагиле фабрика по производству
тагильского сахара.

Б.Шилов

ХРОНИКА. ЦИФРЫ И ФАКТЫ

1656 год.

335 лет назад родился Никита Демидович Антуфьев /Демидов/
/26.03.1656 - 17.II.1725/ - основатель и первый владелец
Нижнетагильских заводов.

1721 год.

270 лет назад начата разработка Высокогорского месторождения
железной руды.

1741 год.

250 лет назад начато строительство Висимо-Шайтанского металлур-
гического завода.

1766 год.

225 лет назад мастера Федор и Вавила Худояровы изобрели хру-
стальный лак, которым покрывали железные подносы,
шкатулки.

1806 год.

185 лет назад образован Нижнетагильский горный округ.
Цифирная школа преобразована в Высшее /Выйское/ заводс-
кое училище.
Начали разводить картофель в Нижнетагильском округе.
Учреждена школа живописи на 12 учеников.

1841 год.

150 лет назад в Нижнем Тагиле произошло 3-е землетрясение из
зарегистрированных четырех /1-е - 1788, 2-е - 1832,
4-е - 1914, 4 балла/

1871 год.

120 лет назад доктор медицины П.В.Рудановский /1829-1877/ орга-
низовал при заводской больнице школу для подготовки
фельдшеров.

1891 год.

100 лет назад начала работать первая в Нижнем Тагиле электро-
станция мощностью 15 киловатт, построенная держателем
мельницы А.Ушковым.
Учрежден "Горно-заводский музей" Нижнетагильских и
Луньевских заводов.

1911 год.

80 лет назад начал работать первый кинотеатр "Иллюзия" /"Искра"/
 Построено здание горно-металлургического техникума.

1916 год.

75 лет назад население Нижнего Тагила - 44,8 тыс. человек.

1926 год.

65 лет назад население Нижнего Тагила - 38,8 тыс. человек.

Жилищный фонд города - 246739 м²

15.01.1926 г. вышел первый номер газеты "Рабочий" /впоследствии "Тагильский рабочий"/

Открыт педагогический техникум.

ВСНХ СССР утвердил перечень объектов, намеченных к строительству, куда вошел вагонзавод.

В Н.Тагиле проходит сельскохозяйственная выставка.

1941 год.

50 лет назад население Нижнего Тагила - 108653 чел. /01.01.1941/

Жилищный фонд города 208000 м²

Открыт машиностроительный техникум.

В июне состоялся первый выпуск учителей в учительском институте.

18 декабря был собран первый танк Т-34.

1951 год.

40 лет назад вошли в строй две мартеновские большегрузные печи.

Краеведческий музей посетили 54515 человек.

Прошел первый городской праздник песни в парке им.Бондина.

На IV квартал 1951 года в Н.Тагиле трамвайных вагонов 52, в том числе НТМЗ - 27, УВЗ - 25 вагонов. Трамвайных путей 43,4 км, из них НТМЗ - 17 км, УВЗ - 26,4 км.

1961 год.

30 лет назад население Нижнего Тагила составляло 350,5 тыс.чел.

Жилищный фонд города - 2113000 м²

В городе работают 2 театра, 2 музея, 93 школы, 96 технических и 58 массовых библиотек.

Вышло из печати 2-е издание книги "Нижний Тагил", 10000 экз

На ст. Смычка построен Дом культуры железнодорожников им. Гагарина.

1971 год.

20 лет назад население Нижнего Тагила составляло 396 тыс.чел.

Жилищный фонд города - 4124 тысячи м².

Город награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Вышла книга "Нижний Тагил- 250 лет", тираж 15 тыс.экз.

Каждый третий грузовой вагон, курсирующий по магистралям страны - тагильский.

В декабре 1971 года открыт широкоформатный кинотеатр "Современник"

1981 год.

10 лет назад открыт новый трамвайный путь через р.Тагил с Красного Камня на Вью.

На горе Долгой построен 77-метровый трамплин.

29 октября открыт памятник первым комсомольцам Н.Тагила у кинотеатра "Современник". Скульптор А.Неверов.

ЛОБКО НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ

Около года тому назад, в разговоре о тагильских краеоведах и журнале "Тагильский краевед", один мой знакомый спросил, не заинтересует ли меня или кого-либо из краеведов, шахтер – собиратель старинных самоваров. Признаться, предложение удивило. Частная коллекция самоваров в Тагиле?! Как-то не вязался наш в большинстве своём малогабаритный бытовой мир и с этим увлечением и с громоздкой, в моём понимании, коллекцией.

Еще более удивило меня имя – Лобко Николай Федорович.

Николай Федорович в своей квартире.
фото И.Т. Коверды

Этого человека к тому времени я знал более четырех лет. Знал его, так сказать, трудовую биографию. В 1969 году он, семнадцатилетний парень, коренной тагильчанин связал свою жизнь с Высокогорским рудуправлением, поступив учиться в СТУ № 56, после окончания которого вот уже двадцать лет работает на шахте "Эксплуатационная" и ни о чем другом не помышляет. Правда, был двухлетний перерыв – служба в рядах Советской Армии. Освоил практически все

горняцкие специальности. Работал машинистом шахтного электровоза, крепильщиком, машинистом скреперной лебедки, взрывником. Несколько лет возглавлял цеховой комитет профсоюза.

Мой знакомый - Василий Петрович Игнатченко, старейший работник шахты "Эксплуатационная", увлеченно рассказывает о своем друге. И сколько в его словах уважения и тепла!

Николай Федорович деликатный и общительный, широких интересов человек. Любит свой край, его природу. И любит не умозрительно. Путешествуя на велосипеде, он объездил почти весь Урал. Но гордостью его является собранная им коллекция.

Уголок
коллекции
фото
И.Т.Коверды

Конечно, мне сразу захотелось встретиться с ее обладателем. Но по целому ряду обстоятельств встреча откладывалась.

И вот, наконец-то, мы, Иван Трофимович Коверда со своими атрибутами – фотоаппаратами и принадлежностями к ним, уже упоминаемый Василий Петрович и автор этих кратких заметок, в гостях у Николая Федоровича.

Николай Федорович несколько застенчиво приглашает нас к своим драгоценностям. Просторная комната. Лишь одна стена открыта, ее украшают рога и шкура оленя.

А далее – шкафы, сервант, специально изготовленные полки и на них и в них сияют зеркально начищенные самовары (именно они первоначально бросаются в глаза) самых различных форм и объемов.

Мы не перестаем удивляться, но постепенно наше волнение проходит и завязывается длительная часа на 3–4 беседа, конечно, за чаем и, конечно, за самоваром, но уже современным – электрическим.

Николай Федорович с частью своих самоваров
фото И.Т.Коверды

Собирать свою коллекцию Николай Федорович начал лет двадцать назад и, пожалуй, случайно. Все началось с того, что один

знакомый полусерьезно предложил купить за 3 рубля старинный подсвечник. Он купил. Вычистил – подсвечник засиял. Не желая оставлять первое приобретение в одиночестве, он стал собирать старинные изделия из меди, бронзы и латуни. Все что попадалось. Заглядывал на базары, осматривал свалки, разглядывал кучи металлолома, заходил во дворы, где сносились старые дома... И коллекция росла. Об увлечении узнали друзья, знакомые – стали помогать. Завязались знакомства с иногородними, такими же увлеченными людьми. Так, Николай Федорович с удовольствием показывает кадило, подаренное ему москвичем.

Конечно, главное в коллекции – самовары, их более полутора десятков. Каждую вещь он знает и может рассказать, как она у него появилась. Рассказывает с увлечением. Завораживает.

Коллекция разнообразна. Помимо самоваров есть много подсвечников, несколько кадил, множество колокольчиков (а какой звон!).

Вот мы рассматриваем пепельницу, имеющую форму жука. Вот рассуждаем о маленьком, на две чашечки, чайнике. Да, вероятно, он (чайник) из богатого дома. Зачем такая изящная и миниатюрная вещь в доме, скажем, заводского рабочего?.. А вот вещь, о назначении которой мы никак не можем договориться. Имеет она форму яйца на тоненькой ножке, такая же ножка и сверху. Легко разделяется на две части и получается две подставки под яйца. Но есть и другая версия – мол, это рюмки.

А вот изящный вазон с вычеканенными охотничьими атрибутами. Но всего не перечислить. И это надо смотреть.

А наша встреча – праздник. И хорошо, что есть такие увлеченные люди, как Николай Федорович, хранящие крупицы уходящей жизни и дарящие радость другим.

Курсовые - отрывки, выписки
или описания, описки.

/С. Степанов, Очерки
русского языка/

В старом русском языке, в древних летописях порой встречаются
особенные выписки. И хотя они не всегда относятся к Тагилу или
даже к Уралу, особенность их может вызвать интерес, а порой и
это важно.

Известно, что в Японии и Китае очень развито искусство
прозы. Кроме написанных стихотворений, в Японии
есть еще устное искусство.

В одной из древнейших книг была описана
жизнь, и особенно образы и поступки.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ

В старом русском языке, в древних летописях порой встречаются
особенные выписки. И хотя они не всегда относятся к Тагилу или
даже к Уралу, особенность их может вызвать интерес, а порой и
это важно.

Известно, что в Японии и Китае очень развито искусство
прозы. Кроме написанных стихотворений, в Японии
есть еще устное искусство.

"КУРЬЕЗ - странный, диковинный или смешной случай."

/С.Ожегов, Словарь русского языка/

В старых книгах, журналах, газетах попадаются порой курьезные, необычные публикации. И хотя они не всегда относятся к Тагилу или даже к Уралу, необычность их может вызвать интерес, а порой и просто улыбку.

I

Известно, что в Японии и Китае очень развито искусство каллиграфии. Красиво написанное стихотворение, заповедь, изречение могут быть украшением жилища.

В одной из дореволюционных книг были опубликованы правила для жизни, исполненные старинным шрифтом:

ДЕСЯТЬ ПРАВИЛЪ ДЛЯ ЖИЗНИ:

1. НИКОГДА НЕ ОТКЛАДЫВАЙ ДО ЗАВТРА ТОГО, ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ СЕГОДНЯ.
2. НИКОГДА НЕ УПУЩАЙ ДРУЖБУ ЧЛВКА, ЧТО ТЫ СЕБЯ МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ.
3. НИКОГДА НЕ ПЬЮЩИЙ ДУШЕ СВОЮ. ПЬЮЩИЕ МОЖУТ ПОЛУЧИТЬ БОЛЬ.
4. НИКОГДА НЕ ПЬЮЩИЙ БОЛТЛИВЫМЪ ЯЗЫКОМЪ ПЬЮЩИМЪ ТОВАРИЩУ, ЧТО ОНЪ ДУШЕВЪ.
5. ПОДСОБИТЬ ДУШЕВЪ НАМЪ СВОЕОУМЪ, МОЖНО ТОЛЬКО ЖАЛКОМЪ И КТОЛЬКО.
6. НИКОГДА НЕ СТЫДИСЯ ЧУЖДОМУ РАССКАЗАТЬ О СЕБЕ, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ.
7. НИКОГДА НЕ БИДИСЯ ТУДЪ, ЧТО ДУШЕВЪ ОУМЪ.
8. НАДО ЧЕЛОВЕКУ ПОНЯТЬ СЕБЯ И ТОВАРИЩА ОНЪ РАССКАЖЕТЪ ТЕБЕ СТОЛЬКО, КАКОЕ ОНЪ ДУШЕВЪ ИЛИ НИКОГДА НЕ РАССКАЖЕТЪ ДЛЯ НАСЪ.
9. СТЫДИСЯ НА ОНЪ СЪ МОЖЕШЬ СТЫДИСЯ.
10. ЕСЛИ СТЫДИСЯ ТЕБЕ РАССКАЗАТЬ ОНЪ ЧТО НИКОГДА НЕ РАССКАЖЕТЪ НАМЪ НИКОГДА ПОСЛУШАЙ ДО ДУШЕВЪ, ЕСЛИ ЖЕ СТЫДИСЯ ОНЪ РАССКАЖЕТЪ, ЧТО СТЫДИ ДО СЕБЕ

Предлагаем читателю "расшифровать" эту вязь. А для подсказки "расшифруем" несколько фраз: "ДЕСЯТЬ ПРАВИЛЪ ДЛЯ ЖИЗНИ: I. Никогда не откладывай да завтра того, что ты можешь сделать се-

годня. ... 9. Смотри на все с хорошей стороны.

Желаем успеха читателю.

II

В предреволюционные годы издавался роскошный, прекрасно иллюстрированный журнал "Столица и усадьба". Рассказывал он о богатствах России, о частных коллекциях произведений искусств, богатых имениях и их владельцах. Был в журнале и исторический раздел.

Вот одна из курьезных публикаций журнала:

"Некоторые наши прабабушки пользовались, оказывается, хитроумными приборами, "блохоловками"; "блохоловки" носили под платьем, на груди. Вместо того, чтобы изгонять блох чистотой и опрятностью, предпочитали ловить их, как теперь ловят мышей, в западню!.. Это было своего рода спортом, и иногда Мария Петровна хвасталась Анне Ивановне: "А я за два дня поймала 18" ...

Помните? "Жил-был король когда-то..."

Собрал И. Коверда

ПАМЯТИ С.В.БАРАЕВА / 1922 - 1991 /.

15 мая 1991 года скончался Сергей Викторович Бараев, один из старейших краеведов нашего города.

В последнее время он тяжело болел, но от общения не отказывался. С удовольствием встречал гостей, интересовался книгами, консультировал по краеведческим вопросам. А знал он много.

У Сергея Викторовича было большое собрание записей и фотоснимков по Висиму и Н.Тагилу, он много занимался историей своего рода, собирал репродукции миниатюрной живописи. Он составил целую книгу по истории фотографии в Н.Тагиле /она демонстрировалась на выставке в музее, посвященной 150-летию фотографии /.

А еще больше у него было такого, что он не всем показывал - либо потому, что материал был не готов, либо по частому среди коллекционеров немного наивному желанию удержать что-то новое только у себя, не торопясь "выставлять на свет". Коллекционером же он был давним и страстным, хотя и подсмеивался над собой: "Я ничего не собираю. А если что-то интересное у меня имеется, так это потому, что ничего не выбрасываю".

Он понимал шутку, подшучивал над другими и над собой, хотя хорошо знал себе цену.

Это был интересный человек, и тем тяжелее наша потеря.

Т. Сырова

ХРОНИКА КРАЕВЕДЧЕСКОГО КЛУБА

/декабрь 1990 года, январь-июнь 1991 года/

Заседания клуба:

18 и 25 декабря.

Два последних в 1990 году собрания клуба провели супруги Белавины. Тема первого собрания - "Декабристы на Урале". Цветные слайды, музыка, стихи, хорошее знание литературы о декабристах и личные впечатления Ирины Григорьевны и Леонарда Васильевича от посещения музеев декабристов в Тобольске, Ялуторовске и Туринске определили успех лекции, и по просьбе собравшихся было проведено второе собрание, на котором была прочитана лекция "Салон Зинаиды Волконской"

16 января 1991 года.

Занятие, проходившее в музее Бондина, было посвящено истории археологического изучения Горбуновского торфяника

12 февраля.

Гостями краеведческого клуба были ветераны спорта. Они принесли альбомы с фотографиями и газетными вырезками. Нина Федоровна Щедилова, начав с краткой справки о состоянии спорта до революции, отметила главные этапы развития спортивной жизни в советское время. Особо остановилась на 1928-29 годах, когда открылся первый стадион "Локомотив" /позднее "Строитель"/, было положено начало эстафеты на приз "Тагильского рабочего", организованы первые кружки тяжелой атлетики и борьбы.

Е.Т.Карамышев, первый в городе значкист ГТО, рассказал о строительстве в 1934 году первого трамплина и о работе катка на тагильском пруду.

А.Г.Гурина поделилась богатым материалом о детском спорте. Следует отметить редкое качество всех выступлений: насыщенность фактическим материалом и краткость.

27 февраля.

Краеведы были в мастерской скульптора В.И.Стеканова. Приветливость Виталия Ивановича, впечатление от его работ,

выполненных в различном материале, сделали вечер незабываемым, а Л.В.Белавин выразил чувства собравшихся в стихах:

Ему подвластны дерево и мрамор
 Как живописцу – краски, холст и кисть,
 И речь его бесхитростна и пряма
 Как сама жизнь.

В труде, порыве каждая минута,
 Зовет неутоленная мечта,
 И среди творческого неюта
 На стеллажах томится красота.

12 марта.

Состоялась лекция Надежды Ивановны Суминой о Чюрленисе. Рассказ о мировоззрении художника и композитора в сочетании с анализом его картин и музыки помогли слушателям проникнуться настроениями оригинального мастера.

19 марта.

Члены краеведческого клуба посетили мастерскую скульптора И.Я.Боголюбова. Иван Яковлевич рассказал о своей работе над памятником тагильским металлургам на привокзальной площади, над мемориалом жертвам репрессий для

города Ивделя. На рассказ о мемориале Л.В.Белавин откликнулся экспромтом:

Ивдель. Лагерь. Как гвоздь в сердце вбит.
 Даже мысль здесь взлететь не может.
 Призраком смерти вышка стоит,
 И прожектор пространство гложет.

Кто-то здесь оставил мечту,
 Кто-то жизнь свою здесь оставил.
 Памятник, как реквием, подводит черту
 Эпохе вселенской травли.

Иван Яковлевич ответил на множество вопросов, которые помогли слушателям понять своеобразие его работ.

26 марта.

На очередном заседании клуба Т.К.Гуськова рассказала о своей работе по изучению истории Нижнетагильского горно-заводского округа.

В начале апреля.

Члены краеведческого клуба ознакомились с выставками из фондов краеведческого музея в нижних провиантских

складах, присутствовали на открытии выставки музыкальных инструментов в музее А.П.Бондина.

23 апреля.

Было отмечено пятилетие клуба. В гостях у краеведов были поэты – авторы сборника стихов "Пейзаж по памяти":

В.Чугунов, В.Хаин, В.Овсестьян, Е.Туренко.

В.Л.Белавин показал прекрасные слайды о временах года, которые сопровождал чтением своих стихов.

17 мая.

Было продолжено посещение членами клуба мастерских тагильских художников. На этот раз краеведов принимал Михаил Васильевич Дистергефт, живописец и график. Он выбрал из своего многообразного по тематике и технике творчества две темы: "Висим и его окрестности", в которой отражено своеобразие архитектуры и природы уральского поселка, и

цикл "В те годы" – о жертвах репрессий на Северном Урале. Работы художника произвели большое впечатление на посетителей. Краеведы познакомились также с техникой исполнения графических работ.

28 мая.

Состоялось последнее перед летним перерывом заседание клуба. Речь шла о его будущей работе.

29 мая.

Большая группа краеведов присутствовала на открытии музея подносного промысла в доме Худояровых на ул. Тагильской.

х х х

24 декабря 1990 г. И.Г. и Л.В.Белавины в школе № 33 прочитали лекцию о декабристах, организованную библиотекой имени Герцена.

17 января 1991 г. М.П.Рыжова в библиотеке им. Герцена прочитала лекцию "Последняя любовь поэта" / Н.Н.Гончарова/

14 мая группа членов клуба была в гостях в школе № 19, на собрании юных любителей литературного краеведения, которыми руководит преподаватель Г.А.Рыбакова.

31 мая Т.М.Сырова познакомила с работой клуба и с журналом "Тагильский краевед" работников тагильских библиотек.

В январе-мае 1991 г. И.Т.Коверда выступал с лекцией "Путешествие по несуществующему городу" /о дореволюционном Тагиле/ с показом фотоснимков в школах № 32, 33, 44, 72, в музыкальном училище, в красном уголке цементного завода, ДК огнеупорщиков /для женского клуба/ и ДК УВЗ /для клуба "Прометей"/.

25 января И.А.Орлов опубликовал в "Тагильском рабочем" заметку-воспоминание "Иордань и голуби".

хх х хх

О нас пишут и говорят

"ТАГИЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ"

18 января 1991 г. А.Егорова, "Из реки по имени Факт родился "Тагильский краевед" /обзор журнала "ТК" № 9,10/ *

7 марта 1991 г. "И увидели лунный камень" /члены кружка краеведов школы № 19 написали о выступлении у них М.П.Рыжовой

6 февраля 1991 г. "Образ, бережно хранимый" /о вечере в библиотеке им. Герцена, посвященном Пушкину, где ведущей была М.П.Рыжова/

10 июля 1991 г. "Запомните это имя - Орлов" /прекрасная статья С. Бабиковой об Иване Абрамовиче Орлове. Здесь же газета сообщила о решении Президиума городского совета присвоить И.А.Орлову звание "Почетный гражданин гор. Нижнего Тагила"/

"ТАГИЛЬСКИЙ МЕТАЛЛУРГ"

28 марта 1991 г. Обзор журнала "ТК" И.Семеновой *

4 апреля 1991 г. Перепечатана с соответствующим вступлением статья В.И.Маркина из "Тагильского краеведа" № 10 *

* См. приложение - репринтное воспроизведение публикации.

4 июня 1991 г. Перепечатана статья И.А.Орлова "О рекрутчине /1908-1914 г.г./ из "ТК" № 3 с редакционным вступительным словом.*

ВЫСОКОГОРСКИЙ ГОРНЯК

25 мая 1991 г. Редакционный обзор журнала "ТК".*

ДУМА

"Дума", независимая газета уральского горнозаводского региона, в № 4 /Февраль 1991/ перепечатала некоторые материалы из журнала "ТК" № 10.

В мае 1991 г. по тагильскому радио выступила М.П.Рыжова с рассказом об Авроре Карловне Демидовой-Карамзиной и о знаменитом алмазе "Санси".

В апреле 1991 г. по тагильскому радио с обзором журнала "ТК" выступила корреспондент "Тагильского металлурга" И.Семенова.

10 июля 1991 г. тагильское радио сообщило о подготовке очередных номеров журнала "ТК".

13 июля 1991 г. это же сообщение было передано областным радио.

* См. приложение - репринтное воспроизведение публикации.

ТАГИЛЬСКИЙ КРАВЕЕД

КОНЕЧНО, слышала я о том, что есть у нас в Тагиле общество краеведов, и материалы из журнала «Тагильский краевед» читала с интересом в выпусках «Малыхитовой» шкатулки городской газеты. Но читала, как о чем-то отстоящем далеко не только по времени, но и по месту, как бы не относящемся к городу, в котором родилась и прожила жизнь. И вот теперь, прочитав от корки до корки почти все номера журнала «Тагильский краевед», задумалась, почему же так происходило? Может, потому, что и для моих родителей, приехавших в Тагил перед войной, а потом и для меня, этот город был бараклами «Албастростроя» и 1-й Площадки, Огнеупорного и Завязского поселков? А потом история города и его жителей была ограничена экспонатом краеведского музея, историей, как мы теперь понимаем, со многими и многими купюрами, умолчаниями, скрываемыми не просто фактами, но целыми периодами жизни.

И все равно, читая журнал, понимаю, что во многом виновата сама, собственная необязательность, равнодушие, та глухота, что не зря зовут глухотой души. Тем больше проникнешься чувством благодарности к людям, которые не только сохранили в памяти Тагила прошлые лет, (я имею в виду не строения, памятники, вернее, не только их, но и тагильчан, с их повседневной жизнью), но и ввели на себя труда донести эти знания до нас. И чувство признательности к более молодым членам общества краеведов, ведущим неустанную поисковую и восстановительную работу по крупицам далекого, да и не такое уже далекое, но тем не менее малоизвестное, прошлое тоже.

Так кто же они, эти вдумчивые, люди неравнодушные, ищущие? Общество краеведов начало свою деятельность в конце 80-х годов. И тогда же были собраны и обработаны первые интересные и порой даже уникальные материалы о Тагиле и тагильчанах, появилась мысль о создании своего журнала. Предложение такое высказала М. П. Рыжова, бывший геолог. Идея пришла во душе, ее не только поддержали, но и претворили в жизнь. Образовалась редколлегия, которую возглавила бывшая учительница-литератор Т. М. Сырова. А членами редколлегии стали Е. Н. Епанчинцев, много лет проработавший в архиве, ветеран НТМК Б. А. Шендлер и ныне покойный ветеран войны и труда НТМК, нашумевший ученый-литературовед С. Я. Черныш. Для журнала выбирали название, эмблему, ну а тираж определялся довольно просто — одна закладка на пишущей машинке, то есть пять экземпляров. (Теперь, подходу к газетным киоскам и видя там массу всевозможных изданий, которых, по-моему, несмотря на все дефициты, становится все больше, с горечью думаю, что такой уникальный журнал, как «Тагильский краевед», выходит всего в пяти экземплярах.

Многие материалы посвящены людям, жившим в Тагиле в самые разные годы и оставившим след в его истории. Это и публикации К. Ф. Ляпцева «Памятник мастер-метелю» о П. С. Макарове (1775—1833 гг.), «П. Д. Дурново не Деяидов», и материалы С. В. Ганьжи «История одной мистификации, или Как создавалась легенда об Артамонове» и «Родом из Невьяна», Е. Н. Епанчинцевой «Его знал весь Тагил» о Д. А. Крыдове — большевике, в годы гражданской войны командире отряда железнодорожников Б. И. Костюченко «Заведующий заводом» (о З. И. Гореловой и женском движении в Н. Тагиле) и другие.

Первый материал И. А. Орлова, который я прочла, был о торговле в Нижнем Тагиле. С какой точностью и скупностью с какими красочными подробностями описывает автор каждый магазин и лавку, их хозяев, товары, которыми там торговали, и даже отношение покупателей к ним. Или о голубятниках. Здесь в небольшой по объему заметке автор сумел нарисовать такие разные образы этих увлеченных одной страстью людей, а задано для описания пород птиц, которых предпочитали разводить тагильские голубятники, и т. д. А сколько интересного и неизвестного для большинства из нас в заметках И. А. Орлова о рекрутах, о связанных с проводом в армию правилах и обычаях. И опять подробности, точные детали, которые и помогают почувствовать, понять уют, уклад жизни горожан начала века.

Прекрасно воспроизведены И. А. Орловым по собственным воспоминаниям и по воспоминаниям других тагильчан детские игры со всеми правилами, считалками, дразинками и т. д. Но если, пусть очень небольшая часть детских игр дошла, сохранилась до наших дней, то игры городской рабочей молодежи, танцы, гуляния под гармошку и балаалайки с их непростыми, оказывается, ритуальными наем, к сожалению, не известны совсем.

Думаю, что мы сможем публиковать материалы из журнала «Тагильский краевед», и том числе и принадлежащие перу И. А. Орлова, на страницах нашей газеты, и они вызовут не только интерес читателей, но и кого-то из них подвигнет к сотрудничеству с обществом краеведов, в поиску, восстановлению по крупицам историю родного города.

Но вернемся к журналу. И прежде, чем продолжить рассказ о материалах, в нем опубликованных, хотелось бы отметить особое

уважительное отношение к авторам. Оно проявляется не только в том, что здесь есть рубрика «Новые имена», что первая публикация всегда предваряется рассказом о самом авторе его фотографией, но главное, на мой взгляд, в том, что здесь стараются сохранить авторскую самобытность, стиль, язык.

Многие материалы посвящены людям, жившим в Тагиле в самые разные годы и оставившим след в его истории. Это и публикации К. Ф. Ляпцева «Памятник мастер-метелю» о П. С. Макарове (1775—1833 гг.), «П. Д. Дурново не Деяидов», и материалы С. В. Ганьжи «История одной мистификации, или Как создавалась легенда об Артамонове» и «Родом из Невьяна», Е. Н. Епанчинцевой «Его знал весь Тагил» о Д. А. Крыдове — большевике, в годы гражданской войны командире отряда железнодорожников Б. И. Костюченко «Заведующий заводом» (о З. И. Гореловой и женском движении в Н. Тагиле) и другие.

Перемены в нашей жизни последних лет дали возможность газетам и о тех, кого мы назвали жертвами сталинских репрессий, о прекращенных трагической судьбы. И это прежде всего воспоминания Э. Ю. Фискина о замечательной пианистке В. П. Лотар-Шевченко и И. П. Рикерта и И. Г. Белявиной об ученом, преподавателе пединститута П. Э. Рикерте.

Журнал менялся от номера к номеру. Росло число авторов, расширялась тематика публикаций, материалы более строго стали размещаться по разделам, появились новые рубрики.

Так, с приходом в журнал инженера ЦАК И. Т. Коверды, уже с третьего

номера регулярно в выпусках «Краеведа» присутствует рубрика «Остались только на фотоснимках». А фотоснимки эти поистине уникальные. И, безусловно, заслуживают всесюжетного уважения и благодарности как люди, сохранившие их, так и те, кто отсылая их в семейных альбомах и шкатулках, в архивах, различных изданиях далеких лет. И теперь благодаря этим фотографиям мы имеем возможность увидеть Тагил таким, каким он был чуть не сто лет назад, с его улицами и площадями, памятниками и храмами.

Кстати сказать, наши туристы, приезжая из-за границы (да не имея в виду — прилагать магазин) — с восторгом и восхищением рассказывают об архитектурных и исторических памятниках. Наверное, для нас, тагильчан, они тем более прекрасны и удивительны, что не сохранились почти ничего из тех церквей и соборов, которые и сегодня при нашей коробчато-кубовой архитектуре могли бы украсить наш город, поражают великолепием внутреннего убранства. Были в Тагиле и памятники — творение

замечательных мастеров.

Это и памятник Александру II, преобразованный в 1918 году в памятник Свободе, а затем и исчезнувший вообще. Кстати, о судьбе этого памятника в одном из номеров журнала опубликован интересный материал Е. Н. Епанчинцевой «Памятник Свободе». А памятник А. Н.

Карамзину! И он остался только на фотоснимках.

Но старые, а вернее, старинные фотографии — это еще и документы, отраженные, запечатленные повседневную жизнь, быт тагильчан конца прошлого и начала нынешнего веков, события городской и личной, семейной масштаб.

А нередко фотографии становятся тем самым кончиком нити, потянув за который, краеведы, исследователи восстанавливают факты, картину того или иного события городской жизни.

Регулярными стали в «Тагильском краеведе» и «Литературные странички». Это уже факт нашей современной жизни. Ведет в журнал поэтический раздел В. А. Чуговой, которую тагильчане знают как поэта, чьи стихи много лет публиковались на страницах нашей газеты, в «Тагильском рабочем», вошли в разные сборники.

У редколлегии и авторов «Тагильского краеведа» интересные планы, о чем свидетельствует и значи-

тельно расширявшаяся шкала рубрик, которыми определяется тематика публикаций, форма подачи материалов. Кроме уже названных, это «Исследования. Поиски. Находки»,

«История страны в судьбах тагильчан», «Наш земляк», «Путешествия по родному краю», «Тагил за пределами Тагила», «Документ без комментариев»,

Те, кого они заинтересуют, могут прочесть их в «Тагильском краеведе».

Как и десятки других, совсем много планы материалов, но не менее интересных и значительных. Значительных уже тем, что не повторяют того, что есть в немногих книгах о Тагиле и тагильчанах, в раскрывающих неизвестные странички истории, восстанавливающие забытые факты и события, рассказывающие о новостях как о людях, чье-то замечательных, так и о рядовых горожанах с их повседневной жизнью, бытом. И в результате этих поисков, находок, открытий, за каждым из которых огромный труд краеведов, встает другой Тагил, не однородный город-труженик, а город с богатым духовным и культурным прошлым, которое помогает восстановить краеведы.

И. СЕМЕНОВА

На снимках: эмблема журнала «Тагильский краевед»; памятник А. М. Карамзину (сыну известного историка — управителю Нижнетагильских заводов в середине прошлого века), собран на деньги, добровольно собранные тагильскими рабочими. Памятник уничтожен в начале 30-х годов.

«О чем писали газеты и журналы», «Возвращаясь к нашим публикациям», «Знаменательные даты в истории Тагила», «Хроника краеведческого клуба», «Исторические курьезы».

Часть из них читателям встретят в уже вышедших номерах «Тагильского краеведа», другие появятся в будущих выпусках, над которыми идет работа. С девятого номера журнала редактирует И. Т. Коверда.

Как я уже говорила, перемены в жизни общества, демократия, гласность дали возможность и редколлегии журнала не только расширить диапазон своих поисков, но и проткнуть занесен над фактами недавнего прошлого, что было совершенно неслучайно еще несколько лет назад. Так, под рубрикой «Документ без комментариев» помещены два письма: одно очень смелое по тем временам, написано в 30-е годы тагильским рабочим Костро-

Морозова писали и наша, и городская пресса. В другом выпуске журнала под этой же рубрикой — страшные документы страшного времени — доносы. Доносы одних тагильчан на других, написанные в 30-е годы. Но, как и в журнале, не буду ни пересказывать, ни комментировать эти публикации.

Морозова писали и наша, и городская пресса. В другом выпуске журнала под этой же рубрикой — страшные документы страшного времени — доносы. Доносы одних тагильчан на других, написанные в 30-е годы. Но, как и в журнале, не буду ни пересказывать, ни комментировать эти публикации.

Те, кого они заинтересуют, могут прочесть их в «Тагильском краеведе».

Как и десятки других, совсем много планы материалов, но не менее интересных и значительных. Значительных уже тем, что не повторяют того, что есть в немногих книгах о Тагиле и тагильчанах, в раскрывающих неизвестные странички истории, восстанавливающие забытые факты и события, рассказывающие о новостях как о людях, чье-то замечательных, так и о рядовых горожанах с их повседневной жизнью, бытом. И в результате этих поисков, находок, открытий, за каждым из которых огромный труд краеведов, встает другой Тагил, не однородный город-труженик, а город с богатым духовным и культурным прошлым, которое помогает восстановить краеведы.

И. СЕМЕНОВА

На снимках: эмблема журнала «Тагильский краевед»; памятник А. М. Карамзину (сыну известного историка — управителю Нижнетагильских заводов в середине прошлого века), собран на деньги, добровольно собранные тагильскими рабочими. Памятник уничтожен в начале 30-х годов.

«О чем писали газеты и журналы», «Возвращаясь к нашим публикациям», «Знаменательные даты в истории Тагила», «Хроника краеведческого клуба», «Исторические курьезы».

Часть из них читателям встретят в уже вышедших номерах «Тагильского краеведа», другие появятся в будущих выпусках, над которыми идет работа. С девятого номера журнала редактирует И. Т. Коверда.

Как я уже говорила, перемены в жизни общества, демократия, гласность дали возможность и редколлегии журнала не только расширить диапазон своих поисков, но и проткнуть занесен над фактами недавнего прошлого, что было совершенно неслучайно еще несколько лет назад. Так, под рубрикой «Документ без комментариев» помещены два письма: одно очень смелое по тем временам, написано в 30-е годы тагильским рабочим Костро-

Морозова писали и наша, и городская пресса. В другом выпуске журнала под этой же рубрикой — страшные документы страшного времени — доносы. Доносы одних тагильчан на других, написанные в 30-е годы. Но, как и в журнале, не буду ни пересказывать, ни комментировать эти публикации.

(ТАСС).

Тагильский металлург

Газета выходит с 1931 года № 52 (9260)

ВТОРНИК

4 июня 1991 г.

Выходит 3 раза в неделю.

Цена 2 коп.

Газета трудового коллектива Нижнетагильского ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции и Отечественной войны 1 степени металлургического комбината им. В. И. Ленина.

ТАГИЛЬСКИЙ МЕТАЛЛУРГ

3-я страница

4 июня 1991 года

Сегодня мы вновь знакомим читателей с одним из авторов журнала «Тагильский краевед». Это И.А. Орлов — старейший краевед, которому в нынешнем году исполняется 90 лет. Иван Абрамович собрал и обработал уникальнейшие материалы о Тагиле и тагильцах конца прошлого века начала нынешнего столетия. Это не только его личные воспоминания, но и рассказы многих и многих старожилов нашего города. В его материалах, которые хранятся в краеведческом музее, а многие опубликованы в журнале «Тагильский краевед», во всей полноте отражены жизнь и быт тагильчан, с деталями и подробностями, которые могут быть известны только человеку, живущему в то время. Причем человеку неравнодушному, любящему историю, а главное, любящему свой город, заинтересованному в сохранении его истории. Иначе, что

бу еще побудило И.А. Орлова взять на себя такой гранитский труд. Материалы, собранные Иваном Абрамовичем, настолько уникальны, что без них не обходится ни один серьезный исследователь истории нашего города. Из многочисленных публикаций И.А. Орлова в «Тагильском краеведе» мы выбрали на этот раз «О рекрутчине (1908 — 1914 гг.)». Сейчас в стране как раз идет весенний призыв в ряды Вооруженных Сил СССР, и идет он, как все последние годы, очень сложно. Вообще резко изменилось отношение к армии, к солдату, который испокон веков на Руси был защитником Отечества, изменилось и отношение молодежи к службе в Советской Армии, которую до недавнего времени называли почетным делом и священной обязанностью каждого гражданина.

Совсем недавно страна отпраздновала 46-ю годовщину Великой Победы над фашистской Германией, а впереди — другая дата — 50-летие начала войны — самая черная и страшная дата в жизни советских людей. И защитил Родину, спасли ее от порабощения солдаты, которые стояли насмерть.

В материале, написанном И.А. Орловым по воспомина-

ниям многих землячков, даны в основном бытовые подробности и традиции, причем далеко не самые лучшие из них сохранились до сих пор. Но мне хотелось, чтобы читатели обратили внимание на то, что призванный в армию рабочий или крестьянин становился тут же государственным человеком, личностью неприкосновенной.

Мы публикуем только один материал из третьего номера журнала, посвященный этой теме. Те же, кто обратится к «Тагильскому краеведу» найдет здесь интересные воспоминания о службе в армии священников, фотографии тагильчан перед уходом в армию, целую подборку народных песен и частушек, посвященных рекрутчине, солдатской службе. И еще здесь помещена фотокопия интересного документа, разосланного в архив нынешним редактором журнала И.Т. Косердой. Это свидетельство, которым Верхотурский Уездный Училищный Совет удостоверяет, что сын крестьянина Выхиско-Никольской волости Павла Михайловича Мазьков успешно окончил курс учения в 1-м классе Выхиско-Никольского училища, а потому имеет льготу, установленную пунктом 4-м статьи 56-й Устава о воинской повинности. В общем, образованием всегда ценились на Руси, даже и при службе в армии.

После окончания осенних полевых работ поочередно в каждой волости работали призывные комиссии очередного ежегодного призыва обязательной воинской повинности в армию.

И. Тагил, имея большое количество призывников среди заводского населения и окружающих населенных пунктов, будучи разделен на три волостных правления, создавала один общий призывной пункт.

Воинская призывная комиссия, состоявшая из трех врачей, членом призывной комиссии под председательством уездного военного начальника, до 1912 — 1913 гг. работавшая в бывшем Лавринском приюте на Выхиском поле, а с 1914 г., с начала империалистической войны, в земском доме на Уральской улице.

Ежегодные рекрутские заборы с детьми пор приносили много горя семье рекрута. К призыву шли в возрасте двадцати одного года. У многих призывников были уже свои семьи, особенно в сельских районах.

Рекруты, работавшие на производстве и на войну, при уходе в армию, кроме окончательного расчета, никаких выходных пособий не получали. Крестьяне, кустары или старатели могли рассчитывать только на свои собственные средства.

С уходом новобранца семья его зачастую оставалась без средств к существованию, на иждивении родителей. Домашнее хозяйство и семейный уклад того времени не позволяли создателю идти на заработки. В большинстве семей Тагила работать по найму семейной женщиной считалось зазорным. Работали преимущественно женщины и старики. Кроме того, применение женского труда в промышленности Тагила довоенного времени (до 1914 г.) было очень ограниченным. Сдавали могли идти в приказы или включать в работу свекра (кустаря, старателя).

Материальная необеспеченность рекрута способствовала появлению обмана давать рекруту деньги на дорогу (этой обманческой практикой занимались до сих пор).

По установленному порядку в церковь и другие религиозные общины (синагоги, мечети, часовни и т.д.) данного уезда объявлялись были повелевать списку мужчин, родившихся в тот год, который

И.А. Орлов

подлежал призыву. Списки подавались уездному военному начальнику. Каждый волостной начальник после соответствующей проверки рассылал их по волостям каждого церковного прихода для выявления отсутствующих по каким-либо причинам (умерших, ушедших на заработки и пр.). Волостное правление уполномочило эти списки по ревизским спискам, через полицию извещало отсутствующих о времени явки на призывной участок волости.

Проверенные, уточненные списки всех церковных приходов волости волостное правление пересылало военному начальнику. За неделю до призыва созданный при волостном правлении комиссия рассылала повестки всем призывникам о времени явки на место работы воинской призывной комиссии.

Накануне призыва в земский Дом на Уральской улице старались составить Тагильских волостей. Под председательством военного начальника комиссия воинского присутствия проверяла документы, списки, получала информацию, в это же время назначались дежурные от волости и полиция.

В назначенный в повестке день новобранцы являлись в призывную комиссию. В присутствии и под наблюдением члена призывной комиссии поочередно доставали номера — «кресты». Номер — «кресты» ставился в списки призывников по реверсу. Этот номер определял очередность явки в призывную комиссию. Могло случиться, что количество призываемых было больше числа требующихся призывников, тогда объявлялся конкурс на номер освобождения от призыва в армию до мобилизации в военное время. По этому случаю была сложена рекрутская песенка-частушка:

Ты бери, бери, сынок,
Бери дашний номерок...

(Таким счастливым все завидовало, при случае им попадало. Иногда дело доходило до драк).

В день, назначенный для данного дня новобранцы. Раздвигались, они входили в комиссию присутствия. Здесь замеряли рост, объем груди, вес, проверяли здоровье (высказываясь, семейное положение. Затем же сообщали род войск, в каком новобранец будет служить. Затем назначали время явки в Верхотурье для назначения и отправки в часть.

В присутствии же стрелки возрост и борозду под мышку («брала»). Негодным к службе по болезни или другим причинам давали отсрочку на год, до следующего очередного призыва.

Существовали некоторые льготы для призывников. Так, старший сын в любой семье освобождался от призыва. Но по просьбе родителей и с согласия призываемого волость могла заменить любого из сыновей, призвав вместо него старшего сына.

Негодным к службе освобождался также лица духовного звания, монахи и незнакомые из представителей национальных меньшинств. Лица, имеющие среднее образование, служили три года, остальные — четыре.

Врачебно-призывная комиссия призыва, парикмахеры машинной под носовой номер остригли голову. Выдача повестки о времени явки в уездный город Верхотурье для назначения в часть. Два месяца на устройство своих домашних и семейных дел. Взял расчет на производстве.

Идет забранный рекрут через толпу ожидающих своей очереди призывников. Слышит подниманию, остроту, замечания, вопросы. Теперь он рекрут. Он неприкосновенное лицо. Никто не имеет права задержать его пальцем. Все его недоброжелатели,

соперники, не успевающие свести с ним счета, теперь ничего с ним не делают. За него теперь заступают, государна человек.

Вышедшего из призывной первой замечает мать среди принятых и плачущих матерей предшествеников. По бритой голове понимает она, как решена судьба сына.

Мать с предчувствием бросается слезу на шею. Он, в зависимости от воспитания и характера, стеснялся окружающих, стараясь освободиться от объятий матери (иногда в грубой форме). Отец переживает по своему: скрытно, суетливо, забывает. Обращается с сыном не так, как раньше, до призыва.

Знакомые девушки, родственники, сестры дарят призывнику цветные платки — простые и шелковые, и заказывают посылки. Прикалывают ему цветки на шапку и на грудь. Если цветов много, их прикрепляют к ленте, перевязанной через плечо (обычай, введенный в Тагиле примерно с 1909 г. до этого года ленту не перевязывали).

В Тагиле было принято носить восковые цветы (подвешенные), а у приезжих из соседних деревень — крупные, яркие цветы из бумаги.

Товарищи, друзья подхватывают рекрута на руки, под кураж бросают его вверх. Первые бурные проявления заботы о рекруте ильзты, конечно, Едут домой. Назначается вечер в доме рекрута. Пашеки, рекрутские песни, советы, пожелания, слезы матери, жены или подружки.

Расчет новобранец получает немедленно. Работать не дадут, боясь, чтобы не поумирился, так как за него придется отвечать.

Получив расчет, рекрут обязательно покупает башмак — шерстяной капошон (полного башма) и войсковую 1862 г. (эмпирико-математический словарь) и сумку — портмоне большого размера.

мата под деньги, даваемые родственниками и знакомыми на дорогу при прощании.

Волостное правление из своей кассы выдавало каждому новобранцу — члену общества (где бы он ни работал) пятнадцать рублей «добровольных», из которых вычитались численности за новобранцем недоимки.

Целый месяц гуляют рекруты. На празднично украшенных конях, с бубенцами, с колокольчиками на дуге, запряженных парами, тройками, с гармошкой, развозила двести рекрут становится на колеса, катается в ноги и говорит: «Прости, Христа ради». Вставай, троекратно, как на Пасхе, целуется. Новобранцу дают деньги на дорогу, кто привезли, кто пашая, кто рубль — смотря по достаткам.

В течение нескольких дней с ушли толпы провожающих по Уральскому тракту, на Потаповку гору. Вперед провожающих шла рекрут с большим цветком, приколотым к мундирной в то время круглой маленькой мерлушковой шапке. В руках он держал по сважке разноцветных ярких платков, держала девушка. Чтобы они были видны, он ими слегка помахивал. Рядом с новобранцем могла идти девушка: его невеста или жена.

На Потаповской горе, против каабацки (теперь свесно) собирався толпы провожающих и любителей посмотреть проводом. Собирався массы народа. Шум, песни, причитания. Не обходилось и без драк. Друзья, товарищи при прощании «метали» на руках рекрутов под крики «ура». Пела прощальные песни, частушки. Последний раз рекруты прощались с родителями, родственниками и крестной, женой или невестой, катаясь им в ноги. Потом по четыре человека садился на повозку (брали у знакомых или нанимали) и ехали в Верхотурье. Многие ехали по железной дороге. Прощание азиатского военного эти традиции стала ломаться. Начал садить в Верхотурье только поездом. Это было и дешевле, и проще. Проводы были перенесены на станцию Тагил.

И. ОРЛОВ, краевед.

- Записано по рассказам бывших рекрутов:
- Гавнина Всеволода Ильича, 1890 г. рождения, призывался в 1915 году, рабочий (ул. Ударная, 3 а);
 - Лашенко Александра Федоровича, 1893 г. рождения, призывался в 1915 году (ул. Некрасова, 25);
 - Ожиганова Ивана Осеевича, 1888 г. рождения, призывался в 1909 году, рабочий, красногвардеец (ул. Пароходная, 5);
 - Швецова Николая Игнатьевича, 1894 г. рождения, призывался в 1914 году, рабочий (ул. Верхняя Черепанова, 54);
 - Белькова Валентина Николаевна, 1896 г. рождения, призывалась в 1916 году, образование среднее, служащая (ул. Верхняя Черепанова, 26);
 - Семенова Евстафия Осеевича, 1892 г. рождения, призывался

- из села Малая Лая, рабочий (ул. Газетная);
 - Дьячкова Павла Атеевича, 1894 г. рождения, призывался в 1914 году, среднее образование, служащий (ул. Верхняя Черепанова, 27);
 - Мухина Николая Петровича, 1895 г. рождения, призывался в 1915 году, бывший священник (ул. Зензеева, 6);
 - Бераликова Владимира Егоровича, 1896 г. рождения, призывался в 1915 году, бывший рассыльный Выхиско-Никольской волости (ул. Краснознаменная).
- Из личных воспоминаний Ивана Абрамовича Орлова При объявлении войны 1914 года — объявлен мобилизацией и других возрастов. Время на подготовку к отрывке давали от трех до пяти дней.

нов, цель которых — об- только через налоги. . . Он Как раз заботой о солда- в голосовании, 30727 чело- территория комбината. век (94,6%).

По страницам «Тагильского краеведа»

В следующем году к 270-летию города Нижнего Тагила 2-тысячным тиражом должно выйти «избранное» самодеятельного журнала «Тагильский краевед». Осуществить финансирование, а также гравировать. Но уже в этом году 270 лет исполняется нашему предприятию — Высокогорской железнорудной, откуда берет начало город. Итак, 270-летию Высокогорского ордена Ленина рудоуправления посвящается...

Этот журнал вы не встретите в киосках «Союзпечати», подписаться на него тоже невозможно. Он из разряда литературы, или которой — сарказм. Всего в 5 экземплярах с 1988 года выходит «Та-

гильский краевед» — один раз в квартал. В десяти увидевших свет номерах, — все, что так или иначе связано с Тагилом. «Исследование... Поиск и находки», «История страны в судьбах тагильчан», «Наши земляки», «Тагил за пределами Тагила», «Осталось только на фотоснимках» — всего 13 рубрик.

Состав редколлегии — 9 человек. По профессии и образованию разные. Учителя, сотрудники архива, библиотекаря, геолога, металлурга и другие. Объединят деятельная преданность малой родине, увлеченность поиском нового, духовность. Нет, они не «чуждики», прячущиеся от серых будней в «предания старины глубокой». Связи с историей,

в которой надлежит черпать нравственность, пока такие люди не перелыжили, не суждено обратиться. Нужно ли говорить о том, что сейчас, когда все мы — журические ветром», это актуально Вернуть то, что, жила, не равно, то, без чего любой народ — просто популяция, еще можно. Еще не вечер. В надежде на будущее, на возрождение чести и славы русской, славы Урала — весь кропотливый, самоотверженный труд краеведов.

Сами достают бумагу, печатают тексты, переплетают, делают тиснение. Краеведческий музей частично финансировал выпуск двух последних номеров журнала. Энтузиасты —

слово не ново, но, к счастью, всегда современно.

У истоков издания стояли пятеро человек: первый президент клуба краеведов Б. А. Шилов, Т. М. Сырова, взявшая на себя ответственность редактурой, Е. Н. Епанчихина, работница архива, документально точные работы которой не требовали проверки, печатно оформлявшая тексты, инженер-геолог, бывший работник Тагильской геологоразведочной экспедиции М. П. Рыжова, ей принадлежит идея создания журнала. И, наконец, Иван Трофимович Коварда, зрелищный и компетентный исследователь, уникальный фотограф, страстный коллекционер и знаток литературы. Ведущий рубрики «Ос-

тальос только на фотоснимках».

От номера к номеру заметно растет уровень профессионализма редколлегии. Ширится круг авторов, разнообразнее становится тематика. Заметное место в журнале заняла «Литературная страница», которую ведет В. А. Чугунов, начальник отдела кадров рудоуправления. Уникальные материалы публикует старейший краевед, человек с замечательной памятью Иван Абрамович Орлов, которым в сентябре исполнится 90 лет.

Подборку материалов из журнала «Тагильский краевед» мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

АНДРОМАХА НА КЛУМБЕ

В центре Нижнего Тагила, по соседству с драматическим театром имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, на холме высятся старинное здание с шестьюколонным портиком. В нем размещается поликлиника второй городской больницы. Здание построено крепостным архитектором А. П. Чеботаревым в 1829 году. Перед входом в здание, в центре большой цветочной клумбы, установлена бронзовая скульптура женщины, сидящей на пьедестале с подбитой рукой. Это Андромаха.

Откуда здесь мифологический образ, какая связь его с лечебным учреждением? Связующей нитью является то, что в старинное здание, и скульптура Андромахи — это отдельные фрагменты истории тагильских заводчиков Демидовых. Здание возведено специально для заводской больницы и аптеки по распоряжению владельца заводов Демидова Н. Н., жившего в Италии. Умирая от паралича в своем дворце во Флоренции, он завещал похоронить его в Нижнем Тагиле в подвечном склепе Вийско-Никольской церкви, который стал с

тех пор усыпальницей рода Демидовых.

В 1885 году там же, в Италии, умер внук Н. Н. Демидова — Павел Павлович Демидов, князь Сан-Донато. Как и его дед, останки этого Демидова были перевезены в Нижний Тагил и похоронены в родовом склепе.

Супругой П. П. Демидова была Елена Григорьевна Трубицкая (родственница декабриста С. П. Трубицкого — корр.). По желанию княгини Е. Г. Демидовой на надгробие ее супруга с надписью «Елена» возмобленна Паулу была установлена скульптура Андромахи, одной рукой поддерживающая барельеф Павла Демидова.

В 1964 году Вийско-Никольская церковь по основания разрушена. На ее месте построен Дворец культуры «Юбилейный».

Скульптура Андромахи, представляющая историческую и художественную ценность, была извлечена из демидовского склепа и поставлена на клумбе перед входом в городскую поликлинику.

К. Ф. ЛЯПЦЕВ.

Мурунская мельница

На реке Лебе ниже села Горбуново, близ ее впадения в тагильский пруд, была небольшая водяная мельница Семена Ивановича Мурина, члена горбуновского сельского общества. Была она на один постав, работала от водяной турбины.

Иногда на этих жерновах тагильские кушари молотили окорок, малякит, нежелезную кость (кость, обработанную серной кислотой).

На мельнице, кроме самого Семена Ивановича, работали и шесть его сыновей. Мурины ремонтировали и сельскохозяйственные машины снопок, орудия сельчан: сеялки, волки, сортировки, жатки и т. п. Участок до полутора десятков был не огорожен. Рассказывали, что мельница досталась Муриным в наследство от родственника, тагильского купца Львова в конце 1890 года.

Мельница и пруд были в основном лесу. Берга местами были со скальными образованиями, что делало место очень живописным. Упоминала молодая Тагила часто проводила здесь выходные.

Сам Мурин с семьей жил в двухэтажном доме. Для покрытия расходов растущей семьи он поставил еще два одноэтажных дома и славил их под дачу тагильским купцам.

В 1929 году при организации горбуновского колхоза Мурин передал ему мельницу и все ее заведующим. С этого времени не стало желающих снимать дачу, дачные дома Мурина продали.

Выросшие сыновья Мурина один за другим перешли на предприятия Тагила, в конце 30-х годов не стало надобности в мельнице, и она была заброшена. Мурина перешли как специалиста-мукомольца заведующим колхозной мельницы в Ляю. Тула же было перевезено голое оборудование горбуновской мельницы.

Мурунская мельница постепенно разрушалась, вступая подполью размыли внешние воды. Сам Мурин умер во время Великой Отечественной войны в возрасте 70 лет. О нем не помнят название места — Мурунские пруды.

И. А. ОРЛОВ.

Горбатый мост

На железных опорах повиснув, кинув тени лютеный фасон, рабочим большим коромыслом поднимает подгорода он. До костей сквозняками продутой, паровозным дымом облит,

кто б ни шел по нему, почему-то на пролетах его постоит. Постбит, словно что-то припомнит, словно что-то влещет

через верх. Не его ли оклинула дома? Не зовет ли

мартовенный цех? За мгновение — хочешь — раскрывается — подлинный смысл: если встал, то, конечно, рабочий,

сталева, горной, металлост.

Здесь не встанет никто — парашоку на виду у бессонных горилл.

И проносится мелким горошком, что боится коснуться перил. Работяга, с заводским запястком у лица,

точно он — проходная Тагила, где берут на проверку сердца.

М. СОЗИНОВ.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Вероятно, немногие знают, что в конце тридцатых годов значительную часть всех репрессированных лиц разделяли и чекисты.

В докладе по поводу двадцатилетия органов государственной безопасности, торжественно отмечавшейся в Москве в декабре 1937 года, А. И. Микоян сказал: «Ежев создал замечательные костяки чекистов, советских разведчиков, изгнав чуждых людей, проникших в НКВД и тормозивших его работу...». Отметим, что Ежов не создавал, а переделывал на новый лад такой костяк, созданный еще

под руководством В. И. Ленина. И в тридцатые годы в этом костяке находились многие сотрудники, которые вступили во Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК) в период ее становления. Именно они и служили помехой нововведениям Ежова, с приходом которого к руководству наркоматом внутренних дел стали насаждаться методы в оперативно-следственной работе, идущие вразрез с принципами социалистической законности. Работу сотрудников стали оценивать не по качеству, а по количеству заводских дел и производимых арестов.

в соответствии с приказами и инструкциями, которые наркомат внутренних дел разрабатывал и рассылал в местные органы госбезопасности. Это активизировало оперативную деятельность в направлении непрерывного скривия народа повсюду и особенно среди «социально опасных элементов» (СОЭ), к которым тогда относили бывших офицеров, раскулаченных, имевших отношение к оппозиционным партиям. Среди СОЭ особую категорию учета составляли иностранные специалисты, бывшие иноподданные, а также имевшие род-

ственников и иные связи за границей.

Чекисты, отказавшиеся от участия в незаконных репрессиях, объявлялись чуждыми людьми и предавались суду военного трибунала. Такими изгоем оказались и тагильчане Губин Николай Сидорович (1901—1982) и Друцез Андрей Васильевич (1890—1963), а также житель поселка Висим Нижнетагильского округа Мартынов Константин Иванович (1897—1937), с 1917 по 1920-й годы работавший в Вятской и Пермской ВЧК, активный участник гражданских

войны на Урале, «красный партизан».

О том, как они попали в машину массовых репрессий, как сложилась судьба каждого из них, предлагается вниманию читателей «Тагильского краеведа» подборка материалов, подготовленная на основе подлинных архивных документов и воспоминаний.

С. В. ГАНЖА.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ ОПЕР-СЕКТОР ОГПУ

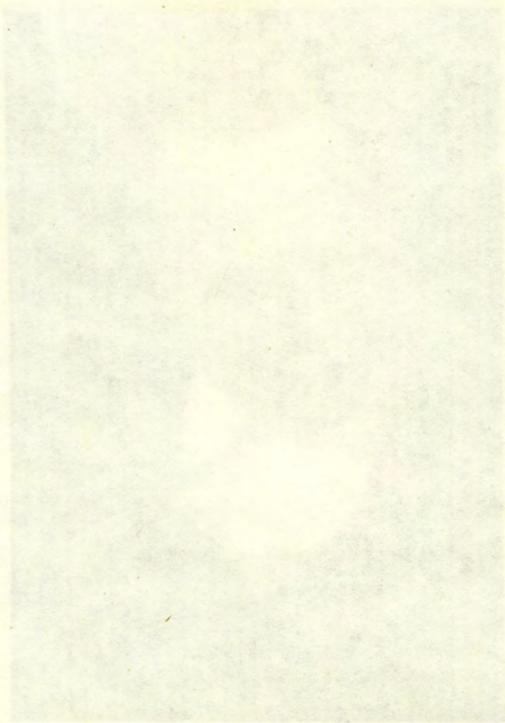
На 1-й площадке Кокострой работает врач Богородовская. Рабочие жалуются на северное обращение Богородовской с ними и указывают, что со спец. высланными она обращается особенно, хорошо. Есть слухи, что она клеветочный элемент. В Горьдраве, кроме вутеви Обладова, никаких данных о ней нет. Зав. с/ч Васильева. Секретно

22.V.32 г. Начальнику Н. Тагильского сектора НКВД тов. Плахову Инструктором ГОРОНО тов. Барчанниковой 7-й школы 5 класса Заряева Виктора (тетрадь по немецкому языку), на последней странице которой имеется стиктоэроние контрреволюционного содержания о челоукищцах. По-

черк письма очень схож с почерком сестры Заряева, которая работает зав. военным столом завода № 63. Приложение: тетрадь Заряева. Зав. 1-м отделом горсовета Заряевый, Леванеский, Заряевый, Ляндеский, Заряевый, лагер Шмидта, и прочий. Вы наущарили,

судно потопили, А теперь червонцы полужай. Если бы не летчик Мишка Водопьянов, Не внять бы больше вам Москва. Плавали б на льдине, жили б, как в могиле, Выли б, как собачи от тоски. Вы теперь герои, словно пчелы в рою, Собрались все в одной стране.

Денги получили, в Крым все укатили, А «Челюскин» плахов хоть на дне. Вы теперь не плохой — хорошо живете: Вечерники, яслики и гульба. Денжки в кармане, рожи на экране, Это! экспедиция! деле. Редактор Л. А. СКОРОХОВОА.

Автор предлагаемого материала нашего журнала материки Краеведческого уральского краеведческого общества. Живет он в Артемовском. Его исследования опубликовались в местной, общегородской, центральной печати. Он автор книги "Наш город Артемовский" /1966 г./, "Артемовский" /из серии "Города нашего края", 1968 г./, "Имена памяти", посвященной землякам-артемовцам, погибшим на поле брани и замученным в годы репрессии /1991 г./.

А.А.Брилин - многократный участник краеведческих чтений.

ИЗ ПОЧТЫ "ТАГИЛЬСКОГО КРАЕВЕДА"

По случаю краеведческого чтения в нашем журнале материал более всего интересен для рубрики "Исследования. Поиск и находки". Однако поспешите вернуться к нам уже после того, как настоящий номер журнала был сверстан. Тем не менее редакция сочла возможным опубликовать его именно теперь, не откладывая на будущее.

А.И.Брилин

А.Ф.БУНАКОВ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ

В последнее время мы все чаще вспоминаем о том, что многие беды нашей жизни происходят от пренебрежения к знаниям и ее культуре. Заслуги наших авторы знаменитых российских учителей, составивших когда-то ее славу. А между тем изучение наследия их чрезвычайно полезно.

Из революционных членов пролетариата И.Д.Жуковский, И.И.Водосвизов, В.И.Сотворского, И.Ф.Чайтерова были известны иosome ироков. Это была не только блестящая группа, но и активная общественная деятельность.

Одним из таких участников был Николай Федорович Бунаков, 1837-1904. Кем он был? Исследователя И.Д.Жуковский, который в своем наследии... (text is very faint and partially obscured)

Автор предлагаемого читателям нашего журнала материала - известный уральский краевед Александр Иванович Брылин. Живет он в гор. Артемовском. Его исследования публиковались в местной, областной, центральной печати. Он - соавтор книг "Наш город Артемовский" /1966 г./, "Артемовский" /из серии "Города нашего края", 1983 г./, "Книги памяти", посвященной землякам-артемовцам, погибшим на поле брани и замученным в годы репрессий /1991/. А.И.Брылин - многократный участник "Бирюковских чтений".

По своему характеру присланный для нашего журнала материал более всего подходит для рубрики "Исследования. Поиск и находки". Однако поступила рукопись к нам уже после того, как настоящий номер журнала был сверстан. Тем не менее редколлегия сочла возможным опубликовать ее именно теперь, не откладывая на будущее.

А.И.Брылин

Н.Ф.БУНАКОВ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ

В последнее время мы все чаще приходим к выводу, что многие беды нашей жизни происходят от пренебрежения к школе, к ее нуждам. Забыты многие заветы знаменитых российских учителей, составлявших когда-то ее славу. А между тем изучение наследия их чрезвычайно полезно.

До революции имена просветителей К.Д.Ушинского, В.И.Водовозова, В.П.Острогорского, П.Ф.Каптерева были известны весьма широко. Это были не только блестящие учителя, но и активные общественные деятели.

Одним из таких педагогов был Николай Федорович Бунаков /1837-1904/. Демократ, последователь К.Д.Ушинского, теоретик и практик начального образования, он был широко известен как автор много-

кратно переиздававшейся "Азбуки" и других книг по обучению грамоте. Он был "учителем учителей". Он провел десятки учительских съездов в разных губерниях России, переподготовив свыше 4000 учителей. На съездах он сочетал пропаганду своих методов обучения с практическим показом уроков и с "обсуждением заготовленных учителями и учительницами докладов по разным вопросам школы и школьного дела".

Учительские съезды, проводимые Бунаковым, в особенности уральские /в Н.Тагиле, Ирбите, Шадринске/, не ограничивались только учебным процессом, а превращались в "культурные праздники", проходившие под лозунгом процветания народного образования, занятий литературных кружков, встреч с передовыми людьми того времени. Такой съезд учителей Верхотурского уезда проходил на Нижнетагильском заводе 110 лет назад, в 1881 году.

В дневниках, опубликованных уже после смерти, Николай Федорович вспоминал, как впервые попал на Урал, в губернскую Пермь /до нее добирался пароходом по Волге и Каме/, а далее по железной дороге. "Нижнетагильский завод, принадлежащий Демидову, оказался целым городком с населением в 20 тысяч, с порядочными постройками, с театром, с монументами Демидову и Карамзину /сыну историка/ на площади, с общественным садом на берегу озера /заводского пруда. А.Б./"

Вначале местом заседания был избран зал в доме заводского управителя, где провели открытие съезда, но позднее перешли в более удобное помещение театра, разместив на сцене временную школу из трех отделений - для практических занятий.

"Надобно сказать, - писал в дневнике Бунаков, - что учительство Пермской губернии, собравшееся на Нижнетагильском съезде, представляло собой очень пеструю толпу: были молодые люди из духовной семинарии и гимназистки, прошедшие восемь классов, прогимназистки и ученики реального училища; но в общем это были мыслящие работники, много читающие и мыслившие, любящие учительское дело, школу и народ. Я близко и хорошо сошелся с ними и встретил в этой симпатичной среде чуть ли не больше, чем где-либо, душелюбия, сердечности, прямоты."

Из верхотурских учителей больше всего Николаю Федоровичу пришелся по душе учитель из села Махнево А.И.Мартынов. Воспитанник шестидесятых годов, озаренных именем Чернышевского, А.И.Мартынов еще в юности выбрал путь служения народу и стал учителем,

много сделал для развития образования в Ирбитском и Верхотурском уездах. Это был пытливый и грамотный человек, страстно любящий историю родного края, ставший одним из заметных краеведов конца века. Многие годы А.И.Мартынов являлся корреспондентом УОЛЕ /Уральского общества любителей естествознания/. Им введено в оборот первое название краеведения – "родиноведение". Его книга "Краткий исторический очерк Пермской губернии и Верхотурского уезда" и стал первым учебником на Урале по родиноведению. А.И.Мартынов создал в Махнево одну из первых в уезде библиотек, он же организовал в 80-х годах краеведческую комиссию из учителей и земских деятелей, труды которой регулярно появлялись на страницах уральской печати.

Здесь же на съезде Бунаков близко сошелся с членом училищного совета доктором П.В.Рудановским. Главный врач на Нижнетагильских заводах П.В.Рудановский имел степень доктора медицины, был избран членом Парижской академии наук и был автором ряда трудов, принесших ему общеевропейскую известность. П.В.Рудановский – один из главных инициаторов и учредителей УОЛЕ.

Познакомился Николай Федорович и с горнозаводским Уралом. В его дневнике появилась запись: "...ездили в Верхне-Салдинский завод, где видели прокатку рельсов и бессемерование, т.е. приготовление стали непосредственно из чугуна посредством продувки воздухом и провели несколько приятных часов в семействе управляющего г. Поленова, человека высокообразованного и в высшей степени оригинального."

К.П.Поленов, изобретатель русского бессемерования, задолго до изобретения Яблочкова создал электрический фонарь, а также весьма остроумный прибор для точной обрезки рельсов – фотометр. Наверняка при встрече с воронежским гостем были опробованы и другие изобретения уральца – мелодром /электромузыкальный инструмент/ и проекционный фонарь, тем более что гость давно уже внедрял в школьную практику показ "туманных картинок".

В Нижне-Салдинском заводе Бунаков побывал в доме управлятеля Н.А.Алексеева, "чрезвычайно милого и доброго человека".

"Кроме массы личных наблюдений, – вспоминал позже Бунаков, – я вывез с Урала целую коллекцию минеральных богатств этого интересного края и несколько превосходных фотографий этой местности, подаренных мне представителем земской управы Пермяковым и Н.А. Алексеевым."

После окончания работы тагильская общественность устроила учителю торжественные проводы. С теплыми речами выступили представитель земской управы Пермяков, член училищного совета Рудановский, учитель Мартынов. Последний на память о съезде подарил Бунакову "красивое каменное пресс-папье местной работы /на яшмовой доске, с приличной надписью, ягоды и фрукты из разных камней, сердолика, селенита, орлеца и т.п./".

На проводы на вокзал собрались все слушатели курсов и новые друзья "учителя учителей". Состоялся дружеский обед. Николаю Федоровичу подарили много цветов, а когда он направился от вокзала в вагон, усыпали дорогу цветами, приветствуя его дружным "Ура!".

Сто тридцать один учитель Верхотурского уезда прошел, говоря современным языком, повышение квалификации на съезде, организованном Н.Ф.Бунаковым. Прогрессивные педагогические идеи "учителя учителей" падали, как семена в хорошо подготовленную почву, и способствовали развитию народного образования в крае.

Использованные источники:

1. Н.Ф.Бунаков. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. Спб., 1909 г.
2. А.Ф.Коровин. Верхотурский краевед А.И.Мартынов. Рукопись.
3. "Уральский рабочий", 3 июля 1985 г.
4. Календарь-справочник Свердловской обл. 1967, 1968, 1969 г.г.
5. Советский энциклопедический словарь. См. Бунаков Н.Ф.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЖИЛОВ	
Ивану Абрамовичу Орлову - 90 лет	3
И.А.Орлов. О гостиницах и постоялых дворах в Н.Тагиле	4
В.А.Симонов. Земляника и другая ягода	8
ИСТОРИЯ СТРАНЫ В СУДЬБАХ ТАГИЛЬЧАН	
Э.Ю.Фискинд. Эвакуация	12
Л.Ф.Зудов. Далекое детство	19
Л.И.Ганина. "Я, Ганина Любовь Ивановна,..."	27
ИССЛЕДОВАНИЯ. ПОИСК И НАХОДКИ	
М.П.Рыжова. "...И еще о "Санси"..."	53
ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ	
О состоянии детской трудовой коммуны	66
Об улучшении бытового обслуживания работников административного аппарата	70
ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО НА ФОТОСНИМКАХ	
"Вычеркнем водку из своего бюджета!"	75
Тагильские памятники Сталину	77
ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА	
Николай Маркин. Стихи	82
О ЧЕМ ПИСАЛИ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ	
И.Т.Коверда. Испытание правдой	93
СНИМКИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА	
Старинный снимок. Из альбома Н.М.Неверовской	109
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ ТАГИЛА	
Б.А.Шилов. Хроника. Цифры и факты	121
ВСТРЕЧИ С КОЛЛЕКЦИОНЕРАМИ	
В.А.Чугунов. Лобко Николай Федорович	125

ИСТОРИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ

Десять правил для жизни	130
Блохоловка	131

НЕКРОЛОГ

Памяти Сергея Викторовича Бараева	132
---	-----

ХРОНИКА КРАЕВЕДЧЕСКОГО КЛУБА

Т.М.Сырова. Декабрь 1990. Январь-июнь 1991 . . .	134
--	-----

ИЗ ПОЧТЫ "ТАГИЛЬСКОГО КРАЕВЕДА"

А.И.Брылин. Н.Ф.Бунаков в Нижнем Тагиле	148
---	-----

В номере 80 фотоснимков

В выпуске номера принимали участие:
Е.Епанчинцева, И.Коверда, М.Рыжова,
В.Чугунов.

Фотоснимки и репродукции И.Коверды

Дежурный редактор И.Коверда

Тираж 5 экземпляров

Июль 1991 года

Напоминаем читателям, что при использовании наших публикаций ссылка на журнал и автора обязательна.

Перепечатка материалов разрешается только с согласия редакции или автора

